

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



**СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Основана в 1959 году

**РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:**

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь).
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, докт. геол.-минерал. наук *И.А. Резанов*,
член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

Н.Н. Медведев

**Юрий
Александрович
ФИЛИПЧЕНКО**

1882 – 1930

Издание второе,
исправленное и дополненное

Ответственный редактор
доктор биологических наук
В.В. БАБКОВ



МОСКВА
НАУКА
2006

УДК 575
ББК 28.04
М42

Рецензенты:

академик В.А. СТРУННИКОВ,
доктор биологических наук Э.Н. МИРЗОЯН

Медведев Н.Н.

Юрий Александрович Филипченко. 1882–1930 / Н.Н. Медведев; отв. ред. В.В. Бабков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 2006. – 230 с. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 5-02-033893-1.

Книга о жизни и деятельности профессора Ленинградского университета и заведующего Лабораторией генетики АН СССР Ю.А. Филипченко (1882–1930), труды которого явились ценным вкладом в развитие русской и советской генетики. В ученом удачно сочетались талант неутомимого исследователя, организатора науки, блестящего оратора и педагога. В книге показан широкий круг научных интересов Ю.А. Филипченко. Вышедшая в 1978 г. книга значительно отличается от задуманной автором – ее рукопись подверглась многочисленным купюрам и насильственным переделкам. В настоящее издание по первоначальной авторской рукописи добавлена ее драматическая история.

Для биологов и многих читателей, интересующихся историей науки и судьбами ее представителей.

Темплан 2005-II-109

ISBN 5-02-033893-1

- © Медведев Н.Н., 1978
- © Медведев Н.Н., 2006, с изменениями
- © Медведева Н.А., Медведев Г.Н.
(приложение), 2006
- © Российская академия наук
и издательство “Наука”, серия
“Научно-биографическая литература”
(разработка, оформление), 1959
(год основания), 2006
- © Редакционно-издательское
оформление. Издательство “Наука”,
2006

От составителей

Первое издание книги Н.Н. Медведева “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО” вышло в свет в 1978 г. Небольшая, объемом всего в 5 авторских листов, книга мучительно пробивала дорогу к читателю на протяжении шести с лишним лет. Чем же был вызван столь долгий ее путь? Какие силы могли тормозить выход книги о человеке, о котором сразу после его кончины академик Н.И. Вавилов напишет:

“В развитии генетики в нашей стране Ю.А. Филипченко сыграл выдающуюся роль. Как учитель, он в генетике не имел себе равных, это был блестящий педагог, приковывающий внимание аудитории как глубиной содержания, так блеском и отчетливостью изложения. Лекции Филипченко всегда собирали переполненные аудитории.

Ю.А. Филипченко был первым профессором генетики в нашей стране, он был основателем кафедры генетики при Ленинградском университете (...)

Филипченко был не только выдающимся профессором-педагогом, мастером изложения, но также первоклассным исследователем, ученым, пролагавшим пути в наиболее трудных областях генетики (...)

Будучи крупным теоретиком, Ю.А. Филипченко глубоко интересовался и практическими заданиями сельского хозяйства, и не случайно объектами его работы в последнее десятилетие становятся пшеница и с.-х. животные (...)

С большой готовностью Ю.А., перед смертью, взял на себя заведование крупнейшим генетическим учреждением Союза – Отделом генетики Всесоюзного института животноводства (...).¹

Эти слова взяты из вступительного очерка Н.И. Вавилова к посмертному изданию последней работы Ю.А. Филипченко “Генетика и ее значение для животноводства”¹, написанной им в течение 10 часов пути со съезда зоологов, в вагоне поезда из Киева в Ленинград, за 6 дней до кончины. Достаточно одного этого примера, чтобы ощутить интенсивность жизни и работы великого ученого!

¹ Филипченко Ю.А. Генетика и ее значение для животноводства. М.; Л.: Сельхозгиздат. 1931. С. 6–8.

Большой гуманист, Юрий Александрович Филипченко не мог обойти проблему, касающуюся, прежде всего, генетического здоровья людей. В своих популярных работах по евгенике с одной из наиболее трудных областей генетики) он рассматривал возможные пути преодоления негативного груза наследственности и не переставал утверждать, что людям для этого необходимо “...прежде всего, *знание всех относящихся сюда вопросов*, а затем *распространение этого знания в широких народных массах*” (курсив Ю.Ф. – *Сост.*). Лишь эти две вещи <...> гораздо надежнее всяких запретительных законов”².

Однако пионерские работы Ю.А. Филипченко по наследственности человека и евгенике, написанные в первые послереволюционные годы, вызывали жесточайшую критику не только при жизни ученого, но и позднее, вплоть до 1970-х гг. Именно эти работы оказались главным камнем преткновения при публикации небольшой биографической книги о нем.

Увидевшая свет в 1978 г. книга оказалась далека от той, какой ее хотел видеть автор Н.Н. Медведев – один из первых выпускников первой в стране кафедры генетики, созданной Ю.А. Филипченко в Петроградском университете в 1919 г. Под руководством Юрия Александровича Николай Николаевич Медведев работал вплоть до скоростной кончины ученого на 49-м году жизни в 1930 г., а поэтому хорошо знал не только самого Ю.А. Филипченко, но и обстоятельства его жизни и работы.

Намереваясь хоть кратко, но честно и правдиво рассказать будущим поколениям о великом российском ученом, Н.Н. Медведев даже и представить не мог, какие преграды придется преодолевать ему в борьбе за имя своего учителя. Измученный бесконечными придирками и требованиями переделок и сокращений, он уже был готов опубликовать из всей своей книги только список трудов Ю.А. Филипченко, который не издавался с 1930 г.

И это при том, что рукопись Н.Н. Медведева неизменно получала высокую оценку многих авторитетных ученых, которые вместе с ним надеялись на возвращение в ряд виднейших российских деятелей науки из незаслуженного забвения одного из основоположников отечественной генетики. Да и у самих издателей на начальном этапе работы не возникало никаких вопросов, заставляющих усомниться в ее пригодности к изданию.

Об этом пути и многочисленных препятствиях на каждом этапе превращения рукописи в готовую книгу рассказывают бережно сохраненные Н.Н. Медведевым документы.

² Филипченко Ю.А. Что такое евгеника. Петроград: Бюро по евгенике. 1921. С. 26.

Первая попытка опубликовать книгу в издательстве ЛГУ в серии “Выдающиеся ученые Ленинградского университета”, относящаяся к 1972 г., закончилась неудачей. Автор не пошел на поводу у издательства, требовавшего максимально сократить, а еще лучше и вовсе исключить из рукописи рассмотрение работ Ю.А. Филипченко по евгенике и наследственности у человека, и тем умалить заслуги ученого.

Обратившись со своей рукописью в издательство “Наука”, автор надеялся сохранить в книге эти материалы.

Вторая попытка (в серии “Научно-биографическая литература” издательства “Наука”) хотя и закончилась выпуском книги, но в процессе подготовки к изданию из рукописи были исключены важные страницы, касающиеся не только личности самого Ю.А. Филипченко, но и его научной и педагогической деятельности. И здесь усилия редакции научно-популярной литературы также были нацелены главным образом на изъятие тех мест, где рассматривались евгенические работы ученого, и материалов, касающихся генетической дискуссии 1920-х гг. и др.

То, что, в конце концов, осталось в изданной книге от первоначальной авторской рукописи после многократных вынужденных сокращений, конечно же никак не могло удовлетворить автора. Однако у него уже не было сил продолжать борьбу. К тому же и силы были слишком неравны.

Противостоять идеологическому прессу приходилось не только одинокому доктору биологических наук Н.Н. Медведеву, но и целой плеяде именитых ученых, таких как академики А.Л. Яншин, А.А. Баев, Д.К. Беляев, В.А. Энгельгардт, М.С. Гиляров, И.Т. Фролов, и еще многим другим, которые пришли на помощь автору книги и вместе с ним встали на защиту имени великого русского ученого Ю.А. Филипченко. Таким было положение в биологической науке, в частности в генетике, в нашем отечестве еще 30 лет назад.

Борьба между автором и издателями шла, прежде всего, вокруг изложения евгенических работ Ю.А. Филипченко, его работ по наследственности у человека, а также вокруг главы о генетической дискуссии 20-х годов прошлого века. Если по остальным главам делались отдельные “уколы”, то по этим разделам борьба была масштабной, исключительно острой, с политическим подтекстом.

Труды Ю.А. Филипченко по евгенике постоянно сопровождались недобросовестными спекуляциями. И хотя ко времени написания книги Н.Н. Медведева часть евгенической программы Ю.А. Филипченко уже воплощалась в практических мероприятиях в рамках медицинской генетики, сфабрикованный когда-то ярлык “работ по человеководству”, исправно продолжал служить гонителям его имени.

Н.Н. Медведев никак не мог согласиться также с тем, что некоторыми советскими генетиками вплоть до 70-х годов прошлого столетия Ю.А. Филипченко, единственный из основоположников генетики в стране, неправомерно зачислялся в автогенетики. Тотальная же идеологизация всех сторон научной жизни в условиях господствовавшего режима ставила знак равенства между автогенетиком и идеалистом, что тогда означало несмыслимое клеймо на репутации ученого.

На книгу Н.Н. Медведева, одобренную авторитетными биологами, сыпались “философские” обвинения в том, что автор “не владеет методом материалистической диалектики”, “не смог раскрыть значение передовой марксистско-ленинской теории”, что книга “может превратиться в пропаганду чуждых нашей идеологии идей” и т.п.

В результате две отдельные главы “У истоков генетической дискуссии (20-е годы)” и “Исследования по наследственности у человека. Евгеника” после насильственных сокращений того, “что не проходит”, и переделок “в духе терпимости” превратились в небольшую главу “Исследования по наследственности у человека”.

Порой сокращения приводили к тому, что оставлять в книге “останки” уже не имело смысла. Так было с главой об уходе Ю.А. Филипченко из Ленинградского университета. От “Заключения” в книге уцелели только два последних абзаца.

Из книги были исключены редкие фотографии, на которых можно было увидеть ученых – жертв репрессий или эмигрировавших из страны. Восстановить их сегодня не представляется возможным, так как Н.Н. Медведев в свое время брал их у частных лиц и вернул владельцам, которых уже нет в живых.

Николай Николаевич Медведев прошел этот тяжелый путь уже в весьма солидном возрасте и успел увидеть книгу за год до кончины. Последнего своего краткого очерка о Ю.А. Филипченко в серии “Выдающиеся советские генетики” (1980) дожидаться ему уже не довелось. До конца дней он не переставал пробивать завесу умолчания и защищать имя своего учителя Юрия Александровича Филипченко.

Настоящее издание книги подготовлено по авторской рукописи, которая была представлена в издательство “Наука” 22 января 1975 г.

Ее драматическую судьбу, как завещание автора и как исполнение нашего долга перед ним, мы постарались рассказать в приложении к этому изданию книги “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО”. Обращаем внимание читателя на то, что приложение написано по документам, подобранным самим Н.Н. Медведевым, и, как писал он сам, “намеренно оставленным для истории”.

Считаем приятным долгом выразить свою сердечную признательность и благодарность доктору биологических наук Василию Васильевичу Бабкову. На протяжении нескольких тяжелых лет, когда книга пробивала путь к читателю, он лично общался с автором, а потому знал все происходившее с ней не понаслышке. Спустя почти 30 лет после выхода первого издания, именно он обратился к нам с предложением переиздать книгу по первоначальному авторскому варианту рукописи и поддержал наше намерение опубликовать документы, касающиеся ее истории.

Тридцать лет назад еще один человек искренне помогал Н.Н. Медведеву и переживал все его неудачи – ученый секретарь редколлегии серии “Научно-биографическая литература” РАН, доктор исторических наук Зинаида Кузьминична Соколовская. Она была не просто свидетелем того, что происходило с книгой, но активно помогала автору, прежде всего как блестящий организатор и координатор взаимодействия людей, от которых во многом могла зависеть судьба книги. И теперь именно она выступила инициатором ее переиздания. Остается только восхищаться ее неутомимой энергией, вниманием к авторам и любовью к издаваемым книгам. Ей был благодарен Н.Н. Медведев, а теперь благодарны и мы.

Мы сердечно благодарим академика РАН Владимира Александровича Струнникова и доктора биологических наук Эдуарда Николаевича Мирзояна – рецензентов нынешнего издания книги “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО” за внимание и поддержку. Тернистые пути людей науки в недавнем прошлом им хорошо знакомы и понятны. Своими благожелательными отзывами они поддерживали в нас надежду спустя годы донести до читателя первоначальный замысел автора.

Еще раз обращаем слова глубокого уважения и благодарности ныне уже к светлой памяти тех известных ученых, которые восстали против невежества и мракобесия, и многое сделали для того, чтобы книга Н.Н. Медведева о великом российском ученом Юрии Александровиче Филипченко, хотя бы и в усеченном виде, все же увидела свет. Со слов З.К. Соколовской нам известно, что для этого председателю редколлегии академику А.Л. Яншину пришлось трижды ходить в Отдел науки ЦК КПСС.

В заключение приведем слова Александра Леонидовича Яншина из письма Н.Н. Медведеву от 3 января 1979 г. “... Я надеюсь, что мы найдем возможность переиздать в неискаженном виде написанную Вами биографию Ю.А. Филипченко”. Осуществления этой его надежды ждать пришлось почти 30 лет.

Н.А. Медведева, Г.Н. Медведев

Предисловие ко второму изданию

Юрий Александрович Филипченко – один из крупнейших русских генетиков XX века. Он занимался широким кругом проблем – был и зоологом, и практическим селекционером пшениц и сельскохозяйственных животных, и евгеником, и прекрасным математиком в вариационной статистике. И ко всем проблемам и объектам своей многогранной деятельности он подходил с позиций исследователя наследственности, то есть генетика.

Ю.А. Филипченко был создателем первой в России кафедры генетики, выдающимся педагогом, организатором не только генетики, но биологического образования вообще. По его учебникам училось все первое поколение советских биологов, а три его книги переиздавались в 1970-е годы не просто как литературные памятники, но как источники знаний, не утратившие своей научной и педагогической ценности.

Ю.А. Филипченко развил очень стройную единую теоретико-биологическую концепцию. Изучая гибриды диких и домашних форм в заповеднике “Аскания-Нова”, он сосредоточился на количественных признаках с полимерным наследованием, ибо эти нормальные признаки живущих в природе видов составляют эволюционно значимую часть изменчивости. Филипченко резко критиковал популярный в те годы механоламаркизм.

Озабоченный здоровьем будущих поколений, Ю.А. Филипченко разработал свою евгеническую программу, в основе которой лежала популяризация генетических знаний и генетическое консультирование населения. Пункты его программы, вошли через много лет в современную медицинскую генетику. Созданное им Бюро по евгенике, ставшее затем Лабораторией генетики, послужило основой Института генетики, созданного Н.И. Вавиловым.

Ю.А. Филипченко подчеркивал, что необходимо различать “микро-” и “макроэволюцию” как самостоятельные области научного исследования, и отдавал предпочтение макроэволюции. Мечтой Филипченко было стройное цельное учение об эволюции, и в этом он опережал свое время. Такое учение должно охватывать как микроэволюцию (и эта теория была им построена), так и макроэволюцию. Последней нет до сих пор, есть лишь от-

дельные концепции, строительные блоки для будущей теории макроэволюции, которая войдет составной частью в общую стройную теорию.

Идеологи 1920-х годов не могли оставить в покое такую яркую, самостоятельно мыслящую личность, как Ю.А. Филипченко, имевшего собственные взгляды и отличавшегося независимым характером. Добрейший человек, он был беспощаден в борьбе с невежеством. Ученый подвергался обструкциям и попросту жестокой травле. Можно предположить, что только ранняя смерть в 1930 году в возрасте 48 лет избавила его от прямых репрессий. Его жена и сын пережили Юрия Александровича на 12 лет. Они умерли в блокадном Ленинграде в начале 1940-х годов.

Как только в середине 1960-х годов появилась возможность говорить и писать о первом поколении русских генетиков, Николай Николаевич Медведев, один из первых учеников Ю.А. Филипченко, принялся за биографию глубоко любимого им учителя. Пытаясь ее напечатать, он столкнулся с жесткими требованиями изъять не только некоторые фрагменты, но даже целые главы и осудить проявления якобы порочной идеологии, будто бы имевшиеся у Ю.А. Филипченко. Я хорошо помню это по личным беседам с автором книги.

Книга Н.Н. Медведева была спасена благодаря поддержке ряда крупных советских ученых (см. Приложение) и, хотя и в урезанном, и искаженном виде, но все-таки вышла в свет в 1978 году. Известно, что председателю Редколлегии “Научно-биографической серии” Российской академии наук академику Александру Леонидовичу Яншину трижды приходилось ходить в Отдел науки ЦК КПСС продвигать эту книгу в печать.

Я с особым удовольствием отмечаю, что Ученый секретарь “Научно-биографической серии” Зинаида Кузьминична Соколовская на протяжении нескольких лет способствовала выходу книги Н.Н. Медведева. Ей же принадлежит инициатива переиздания этой биографии в ее первоначальном варианте.

Итак, перед Вами, читатель, второе издание Н.Н. Медведева “Юрий Александрович Филипченко”.

История науки – это одна из глав истории народа со своими завоеваниями, своими полководцами и рядовыми, своими тружениками и подвижниками. “На костер пойдем, гореть будем, но от убеждений своих не откажемся” – эти крылатые слова великого мученика науки Николая Ивановича Вавилова стали символом стойкости для многих людей, но, в особенности, для людей науки. Очень дороги они были и Н.Н. Медведеву, ученику Ю.А. Филипченко и сотруднику Н.И. Вавилова, прожившему нелегкую жизнь генетика советских времен.

Переиздание данной книги представляет собой пример, характерный для наших дней, когда уже давно ушедшему автору предоставляется возможность, пусть через десятилетия, но все же донести до читателя свой первоначальный замысел в первоизданном виде.

Поэтому, на самом деле, это не переиздание, а воссоздание исходного произведения, если угодно, реставрация литературного памятника в исходных формах и красках.

Судьба распорядилась так, что кроме возвращения к первоначальному варианту рукописи, сохраненному Н.Н. Медведевым, перед читателем открывается еще и уникальная возможность пройти вместе с автором весь путь гонений, выпавший на долю этой небольшой книги, оценить мужество и стойкость человека, который уже на склоне дней был вынужден отдать несколько лет жизни отстаиванию имени и чести своего великого учителя.

С надеждой на торжество справедливости Н.Н. Медведев собирал и бережно хранил личную и деловую переписку о состоянии дел с рукописью, вел дневник, где записывал впечатления того времени. На этой богатой документальной основе Н.А. и Г.Н. Медведевы восстановили в Приложении ход событий, связанных с усилиями автора по выпуску в свет биографии Ю.А. Филиппченко.

Н.Н. Медведев прозорливо верил в то, что если ему не удастся сказать всю правду, то наступит все же время и для всей правды.

И это время наступило. Классика не стареет. Книгу Н.Н. Медведева о его учителе Юрии Александровиче Филиппченко и ее историю с интересом встретят новые поколения читателей.

*В.В. Бабков,
доктор биологических наук*

Н.Н. Медведев

**“Юрий Александрович
ФИЛИПЧЕНКО
(1882–1930)”**

Предисловие к первому изданию

За последние годы опубликован ряд статей и книг, посвященных жизни, научной и научно-общественной деятельности крупнейших советских ученых, с именами которых связано развитие генетики в нашей стране: Н.И. Вавилова, Н.К. Кольцова, А.С. Серебровского, С.С. Четверикова. Однако до сих пор остаются в тени страницы самой ранней истории генетики, которые открываются профессором Юрием Александровичем Филипченко, организовавшим в 1919 г. в Ленинградском университете первую в нашей стране кафедру генетики.

Талантливый ученый, высокообразованный биолог и блестящий лектор Ю.А. Филипченко на созданной им кафедре читал лекции по четырем курсам – общей генетике, изменчивости и методам ее изучения, частной генетике животных и растений и эволюционной теории. Одновременно он развертывал активную научную деятельность в области генетики количественных признаков пшениц, разрабатывал подходы к изучению генетики человека, организовывал экспедиции для исследования генетики домашних животных.

В своей научной и научно-общественной деятельности Ю.А. Филипченко исходил из интересов развивающегося молодого Советского государства. Создание высокоурожайных сортов пшеницы, обогащение страны продовольственными ресурсами, расширение контингента талантливой советской интеллигенции – все эти проблемы были тесно связаны с направлениями его научно-теоретической и практической деятельности.

Одновременно он написал первые отечественные руководства по генетике, изменчивости, экспериментальной зоологии и эволюции. По ним училось все старшее поколение советских генетиков, и некоторые из этих пособий до настоящего времени не утратили своего значения.

Под руководством Ю.А. Филипченко выросла и окрепла ленинградская школа советских генетиков. Первое ее поколение – непосредственные ученики Юрия Александровича. Некоторые из них своей научной и научно-общественной деятельностью способствовали ее дальнейшему прогрессу. В числе их хорошо всем

известные генетики: М.Л. Бельговский, Р.Л. Берг, Н.С. Бутарин, Ю.А. Горощенко, Ю.Я. Керкис, Н.Н. Колесник, Т.К. Лепин, Я.Я. Лус, Н.Н. Медведев, Ю.М. Оленов, А.А. Прокофьева-Бельговская, Е.П. Раджабли, И.А. Рапопорт, Н.Я. Федорова.

Настоящий очерк о Ю.А. Филипченко написан его ближайшим учеником – Н.Н. Медведевым, в прошлом выпускником кафедры генетики ЛГУ первого набора. Он бережно хранил в памяти образ своего замечательного учителя и длительное время собирал материалы, относящиеся к его жизни, научной и научно-общественной деятельности.

Опубликование очерка Н.Н. Медведева – своевременное и важное событие в истории отечественной генетики. В нем правдиво и ярко освещены многие события из жизни и деятельности безвременно ушедшего от нас талантливого, высоко принципиального ученого – Юрия Александровича Филипченко.

*Член-корреспондент АМН СССР
профессор А.А. Прокофьева-Бельговская*

От автора

В 1977 г. исполнилось 95 лет со дня рождения профессора Ленинградского государственного университета и заведующего Лабораторией генетики Академии наук СССР Юрия Александровича Филипченко и 47 лет – со дня смерти, последовавшей в 1930 г. на 49-м году жизни.

Научная и литературно-педагогическая деятельность Юрия Александровича, если исчислять ее со дня окончания Петербургского университета (в 1905 г.), длилась 25 лет, из которых половина приходилась на советский период (1917–1930 гг.). В ранние годы советской генетики на долю Юрия Александровича выпали большие трудности. О них знают лишь непосредственные свидетели тех лет, а новые поколения генетиков могут составить о них представление по тем опубликованным материалам, которые ныне уже стали достоянием истории.

В 1964 г. генетика заняла подобающее ей место в ряду других биологических наук.

О генетике и генетиках пишут в газетах, журналах, книгах, им посвящают телевизионные программы, мемориальные заседания. Изданы работы классиков советской генетики и в том числе избранные труды Юрия Александровича и т.д. Правда, лишь очень немногие генетики старшего поколения как в печати, так и с кафедры, отдали должное Ю.А. Филипченко в своих воспоминаниях [126, 129, 139, 142].

Причин тому было много, но, пожалуй, чаще всего ссылаются на несовершенство человеческой памяти. Действительно верно, что со временем прошлое постепенно покрывается слоем исторической пыли, которая делает его малоразличимым, а сами образы похожими на плохо проявленные или выцветшие фотографии. Однако для тех, кто хорошо знал Юрия Александровича лично, его духовный облик как ученого и гражданина не выцвел, не запылится. Напротив, прошедшие после его смерти годы не отдалили, а лишь приблизили его к современности и на длительные времена утвердили его репутацию как

“кладезя генетической премудрости и всесоюзного учителя молодежи” [129]¹.

Настоящий краткий очерк представляет собой попытку восстановить авторитет Ю.А. Филипченко и его роль в развитии отечественной биологии, которая молодому поколению советских генетиков мало известна или вовсе неизвестна. Эта трудная задача несколько облегчалась тем, что в течение восьми лет (1922–1930 гг.) мне посчастливилось учиться и делать первые шаги в научно-исследовательской работе под его руководством, а также работать четыре года после смерти Ю.А. Филипченко на кафедре генетики, до перевода в Москву.

Я благодарю своих товарищей – непосредственных учеников Юрия Александровича, учеников его учеников, а также многих других, лично знавших и почитающих его память биологов и медиков, которые взяли на себя труд по просмотру рукописи настоящего очерка. Всем им я приношу извинения в том, что не привожу здесь их фамилии – их полный перечень занял бы много места.

Многие из моих доброжелательных рецензентов не только прочитали рукопись, но прислали свои замечания и пожелания; некоторые из них были учтены при окончательном редактировании рукописи.

Настоящий очерк, понятно, не претендует на исчерпывающий анализ всех разделов научной и литературной деятельности Ю.А. Филипченко, что не без сожаления отмечали многие мои рецензенты, – для этого надо было бы написать целую книгу. Тем не менее даже при таких скромных предоставленных мне возможностях я не устоял от желания поделиться с читателями личными впечатлениями от общения со своим учителем, чего будущие историки, понятно, не найдут в его опубликованном научном наследии. Насколько мне это удалось – судить читателям. Я же со своей стороны и с учетом всего сказанного рассматриваю настоящий очерк о жизни и деятельности Юрия Александровича как первую в отечественной литературе попытку воссоздать для молодого поколения биологов незаслуженно скоро преданное

¹ Жуковский П.М. Классики советской генетики. Л.: Наука, 1968. В предисловии П.М. Жуковского к сборнику “Классики советской генетики” наряду с очень меткой характеристикой литературно-педагогического таланта Ю.А. Филипченко содержатся следующие неточности: его учебник “Наследственность” выходил при жизни автора не тремя, а четырьмя изданиями; учебник “Изменчивость и методы ее изучения” – не двумя, а также четырьмя изданиями; научно-популярная книга “Общедоступная биология” выдержала не девять, а четырнадцать изданий. Из числа непосредственных учеников Юрия Александровича упомянуты только трое и в их числе М.Е. Лобашев, который на кафедре генетики появился уже после смерти Юрия Александровича; поэтому считать его учеником Ю.А. Филипченко можно только условно.

забвению его имя и, выражаясь словами самого же Юрия Александровича, “буду радостно приветствовать, если кому-нибудь удастся сделать это лучше, чем то удалось сделать мне”.

Краткие биографические сведения из жизни Юрия Александровича заимствованы из “Биографического очерка”, составленного его братом, профессором А.А. Филипченко [152], и некролога профессора М.А. Розановой [148].

Список опубликованных трудов Юрия Александровича заимствован из некролога профессора А.А. Заварзина [130]. Сверка их выходных данных выполнена заведующим справочно-библиографическим отделом В.Б. Виллинбаховым и старшим библиографом Н.Н. Кириковой – сотрудниками научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского университета и старшими библиографами библиотеки Биологического отделения АН СССР в Москве Р.И. Блау и Л.К. Бжеленко.

Справки о служебном положении Юрия Александровича в Ленинградском университете и Академии наук СССР прислали заведующая архивом Ленинградского университета К.И. Водопьянова и заведующий Ленинградским отделением архива АН СССР П.Н. Корявов.

Помещенные в очерке фотографии предоставлены Н.Я. Федоровой, И.И. Канаевым, В.Ф. Миреком, Ю.Л. Горощенко, Т.И. Карышевой. Всем упомянутым лицам я выражаю глубокую благодарность.

Н.Н. Медведев

Основные вехи жизни и научной деятельности

Юрий Александрович Филипченко родился 1 (13) февраля 1882 г. в селе Злынь, Волховского уезда, Орловской губернии в семье ученого-агронома. Среднее образование получил во 2-й Санкт-Петербургской классической гимназии, высшее – в Санкт-Петербургском университете.

По окончании естественного отделения физико-математического факультета Ю.А. Филипченко был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности и в 1911 г. для этой же цели был командирован за границу в лабораторию Р. Гертвига (Германия) и на биологическую станцию в Неаполе.

Вернувшись из-за границы, Ю.А. Филипченко защитил диссертацию на степень магистра зоологии и сравнительной анатомии (“Развитие изотомы”) [8] и в 1913 г. начал читать приват-доцентский курс “Учение о наследственности и эволюции”. Лекции о наследственности, вскоре отдифференцировавшиеся в две самостоятельные дисциплины – генетику и изменчивость, Ю.А. Филипченко читал непрерывно до самой смерти, а его интерес к проблемам эволюции нашел отражение в монографии “Эволюционная идея в биологии”, первое издание которой вышло в свет в 1923 г. [56], второе – в 1926 г. [89].

В 1917 г. Ю.А. Филипченко защитил диссертацию на степень доктора зоологии и сравнительной анатомии (“Изменчивость и наследственность черепа у млекопитающих”) [24–26], а в 1918 г. избран на должность профессора и заведующего лабораторией генетики и экспериментальной зоологии университета.

В 1919 г. лаборатория генетики и экспериментальной зоологии университета была реорганизована в первую в России кафедру одноименного названия.

В 1922 г. на кафедру пришли первые два студента – будущие генетики – Н.Я. Федорова и автор этих строк, а в 1923–1924 гг. были зачислены уже около 20 студентов, будущих специалистов-генетиков.

С 1923 г. курс общей генетики с основами вариационной статистики был отнесен к числу обязательных для всех студентов биологического отделения, бывшего в те годы в составе физико-

математического факультета. Позднее биологическое отделение выделилось в самостоятельный биолого-почвенный факультет.

В 1920-х гг. кафедра и лаборатория генетики и экспериментальной зоологии университета помещались в здании филологического факультета (бывшей филологической гимназии), по соседству с главным университетским корпусом. Три из четырех комнат лаборатории выходили окнами на Университетскую набережную с видом на Зимний дворец, Сенат и Адмиралтейство.

В университетской лаборатории тех лет царила атмосфера деловитости и непринужденности. В дни, свободные от лекций, Юрий Александрович приходил в лабораторию раньше всех. Первым его делом было дать очередные указания единственному пожилому препаратору лаборатории И.Ф. Бордзю о том, как, когда и какими средствами доставить из Петергофского института очередную партию пшеничных снопиков и вывезти из лаборатории уже обработанные снопики, и такой же пожилой служительнице Наталье¹, как лучше истопить единственную в лаборатории кафельную печь и т.д.

Тем временем Юрий Александрович надевал халат и, вооружившись мерной линейкой, штанген-циркулем, лупой и аптекарскими весами, немедленно принимался за работу с пшеницами.

Соседняя с кабинетом Юрия Александровича большая комната постепенно наполнялась свободными от лекций студентами-генетиками III–V курсов. Эта комната служила аудиторией, в ней же были и рабочие места для студентов-генетиков. Вход в третью комнату лаборатории, в которой были рабочие места его ассистентов – Ксении Александровны Адриановой-Фермор, Тениса Карловича Лепина, Яниса Яновича Луса, Адольфа Ивановича Зуйтина, проходил через кабинет Юрия Александровича. Но это нисколько его не стесняло. Более того, он имел обыкновение обе двери своего кабинета держать открытыми и потому постоянно был в курсе всех больших и малых событий лабораторной жизни. Четвертая комната лаборатории, в которой были рабочие места Феодосия Григорьевича Добржанского² и его жены Натальи Петровны, находилась по другую, правую сторону внутреннего коридора лаборатории и окнами выходила во двор.

Рабочий день лаборатории в разгаре. Юрий Александрович, виртуозно владея своими несложными инструментами, диктует

¹ Оба эти сотрудника и их семьи погибли в блокаду Ленинграда.

² Ф.Г. Добржанский (1900–1975) – автор многих экспериментальных исследований и книг, главным образом по теории эволюции. С декабря 1927 г. жил в США. Умер 18 декабря 1975 г.

Нине³ непрерывный поток цифр как текст шифрованной телеграммы. Это значения промеров пшеничных стеблей, колосьев, колосков, веса зерен и т.д. В это время служительница Наталья докладывает: “Пришли студенты и просят их проэкзаменовать”. Отказа не было никогда. Юрий Александрович не делал из экзаменов события, не создавал вокруг них атмосферы официальности, которая, по его мнению, лишь сковывает студентов. Студенты располагались за одним из рабочих столов Юрия Александровича, по соседству со снопиками пшеницы, обдумывали и излагали свои ответы, а поток цифр между тем не прекращался ни на минуту.

В комнатах по соседству с кабинетом Юрия Александровича жизнь шла своим чередом. В студенческой комнате редкий день не вспыхивали оживленные споры между сторонниками Вейсмана и Ламарка, Лотси и Моргана. Иногда такие споры становились более шумными, чем допускали правила внутреннего распорядка. В таких случаях Юрий Александрович выходил из кабинета и, глядя по своей привычке вниз и несколько в сторону, с добродушной улыбкой осведомлялся, почему мы так расшумелись – не подымается ли снова вода в Неве (имелось в виду памятное наводнение 24 сентября 1924 г.), не взбудоражила ли нас какая-нибудь новая интересная книга или статья и т.д. Следовавшее затем десятиминутное общее состязание в остроумии протекало в заданном шутиливом тоне, а иногда оно превращалось в серьезную научную дискуссию. Говорили, кто что знал и умел, и каждый чувствовал себя просто и непринужденно.

Около четырех часов пополудни Юрий Александрович уходил из лаборатории. Наиболее частым его наставлением остающимся студентам было следующее: “Ну, мне пора домой, а вы тут оставайтесь и, пожалуйста, не причиняйте много хлопот швейцару – он каждое утро жалуется мне, что вас с большим трудом приходится выдворять из лаборатории чуть ли не в одиннадцать часов ночи”. И это не было преувеличением: жизнь в лаборатории продолжалась до позднего вечера.

Из персонала лаборатории правом “экстерриториальности” пользовался лишь старший преподаватель кафедры Ф.Г. Добржанский – ему одному было разрешено в случае необходимости ночевать в лаборатории. Его жена и постоянная помощница в проведении опытов с дрозофилой Н.П. Добржанская с последним трамваем уезжала домой на Петроградскую сторону, а сам

³ Студентка Нина Яковлевна Федорова, впоследствии стала одним из лучших специалистов по генетике земляники и актиномицетов. Умерла 14 июня 1972 г.

Ф.Г. Добржанский после того, как было сделано приходившееся на ночные часы очередное наблюдение или вскрытие личинок или куколок дрозофилы, располагался спать на рабочем столе, рядом с культурами дрозофилы, положив под голову снятый с себя грубошерстный френч.

В середине 1920-х гг. на кафедру пришел зоолог, профессор И.И. Соколов, который читал лекции и вел практикум по курсу “Цитологические основы наследственности”.

Понедельники были днями лабораторных семинаров. Юрий Александрович придавал им большое воспитательное значение. В своих выступлениях и критических замечаниях по существу реферируемых исследований он следовал точно установленным фактам. Помню, как в предварительном замечании к одному из своих реферативных докладов на семинаре Юрий Александрович сказал: “Сегодня я сам расскажу вам о работах Г. Шпемана и его школы. Можно, конечно, по-разному относиться к развиваемой этим автором теории (Филипченко имел в виду учение Шпемана об организаторах и их предполагаемой в те годы связи с генами. — *Н.М.*), но факты есть факты: повторите в точности его опыты и вы получите те же самые результаты”.

Запомнились также его критические замечания о работах других, менее удачливых авторов. В таких случаях Юрий Александрович предварял разбор статьи примерно следующей ремаркой: “Сегодня я хочу вам показать, как не следует ставить опыты, а тем более делать из них далеко идущие выводы”. И далее он обрушивал на автора весь арсенал теоретических, методических, вариационно-статистических и иных доводов, соображений, формул, библиографических справок и т.д.

Читая любую научную статью или книгу, Юрий Александрович имел обыкновение помимо общих библиографических сведений о данном источнике выносить на особый лист или листы наиболее важные результаты исследования или содержания книги, а затем систематизировал такие рефераты по проблемам. Он хранил их в больших, почти всегда использованных конвертах, с которыми в нужных случаях и приходил на семинары. Обладая прекрасной памятью и дополнительно вооруженный выписками из прочитанных книг и журнальных статей, Юрий Александрович за несколько минут мог восстановить всю историю обсуждаемого вопроса. Весьма характерной в его манере подтверждать свою мысль разными выкладками была следующая деталь: в то время как на словах он развивал ту или иную мысль, его правая рука с мелом как будто совершенно независимо, быстро изображала на доске нужные формулы, библиографические справки и т.д.

Наконец, в памяти по-прежнему свежи незабываемые впечатления от выступлений Юрия Александровича с кафедры и, как правило, тем ярче, чем многочисленнее была аудитория и чем шире обсуждаемая проблема. Он обладал, пожалуй, ему одному свойственным стилем лектора и оратора. Его лекции, особенно публичные, были насыщены содержанием, изобиловали внезапными сравнениями, на всю жизнь запоминающимися аллегориями, искрились каскадами смелых и неожиданных стилистических оборотов. Слова поэта “глаголом жечь сердца людей” относились к Юрию Александровичу в полной мере. Разумеется, он никогда не прибегал к конспектам своих докладов, а тем более лекций. Характерно, что взгляд Юрия Александровича во время лекции всегда был устремлен поверх аудитории, в пространство. Говорил он довольно быстро, и записывать его лекции было нелегко – они всегда требовали дополнительной доработки.

* * *

Кроме создания кафедры и лаборатории генетики и экспериментальной зоологии Ленинградского университета, советская наука обязана Юрию Александровичу организацией и другой научной ячейки, вскоре после его смерти переросшей в научно-исследовательский центр союзного значения – Институт генетики АН СССР. Основой института было Бюро по евгенике при постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при Российской академии наук. Постановление КЕПС об организации Бюро по евгенике со штатом в три человека вышло 14 февраля 1921 г. [119].

“Бюро по евгенике открыло свою деятельность в марте 1921 г., и в нем уже ведутся некоторые исследования по специальным вопросам. Оно помещается на Петроградской стороне, по Большому проспекту, дом № 7 (или Зверинская, 4), кв. 49 (квартира Ю.А. Филиппченко – *Н.М.*) и открыто во всякое время для каждого, желающего получить те или иные справки по интересующему его вопросу, указания на литературу и т.д. Обращаться в Бюро можно и письменно на имя заведующего профессора Ю.А. Филиппченко”.

Эти скупые строки заимствованы из брошюры Ю.А. Филиппченко “Что такое евгеника” [45], вышедшей в том же году и являющейся программой деятельности вновь учрежденной научной ячейки, о чем кратко будет сказано ниже.

Это был, так сказать, фасад Бюро по евгенике при Российской Академии наук. А на сшитых на швейной машинке уже пожелтевших от времени листках сохранившейся рукописной кни-

жечки его заведующего *Historica* читаем следующую запись, датированную 14 ноября 1921 г.: “Заседание Совета КЕПС – заявление о временке” [119]. Это значило, что в квартире заведующего Бюро по евгенике температура не располагала к приему ни самого заведующего, ни его посетителей. Устройство в квартире профессора железной печки-временки (или “буржуйки” – как их метко называли в ту пору жители Петрограда) – вот то небольшое, что испрашивалось у Академии наук для поддержания деятельности новорожденной научной ячейки.

В той же *Historica* запись Юрия Александровича от 4 апреля 1924 г. гласит: “Переезд Бюро в новое помещение в КЕПСе”. В то время это было уже много, хотя “новое помещение” – всего-навсего одна комната. Но это уже официальное признание важности и необходимости развивать то дело, которому стало тесно на квартире Юрия Александровича.

В следующей на эту тему записи, датированной 22 апреля 1927 г., читаем: “Бюро по генетике”, а еще через два года, 14 февраля 1929 г., Юрий Александрович записал: “В новое помещение (4 комнаты)”. В четырех светлых просторных комнатах фундаментального корпуса на Тучковой набережной, дом 2, начались исследования по изменчивости и наследственности, главным образом сельскохозяйственных животных и растений, и развернулась камеральная обработка обширных материалов, собранных отрядами животноводственной⁴ экспедиции.

Последняя запись Юрия Александровича в записной книжке *Historica* от 1 февраля 1930 г. гласит: “Сел сам работать”. Смысл этой лаконичной записи таков – приняв решение об уходе из университета, Юрий Александрович предполагал сосредоточить свою научную работу в Академии наук СССР. К тому же времени относится вступление его в должность заведующего отделом животноводства Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ). Однако работать на новых местах ему так и не пришлось – смерть настигла его через три с половиной месяца после этой записи.

К сказанному остается добавить, что за месяц до смерти Юрия Александровича Бюро по генетике и евгенике было реорганизовано в Лабораторию генетики, а еще через три года Лаборатория, которая к тому времени располагала подготовленными им квалифицированными кадрами, была реорганизована в Институт генетики АН СССР под руководством Н.И. Вавилова, незадолго до того удостоенного премии им. В.И. Ленина [132].

⁴ Здесь и в дальнейшем сохранена принятая в те годы транскрипция этого слова; см. также библиографию, источники [140–142].

Юрий Александрович руководил этой научной ячейкой со дня ее основания. После его смерти и до избрания на пост директора Института генетики АН СССР Н.И. Вавилова обязанности заведующего Лабораторией генетики исполнял доктор биологических наук Т.К. Лепин.

В связи с переводом Академии наук из Ленинграда в Москву (1934 г.) часть бывших учеников Юрия Александровича была переведена в Москву в составе Института генетики (М.Л. Бельговский, Ю.Я. Керкис, Н.Н. Колесник, Т.К. Лепин, Я.Я. Лус, Н.Н. Медведев, А.А. Прокофьева-Бельговская, Б.Ф. Румянцев, Н.Я. Федорова), другие остались на кафедре генетики университета или в родственных учреждениях Ленинграда (Б.И. Васильев, Б.П. Войтяцкий, Ю.Л. Горощенко, Е.П. Раджабли, А.И. Зуйтин⁵, Ю.М. Оленов, Д.М. Кершнер).

* * *

Нам остается коснуться еще Петергофского естественно-научного института (ПЕНИ), с которым была тесно связана научная деятельность Юрия Александровича. Лаборатории этого института, в том числе Лаборатория генетики, которой Юрий Александрович руководил со дня основания института (1920 г.), размещались в Старом Петергофе на берегу Финского залива, в бывшем герцогском дворце, а несколько подсобных старомодных флигелей были отведены под жилье для научного и технического персонала и студентов-практикантов. Институт служил экспериментальной и летней учебной базой большинства кафедр и лабораторий Биологического отделения университета. В те времена это было замечательное учреждение — место для научно-исследовательской работы в естественных природных условиях на протяжении всех теплых месяцев года и вместе с тем прекрасное место отдыха. Этому способствовали близость залива и многовековой, тенистый заповедный парк института с системой сообщающихся искусственных прудов, фауна и флора которых служили материалом для курсовых занятий со студентами и научных исследований.

Здесь же был и участок пашни (1–1,5 га) с примыкающей к нему небольшой оранжереей, перешедшей в наследство институту от бывших владельцев имения. На этом участке Юрий Александрович с особой тщательностью ежегодно (с 1923 по 1930 г.) высевал семена изучаемых им пшениц, ухаживал за

⁵ Б.И. Васильев и А.И. Зуйтин погибли в блокаду Ленинграда.

растениями в период вегетации, собственноручно кастрировал и опылял цветки в пору цветения и заботливо собирал урожай, а затем, постепенно переправлял его в университетскую или академическую лабораторию для камеральной обработки.

Юрий Александрович любил Старый Петергоф, вероятно, больше всех других мест, где он работал, и с наступлением весны и очередного “петергофского сезона” почти полностью преображался. Внешне это выражалось в том, что вместо выходного городского костюма и ботинок он надевал выдавший виды пиджак, косоворотку, черные молескиновые шаровары и русские кирзовые сапоги, а свою непокорную шевелюру стриг под машинку. В таком наряде с посевным журналом в руках, в котором заблаговременно и с большой тщательностью были расписаны многочисленные варианты скрещиваний пшениц, его ежедневно можно было видеть в рабочие часы на грядках питомника и в лаборатории института. И тут, и там он был олицетворением неутомимой энергии, организованности, точности, примером, достойным всяческого подражания. Он умел ценить время – при встречах на ходу или между делом был немногословен, но по-своему внимателен и находил время справиться о здоровье, делах, вовремя подать разумный совет, а когда нужно, и непосредственную помощь.

За работой незаметно приходило время обеденного перерыва, и, обращаясь к присутствующим, Юрий Александрович обычно говорил: “Ну, а теперь пора идти купаться и обедать”, и с полотенцами через плечо мы шумной ватагой отправлялись на берег залива. Он принимал участие в купании всякий раз, когда тому благоприятствовала погода. И на берег залива он поспешал такой же деловой походкой как на очередную лекцию или на ответственное совещание. После обеда и кратковременного отдыха, соблюдение которого было для него непреложным законом, Юрий Александрович – снова на своих грядках с записной книжкой в руках и болтающимся на черном шнурке пенсне, которое он вскидывал на нос, когда нужно было прочесть или сделать очередную отметку в посевном журнале, кастрировать или опылить очередной колос и т.д.

Необходимо особенно подчеркнуть, что всякому, близко знавшему Юрия Александровича, его облик как во время непосредственного с ним общения, так и сейчас, спустя много лет после смерти, немыслим вне органической связи с людьми и той непринужденной деловой обстановки, которую он умел создавать в руководимых им лабораториях и в которой его деятельная натура проявлялась особенно ярко. Такая обстановка царилa и в лю-

бимой им лаборатории Петергофского института, где он провел последние дни своей жизни.

* * *

Основная научная и педагогическая деятельность Юрия Александровича протекала в университете, Академии наук и Петергофском естественно-научном институте. Кроме того, в разные периоды жизни он был ассистентом особой физиологической лаборатории (в которой вместе с ее заведующим И.И. Ивановым принимал деятельное участие в разработке метода искусственного осеменения сельскохозяйственных животных), ассистентом кафедры энтомологии на Стебутовских сельскохозяйственных курсах, преподавателем биологии в женских гимназиях Шаффе, Оболенской и Таганцевой, в 1-м Коммерческом училище, профессором зоологии и членом ученого совета Психоневрологического института, профессором зоологии Высших (Бестужевских) женских курсов и Химико-фармацевтического института, принимал деятельное участие в работе Ленинградского отделения Общества естествоиспытателей, в студенческих биологических кружках и т. д. Педагогической работой в большинстве упомянутых учреждений он занимался ради заработка средств к существованию.

* * *

Еще 16 мая, за три дня до смерти, Юрий Александрович сеял пшеницу на грядках Петергофского института. На следующий день, преодолевая сильную головную боль и общее недомогание, он продолжал посев и лишь во второй половине дня с высокой температурой был отправлен в сопровождении научного сотрудника лаборатории Р.А. Мазинг на свою ленинградскую квартиру, где и скончался в ночь с 19 на 20 мая от менингита.

Хоронили Юрия Александровича все биологи Ленинграда. Майский день выдался на редкость теплым, солнечным, тихим. Двор дома на Зверинской, где жил покойный, мог вместить лишь небольшую долю пришедших отдать ему последний долг. И только когда похоронная процессия втянулась на длинный Биржевой мост (ныне Мост строителей), медленно направляясь по набережной мимо Академии наук и университета, можно было охватить глазом и составить представление о ее масштабе. Впереди гроба студенты несли доставленный Н.И. Вавиловым венок из колосьев пшениц, произрастающих в разных районах Земного

шара. В нем символически переплелись научные интересы покойного и одна из возможных косвенных причин его преждевременной гибели⁶.

Похороны Юрия Алексеевича состоялись на Смоленском кладбище. Речь Н.И. Вавилова на траурном митинге о жизни и научной деятельности Юрия Александровича навсегда сохранится в памяти его учеников и всех биологов. “Юрий Александрович был не только блестящим ученым, – сказал Н.И. Вавилов, – но и человеком, и ничто человеческое ему не было чуждо. Но слабые стороны его натуры будут забыты еще раньше того, как свежий холм на его могиле покроется зелеными всходами. Благодарные же потомки будут помнить в его лице то редкое сочетание мужества, таланта и личного примера беззаветного служения науке и Родине, которое оставило глубокий след в развитии отечественной биологии”.

⁶ За давностью времени не представляется возможным уточнить медицинское заключение о смерти и причинах, вызвавших заболевание. Вот что писал, например, проф. Ленинградского университета А.А. Ухтомский в письме Ф. Гинзбург от 26 мая 1930 г., т.е. через шесть дней после смерти Юрия Александровича: “Ю.А. Филипченко выступал на съезде зоологов в Киеве (6–12 мая 1930 г. – *Н.М.*), был очень подавлен, чувствовал недомогание еще в Киеве и уехал оттуда с братом (профессором А.А. Филипченко. – *Н.М.*) ранее окончания заседаний. Говорили, что у него грипп. Вернувшись сюда (в Ленинград. – *Н.М.*), он принялся сеять опытную пшеницу в Петергофском естественно-научном институте, сеял в течение трех дней, причем в последнюю ночь, проведенную в Петергофе, жаловался на бессонницу, а на следующий день почти все время сидел, жалуясь на слабость и головную боль, и больше наблюдал, чем сеял сам. В этот день Ю.А. Филипченко уехал в Ленинград, потому что к вечеру температура поднялась у него выше 38,5°. Это было 17-го мая. А в ночь с 19 на 20-е мая он скончался от стрептококкового менингита. Очевидно, произошло всасывание гриппозной инфекции по нервным стволам в направлении головного мозга”. – *Из личного архива Н.М.*

Исследования раннего периода по эмбриологии низших насекомых

Обратимся теперь к научной деятельности Ю.А. Филипченко. Для уяснения формирования его научных интересов лучше всего рассмотреть список опубликованных работ, который заимствован из некролога профессора А.А. Заварзина [130].

Как видно из этого списка, перу Ю.А. Филипченко принадлежит 118 публикаций, включая повторные издания его учебников и монографий по изменчивости, наследственности, эволюции и общей биологии. Из них лишь первые 10 публикаций относятся к начальному периоду его научной деятельности и посвящены эмбриологии и сравнительной анатомии низших насекомых. К этому же циклу исследований относится и магистерская диссертация Ю.А. Филипченко, в основу которой легли материалы, собранные еще в студенческие годы на Бородинской биологической станции (Бологое, 1904 г.) и на биологической станции на озере Селигер (1905–1906 гг.). Заключительным этапом этих исследований явилась командировка Ю.А. Филипченко в лабораторию Р. Гертвига (Германия) и на Неаполитанскую биологическую станцию.

В магистерской диссертации [8], помимо изучения частных вопросов развития низших насекомых и филогенетических отношений между насекомыми и многоножками, Ю.А. Филипченко всесторонне проанализировал понятие “зародышевых листков”, считая их специфическими для каждой большой систематической группы животных. Начав свою научную деятельность в области эмбриологии и сравнительной анатомии беспозвоночных и находясь под несомненным влиянием господствовавших в эмбриологии того времени представлений, исследованию ранних стадий онтогенеза он придавал исключительно важное значение, видя в них ключ к пониманию развития признаков высших и низших систематических единиц и их эволюционного значения.

Как известно, представители не всех биологических дисциплин на первых порах благожелательно восприняли менделизм, среди них эмбриологи 10-х и 20-х годов прошлого столетия (В. Ру, Г. Дриш, Дж. Лёб, Г. Шпеман и многие другие) занимали едва ли не первое место.

Одни из них, например Г. Дриш и В. Шлейп, откровенно “вливали новое вино в старые мехи”, утверждая, что гены – это и есть тот механизм, при посредстве которого “энтелехия” (жизненная сила. – *Н.М.*) формирует структуру [159], или что “перспективная потенция” и “перспективное значение” эмбриологов – то же самое, что “генотип” и “фенотип” генетиков [167].

Представители другого направления эмбриологов вообще игнорировали менделизм на следующем основании: раз все клетки организма содержат один и тот же набор генов, а клетки и ткани дефинитивного организма, например нервные, мышечные, эпителиальные и т.д., резко отличаются друг от друга, то, следовательно, гены вообще не имеют отношения к развитию и дифференцировке.

Наконец, эмбриологи третьей и, пожалуй, наиболее многочисленной группы отводили генам второстепенную роль в процессе индивидуального развития. Они считали, что гены определяют несущественные, второстепенные признаки организма, которые отличают особей в пределах рас и разновидностей (окраска шерсти, волос, пигментация цветков и т. д.). В эволюционном развитии вида все эти признаки возникли недавно, и потому они появляются на самых поздних стадиях онтогенеза. В противоположность им, признаки высших систематических единиц: родов, семейств, классов – возникли в эволюции очень давно. Они определяются другими наследственными факторами (по терминологии Филиппченко, плазмонами – *Н.М.*) и появляются на самых ранних стадиях индивидуального развития.

Во взглядах на роль генов в эволюционном и индивидуальном развитии Ю.А. Филиппченко примыкал к третьей группе эмбриологов, и, как видно, в этом вопросе он был не одинок. Как известно, даже Т. Морган, также эмбриолог по образованию (наряду с У. Бэтсоном, У. Каслом, Е. Конклином, Л. Кено), привело в генетику такое же скептическое отношение к некоторым ее вопросам, и, в частности, к учению о целостности единичных факторов и гипотезе чистоты гамет. Пространная статья Морган “Хромосомы и наследственность” с критикой менделизма [162] по иронии судьбы появилась в печати месяц спустя после выхода в свет другой его статьи, в которой он описал первый сцепленный с полом мутант у дрозофилы [163] и которая явилась основополагающей в стремительном развитии хромосомной теории наследственности.

В конце 1920-х гг. влиянию генов на развитие колоса у ди-, тетра- и гексаплоидных пшениц Ю.А. Филиппченко посвятил два специальных исследования [105, 114]. Исходные предпосылки этих исследований сформулированы им в статье [114], вышедшей

после его кончины: “Однако наряду с точкой зрения на этот вопрос (т.е. на гены. – *Н.М.*) Моргана, Гольдшмидта и других, существует и другая, признающая в процессе образования особых конституционных элементов, заложенных в плазме, вернее плазмы в ее целом. На подобной точке зрения стояли в свое время Бовери [156], Конклин [157] и Лёб [161]; в настоящее время то же самое принимается Веттштейном [168] и Корренсом [158]. Наш плазмон не идентичен протоплазме, а обнимает общие химические различия половой клетки в целом, которые при этом лишь противопоставляются специальным химическим различиям генной природы” [105].

Ко времени постановки опытов Ю.А. Филипченко по изучению развития колоса у пшениц хромосомная теория наследственности уже была достаточно разработана, и значение менделирующих генов и мутаций как основы индивидуального и эволюционного развития организмов признавалось довольно широко. Все это было хорошо известно Филипченко по первоисточникам. Тем не менее, в трактовке вопроса о природе и возникновении признаков низших и высших систематических единиц и роли генов в индивидуальном и историческом развитии он оставался на той точке зрения, которая под влиянием эмбриологов сложилась у него в ранние годы научной деятельности. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Впрочем, свою точку зрения на роль генов в эволюционном и индивидуальном развитии Ю.А. Филипченко отнюдь не навязывал другим членам лаборатории. По этому поводу приведу только один пример. Тема моей аспирантской диссертации [143] была тесно связана с рассматриваемыми представлениями Филипченко по данному вопросу, и ее задача заключалась в установлении возможно более ранних стадий в развитии дрозофилы, начиная с которых и далее можно было отчетливо проследить влияние типичных менделирующих генов.

Результаты моих строго контролируемых опытов на специально выведенных для этой цели изогенных линиях дрозофилы показали, что различия в размерах глазных зачатков (имагинальных дисков) исследованных мутантов и нормальных мух отчетливо выражены уже к моменту вылупления личинки из яйца и остаются таковыми в течение всех последующих стадий развития. Более того, характер кривых роста глазных зачатков с несомненностью показал, что обнаруженные различия уходят в еще более ранние стадии развития, т.е. в яйцо, возможность изучения которого лежала за пределами использованного мною сравнительно-эмбриологического метода исследования.

Мои опыты хронологически совпали с упомянутыми исследованиями Ю.А. Филипченко по развитию колоса у пшениц, и их

результаты находились в противоречии с его представлениями о развитии признаков высших и низших систематических единиц. Тем не менее, когда мои опыты были доложены на очередном понедельнике, он первым поздравил меня с получением интересных данных и при этом добавил: “Ну что же, будем переучиваться, если вопрос обстоит действительно так”.

И вообще необходимо подчеркнуть, что после магистерской диссертации Ю.А. Филипченко возвращался к рассматриваемому вопросу лишь дважды в уже упоминавшихся исследованиях по развитию колоса у пшениц. Все же последующие экскурсии в эмбриологию носили по преимуществу литературный характер – перевод и редактирование трудов классиков естествознания, среди которых анатомы и эмбриологи по-прежнему занимали почетное место.

Таким образом, исследования начального периода научной деятельности Ю.А. Филипченко по сравнительной анатомии и эмбриологии низших насекомых следует рассматривать лишь как своеобразный трамплин для переключения его научных интересов в новую сферу деятельности – генетику, специфика которой и ее революционизирующее влияние на многие разделы биологии как нельзя более импонировали деятельной натуре ученого. Тому, несомненно, способствовала также и его заграничная командировка. Поэтому не случайно, что статья Ю.А. Филипченко “Очерки по вопросам эволюции и наследственности” [11], открывавшая цикл работ по вынесенным в ее заголовок проблемам, была опубликована вскоре по возвращении из-за границы в 1913 г. В том же году он начал читать приват-доцентский курс по генетике, который был первым не только в России, но и в большинстве европейских стран.

Все последующие труды Ю.А. Филипченко целиком посвящены вопросам наследственности, изменчивости и эволюции. Однако, поскольку вопросы наследственности и изменчивости тесно взаимосвязаны и любой из них нельзя изучать, не касаясь другого, в сферу интересов Ю.А. Филипченко не могли не войти вопросы применения статистических методов для исследования закономерностей тех и других. Таким образом, к проблемам наследственности и изменчивости прибавилась также вариационная статистика. Усилиями Ю.А. Филипченко она была разработана настолько подробно и четко, что вошла составным элементом в быстро следовавшие одно за другим издания его учебников и университетского курса по генетике и изменчивости и сыграла важную роль в приложении статистических методов в исследованиях вопросов наследственности, изменчивости и эволюции.

У истоков генетической дискуссии (20-е годы)

Победа Октябрьской социалистической революции в России вызвала небывалое оживление во всех сферах человеческой деятельности: в литературе, изобразительном искусстве, естествознании, философии и т.д., не говоря уже об общественно-политической жизни страны, вступившей на путь коренных социальных преобразований. Никто не оставался в стороне от обсуждения тех практических и идеологических вопросов, которые встали перед молодой Советской республикой и ждали безотлагательного решения. На широкое обсуждение был вынесен и такой вопрос, как религия – свидетели тех лет хорошо помнят большие афиши, оповещавшие об очередном диспуте между первым наркомом просвещения А.В. Луначарским и митрополитом А. Введенским.

Среди биологических наук особое место занимала генетика. Это определялось важностью затрагиваемых ею теоретических проблем и вытекающих из них выводов. С первых дней мирного строительства перед молодой Советской республикой встал целый ряд вопросов первостепенной важности, и среди них продовольственная проблема занимала одно из первых мест. Поэтому генетике прежде всего предстояло вооружить работников сельского хозяйства научно обоснованными, эффективными методами селекции животных и растений и тем самым способствовать решению продовольственной проблемы страны.

В теоретическом плане генетика тех лет стояла перед нерешенным кардинальным вопросом биологии и философии – проблемой взаимодействия внутренних и внешних факторов в историческом и индивидуальном развитии организмов.

Зарубежная генетика 1920-х гг., наращивая темпы теоретических исследований, обогащалась фактами первостепенной важности. Стремительное развитие хромосомной теории наследственности, теории гена, теории мутаций и других разделов генетики революционизировали эту молодую науку и открывали широкие перспективы для дальнейших экспериментальных исследований и практического применения полученных результатов в народном хозяйстве. Однако в мировой науке основной вопрос о

природе и причинах спонтанно возникающих наследственных изменений как источника эволюционных преобразований видов и исходного материала для практической селекции по-прежнему оставался открытым. Поэтому совершенно естественно, что из числа биологических наук генетика сразу же привлекла к себе внимание широкой научной общественности.

Таковы были общий фон и благоприятные предпосылки для развития генетики в те годы. В действительности дальнейшее развитие генетики пошло по другому пути. Начиная с середины 1920-х гг., советская генетика была втянута в длительную полосу дискуссий, от результатов которых она не вполне оправилась и до сих пор. Их описанию в отечественной и зарубежной литературе посвящено множество журнальных и газетных статей и книг. Тем не менее, отдельные периоды генетической дискуссии, в первую очередь вокруг проблемы ламаркизма и особенно самое начало ее возникновения, освещены еще недостаточно.

Понятно, что в рамках данного очерка мы можем коснуться этого вопроса лишь в той мере, в какой он был связан с деятельностью Ю.А. Филипченко, и прежде всего подчеркнуть ошибочность представлений многих писавших на эту тему, которые начало генетической дискуссии относили не к 1920-м, а ко второй половине 1930-х гг. и даже августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 г.).

Такой взгляд на недавнее прошлое генетики искажает историческую перспективу всех перипетий 40-летней дискуссии вокруг проблемы ламаркизма и роль в ней отдельных ученых, и в том числе сотрудников кафедры генетики Ленинградского университета во главе с Ю.А. Филипченко.

С этой точки зрения особое место занимает исторический обзор А.Е. Гайсиновича [126], специально посвященный истокам советской генетики и в том числе начальному периоду дискуссии вокруг проблемы наследования приобретенных признаков (20-е годы). В этом обзоре весьма подробно и со знанием дела освещен перечень и уровень обсуждавшихся вопросов, а также отношение к ним многочисленных участников дискуссии.

Ламаркистские представления о природе и причинах возникновения наследственных изменений как источнике эволюционных преобразований видов пользовались в то время широким признанием среди биологов-негенетиков. Однако наиболее активную роль в защите ламаркизма и в борьбе за “чистоту” методологических принципов генетики взяли на себя те биологи, которые, не обладая специальными знаниями в генетике, в своих нападках на ее представителей предпочитали пользоваться философскими понятиями и категориями и потому могли быть отне-

сены к философам. Для них отрицание наследования приобретенных признаков служило своего рода лакмусовой бумажкой для установления порочности методологических взглядов ученого в материалистическом понимании явлений живой природы. Отсюда был один шаг до обвинения в политической неблагонадежности.

Кафедра генетики Ленинградского университета прежде всего в лице Ю.А. Филипченко и Ф.Г. Добржанского заняла бескомпромиссную отрицательную позицию в вопросе о наследовании приобретенных признаков. Статьи этих авторов [74, 128] вместе с переводом статьи Т. Моргана [144] по обилию и свежести приведенных в них фактических данных, по логике аргументации и силе убедительности, несомненно, лучшее из всего, что было написано в то время в защиту генетики от нападков ламаркистов.

Правда, как уже было отмечено, в теоретических представлениях названных и других генетиков тех лет недоставало одного важного звена для исчерпывающего объяснения эволюционных преобразований видов на основе мутаций, а именно – доказательства их возникновения под влиянием внешних условий. К тому времени, о котором идет речь, Морган уже держал в руках больше сотни подробно изученных спонтанных мутантов дрозофилы; они были известны и у других организмов. Однако спорадический характер их возникновения и широкий спектр затрагиваемых ими особенностей организмов создавали впечатление независимости возникновения мутаций от внешних условий, а авторам этих статей снискали репутацию автогенетиков. В этом, однако, заключалась как слабая, так и сильная их сторона: в 1925 г. Ю.А. Филипченко писал, что, несмотря на отсутствие прямых доказательств этого вопроса, которые пришли буквально двумя годами позднее [164], авторы устояли от соблазна “впасть в известную лень мысли (т.е. ламаркизм. – *Н.М.*), считающей все проблемы уже решенными” [74], лишь стоило уверовать в наследование приобретенных признаков.

С этой точки зрения представляют интерес заключительные строки статьи Моргана [144. С. 28], в которых он объяснял причину большой популярности идеи наследования приобретенных признаков: “Я не могу дать иного объяснения, кроме того, что оно происходит от желания людей передать потомству плоды телесных и умственных приобретений. Хотя каждый исследователь отдает дань этой человеческой слабости, она не должна влиять на объяснение фактов, существующих в действительности. В нашей надежде на передачу лучшего мы не должны забывать, что раз мы не можем унаследовать результаты упражнения наших родителей, то мы не можем наследовать и их несчастий. Ум, вос-

приимчивый ко всему новому, представляет более благоприятное наследство, чем ум, закабаленный от рождения успехами или неудачами предков”.

Глубокая по содержанию статья Ю.А. Филипченко против ламаркизма [74] преследовала двоякую цель. Одна из них заключалась в анализе исторического аспекта идеи наследования приобретенных признаков как широкой биологической проблемы, ее большой популярности и необыкновенной живучести на протяжении нескольких столетий. Опираясь на блестящее знание классиков естествознания и на относящиеся сюда экспериментальные данные, Ю.А. Филипченко убедительно показал несостоятельность многочисленных попыток доказательства наследования приобретенных признаков ни путем простого наблюдения, ни путем эксперимента.

Другая цель статьи заключалась в анализе тех следствий, которые вытекали бы из допущения наследования приобретенных признаков применительно к человеку. Полемический характер этого раздела статьи Ю.А. Филипченко и его меткие ответы приводили критиков в замешательство и были своего рода крылатыми в течение многих лет. Евгенические идеи Ю.А. Филипченко подробно будут рассмотрены ниже. Однако некоторые относящиеся сюда строки указанной статьи заслуживают рассмотрения именно в данном разделе, посвященном самому раннему периоду генетической дискуссии.

В своей статье Филипченко приводит выдержку из статьи одного из своих оппонентов – М.В. Волоцкого [124. С. 69]: “Вопрос о наследовании приобретенных признаков особенно сложен еще и потому, что та евгеника, которая выросла в буржуазных странах (и с которой евгеника пролетариата не должна иметь ничего общего), всегда стремилась затемнить всякое новое открытие, говорящее в пользу такой наследственности. Делалось это с целью внушить, что единственным методом разведения новой породы человека может служить лишь подбор производителей, а отнюдь не воспитание людей в тех или иных условиях, или те или иные социальные реформы и перевороты. Однако острый нож диалектического материализма легко вскрывает внутренние причины подобных убеждений, и с тем большим скептицизмом приходится относиться к тому, в чем так стараются убедить буржуазные евгенисты и их единомышленники”.

В другой статье, помещенной в том же сборнике [125. С. 85], М.В. Волоцкой подчеркивал: – “Идея разведения “талантов” путем брачного подбора представляет собой лишь продукт всей буржуазной культуры. Задачи же русских евгенистов должны состоять не в том, чтобы плестись в хвосте за буржуазной евгени-

кой, а в том, чтобы противопоставить ей свою биосоциальную евгенику, преследующую прежде всего интересы пролетариата, как класса, интересы которого наиболее близки к общечеловеческим. Выполнить эту задачу – долг нашего поколения”.

“К последней статье (М.В. Волоцкого. – *Н.М.*) – писал Ю.А. Филипченко [74. С. 54, 55], – мы должны сделать одну существенную поправку. Идея улучшения приращенных качеств человека путем подбора отнюдь не является продуктом всей буржуазной культуры или, если и является (чего мы сами не думаем), то в той же мере, как и эволюционная теория. Она была впервые высказана не какими-то безымянными буржуазными евреистами, а великим Чарльзом Дарвином, который в своей книге “Происхождение человека” впервые решился высказать такую революционную для того времени мысль, что человек “мог бы способствовать разумным отбором не только развитию физического сложения и наружности своих потомков, но и развитию умственных и нравственных качеств” [Собр. соч. Дарвина, изд. Поповой. Т II. С. 420]. От Дарвина эта идея перешла к Гальтону и другим евреистам, большинство из которых, конечно, являются буржуазными по своему происхождению, хотя многим из них интересы пролетариата, может быть, не менее дороги, чем М.В. Волоцкому, но понимают-то они эти интересы несколько иначе”.

«Посмотрим теперь, – писал далее Ю.А. Филипченко, – какие следствия вытекают из противоположной позиции, считающей наше критическое отношение к идее наследственности приобретенных свойств за измышление “буржуазной евреистики”, которой следует противопоставить какую-то новую, “биосоциальную евреистку”».

Последняя, по-видимому, надеется наградить новыми благоприятными наследственными свойствами пролетариат и крестьянство путем чисто внешних влияний, посредством особой физической культуры. Согласимся на минуту, что это возможно. Но что представляет из себя с этой точки зрения тот самый пролетариат, за интересы которого так ратуют сторонники “биосоциальной евреистики”? Если наследственность приобретенных свойств существует, то, очевидно, все представители этого класса несут на себе следы тех неблагоприятных влияний, которые их отцы, деда и целый ряд поколений более отдаленных предков подвергались в течение длинного ряда лет. Уже в силу этого благоприятных наследственных зачатков, генов, наиболее ценных специальных особенностей среди наших многострадальных пролетариев и крестьян должно быть неизмеримо меньше, чем в других классах, живших так долго в особо благоприятных условиях. Физическая культура, конечно, со временем тем же самым путем

поднимет качества нашего пролетариата, но сколько потребуются поколений, сообразно с числом прошлых поколений, которые жили в неблагоприятных условиях, чтобы пролетариат догнал, так сказать, те классы, которые жили в хороших условиях? И не есть ли это признание малоценности современного пролетариата только в силу того, что его предки подвергались неблагоприятным внешним условиям, одним из веских, хотя и косвенных аргументов против точки зрения ламаркистов? Нам кажется, что всякий сознательный пролетарий, который подумает об этом противоречии между новой, якобы дружественной ему “биосоциальной евгеникой” и якобы враждебной “буржуазной евгеникой”, должен будет сказать: “Избави меня, боже, от таких друзей – а уж с врагами я сам как-нибудь управлюсь!”

Сказанное нами здесь отнюдь не следует понимать как направленное сколько-нибудь против физической культуры, как таковой. Последняя имеет сама по себе громадную ценность, но совсем не в плоскости вопроса о наследственности приобретенных свойств, с которым ее бесполезно и связывать.

Итак, мы уклонились несколько в сторону, перейдя от общего вопроса о наследственности приобретенных свойств к специальному – приложению его к человеческим отношениям. Однако и здесь, и там мы приходим к одним и тем же выводам.

Подведем, теперь, наш общий итог. Мы можем повторить и сейчас, 40 лет спустя после того, как это было высказано Вейсманом: “Наследственность приобретенных свойств до сих пор совершенно не доказана ни путем простого наблюдения, ни путем эксперимента”. Следовательно, идея эта является лишь верой тех, кто ее исповедует. А при таком положении вещей только и можно сказать: “Блажен, кто верует”. Лично же мы – вместе с подавляющим большинством современных генетиков – предпочитаем оставаться до сих пор Фомами Неверными и упорно будем требовать для убеждения нас вложения наших перстов в эти язвы гвоздичные, памятуя, что до сих пор предъявлявшиеся нам язвы неизменно оказывались подложными и не выдерживали строгой научной критики» [74. С. 54–58].

Рассматриваемая статья Ю.А. Филипченко вместе с его трудами по евгенике служила поводом для нападок как при жизни автора, так и особенно после смерти. Ниже мы приводим последние строки исключительно поверхностной, примитивной рецензии В.Н. Слепкова, напечатанной в том же 1925 г. [150].

«Что значит утверждение Ю.А. Филипченко, что “среда наследственной основы организма не изменяет, все результаты ее действия – поверхностные “модификации”, а наследственные изменения возникают от внутренних причин путем “мутаций”?

1. Это значит идти против основной линии мысли научной биологии, рассматривающей всякий организм как продукт взаимодействия наследственных данных с внешней средой, превращать организм в метафизическую абстракцию, отрывая его от среды, как необходимого условия его образования.

2. Это значит идти против дарвинизма, установившего мысль о внешней среде, как причине изменчивости, и упасть в братские объятия моногенеза.

3. Это значит напролом идти против совершенно неопровержимых фактов, добытых Тоуэром, Иоллосом, Фишером, Каммерером, Сэмнером и многими другими.

4. И, в конечном итоге, это означает отказ от материалистической причинности “среда – организм” во имя телеологического, мистического принципа “эволюция – изнутри”. Как жаль, что к сдержанно-серьезной статье Моргана была добавлена развязная и идеологически вредная статья Филиппченко!»

Статья Ф.Г. Добржанского [128], весьма солидно аргументированная с фактической и методологической точек зрения, была напечатана в дискуссионном сборнике в окружении Е.С. Смирнова, Н.Д. Леонова, Б.С. Кузина, К.К. Островского – активных лamarкистов тех лет. Ее рассмотрение выходит за рамки настоящего очерка. Достаточно сказать, что все сказанное в ней звучит одинаково убедительно и справедливо как в пору ее опубликования, так и сейчас. В данной связи интерес опять-таки представляет оценка ее со стороны оппонентов. Вот в каких словах выразил к ней свое отношение Б.С. Кузин в статье, напечатанной в том же сборнике:

“Закон чистоты гамет уже давно потерял свою пленительную первоначальную простоту. Менделевская схема расщепления в пропорции 3:1 и закон доминирования далеко не всегда проявляются в чистом виде. Для сохранения в силе положений Менделя пришлось прибегнуть к построению всяких добавочных теорий и гипотез... Ведь никто никогда не видел ни “чистой”, ни “нечистой” гаметы. Между тем, генетики совершенно позабыли, что к теории чистоты гамет они пришли эмпирическим путем, и что она не есть некоторая предвечная абсолютная истина, и они пользуются теорией для опровержения фактов. Если случаи наследования приобретенных признаков идут вразрез с теорией чистоты гамет, то следует кардинальным образом пересмотреть теорию, а не отвергать факты. (Вещие слова – добавим мы от себя: как часто и очень успешно использовался этот прием в последующих нападках на генетику! – Н.М.). Отбрасывание фактов в интересах теории, эти надстройки над первоначально простой схемой Менделя, эти уклоны в схоластику и игру в слова – все это

свидетельствует о том, что внутренние противоречия уже достаточно подточили фундамент преформистских воззрений” [133. С. 57].

Можно, конечно, по-разному относиться к генетической дискуссии 1920-х гг., ретроспективно оценивая ее непосредственные и отдаленные результаты и влияние на последующее развитие генетики в Советском Союзе. Объективности ради следует подчеркнуть, что, несмотря на их резкость, ранние споры между генетиками и ламаркистами способствовали уточнению исходных точек зрения сторон, широкому обсуждению новых экспериментальных данных, известных до тех пор лишь ограниченному кругу специалистов, и так или иначе способствовали выяснению истины.

Определенную, хотя в целом незначительную, положительную роль дискуссия сыграла также как своего рода генетический ликбез, по крайней мере, среди тех биологов, которые искренне стремились уяснить научные и философские основы противоборствующих сторон, независимо от общей ситуации и не взирая на авторитеты. Главное же в дискуссии тех лет, за вычетом излишней изобретательности философских и иных ярлыков, которыми ламаркисты не скупились награждать своих оппонентов, заключалось в том, что она велась на равных началах, без “победителей” и “побежденных”, т.е. так, как это и должно быть в научных дискуссиях. Споры – один из важнейших инструментов научного познания; в спорах рождается истина.

С другой стороны, уже приведенные выдержки из выступлений ламаркистов тех лет против генетики красноречиво свидетельствовали об их методологической и политической направленности, и со временем общий тон этих выступлений становился все более резким. Если к тому же учесть, что вместе с Н.К. Кольцовым Ю.А. Филипченко выступал в те годы пропагандистом евгенических идей, то станет ясно, почему резкость выдвигавшихся против него обвинений в автогенезе и отрицании роли среды на наследственность человека временами граничила с открытой враждебностью. С этой точки зрения ранняя генетическая дискуссия, безусловно, сыграла отрицательную роль. Она способствовала лишь резкому разделению ее участников на два непримиримых лагеря и таким путем подготовила почву для дальнейших нападок на генетику уже с применением оргвыводов, начавшихся с середины 1930-х гг.

Результаты знаменитых опытов Г. Мёллера по трансмутирующему влиянию X-лучей, обнародованные им на V Международном генетическом конгрессе в Берлине в 1927 г. [164], не охладили пыла генетических дискуссий. Правда, генетики, наконец, по-

лучили долгожданное и весьма убедительное доказательство возникновения наследственных изменений (мутаций) под влиянием внешних агентов (в данном случае рентгеновских лучей, а вскоре затем и других воздействий) и навсегда отвели от себя необоснованное, огульное обвинение в автогенезе. Тем не менее полный параллелизм между мутациями, возникающими под влиянием рентгеновских лучей, и спонтанными мутациями, спектр которых у дрозофилы был к тому времени изучен очень подробно, лишь подливал масла в огонь дискуссии вокруг проблемы ламаркизма и автогенеза.

Поэтому едва ли можно было говорить, как это делает А.Е. Гайсинович, о “преодолении ламаркистских тенденций в наших руководящих и методологических кругах, которое осуществилось в 1929 г.” [126. С. 173]. В действительности ламаркистские тенденции отнюдь не были преодолены вплоть до 1964 г. В конце же 1920-х гг. речь в лучшем случае могла идти о весьма кратковременной паузе, последовавшей за открытием Г. Мёллером трансмутирующего влияния X-лучей, которое открывало широкие возможности для экспериментального исследования многих проблем генетики и которого так недоставало в то время советским генетикам.

С рассматриваемой точки зрения интерес представляет также книга Л.Я. Бляхера [120], специально посвященная проблеме ламаркизма. В ней имеется глава “Дискуссия о наследовании приобретенных признаков в Советском Союзе (20-е годы)”. Наряду с другими московскими генетиками того времени в книге помещен также портрет Ю.А. Филипченко, но, к сожалению, о нем самом нет в этой главе ни одного слова. Ничего не сказано о нем и в главе VIII названного труда, озаглавленной “Обзорные сочинения по проблеме наследования приобретенных признаков (20–30-е годы XX в.)”. Среди 364 цитированных в книге авторов Ю.А. Филипченко упоминается единственный раз и то по сравнительно второстепенному поводу – в связи с его положительной оценкой теории зародышевой плазмы А. Вейсмана. Каковы бы ни были причины этих пробелов в рассматриваемой монографии, о них остается лишь пожалеть.

Наконец, желающих ознакомиться с 40-летней дискуссией по генетике мы отсылаем к обстоятельной сводке И.Т. Фролова [154], в которой относящиеся сюда вопросы подробно анализируются, главным образом, с философской точки зрения.

Исследования по наследственности у человека. Евгеника

Началом генетических исследований Ю.А. Филипченко являются его ранние работы о гибридах между бизоном, зубром и рогатым скотом зоопарка “Аскания Нова”, опубликованные в 1915 и 1916 гг. [16, 19] и еще более обстоятельные исследования по наследственности и изменчивости черепа у млекопитающих, опубликованные в 1916 и 1917 гг. [24, 25]. Основной вывод этих работ гласил, что породы домашних животных отличаются одна от другой по средним индексам краниологических особенностей, которые наследуются по законам Менделя.

Исследования дореволюционного периода вместе с другими публикациями тех лет – обзорами новейшей литературы по наследственности, изменчивости и эволюции, по применению статистических методов в биологии и, наконец, первыми изданиями учебников по наследственности и изменчивости – дают полное представление о широте научных интересов Ю.А. Филипченко и о той всесторонней подготовке, с которой он вступил во второй период своей научной деятельности – в послереволюционные годы.

Но с чего начинать, какой проблеме или проблемам отдать предпочтение, чтобы не остаться в стороне от решения стоящих перед страной задач? Этот вопрос стоял перед любым исследователем тех лет, когда с окончанием гражданской войны постепенно стала налаживаться учебная и научно-исследовательская работа в еще недостаточно отапливаемых аудиториях и лабораториях.

Применительно к генетическим исследованиям, экспериментальным по своему характеру, этот вопрос осложнялся еще более, поскольку любые опыты с растительными объектами предполагали наличие, если не опытного поля, то хотя бы оранжереи, а опыты с животными были невозможны без соответствующей экспериментальной базы или хотя бы вивария. Наконец, в том и другом случае требовались солидные финансовые ассигнования, научный и вспомогательный технический персонал и т.д.

Все это пришло позднее, а пока что кафедра генетики Ленинградского университета располагала лишь скромными учебными помещениями, а сам Ю.А. Филипченко мог опереться в своей

работе на трех начинающих аспирантов (А.И. Зуйтина, Т.К. Лепина, Я.Я. Луса), пришедших на кафедру также в первые годы после революции.

Как уже было отмечено, после Октябрьской социалистической революции страна переживала небывалый общественно-политический подъем. Казалось, что отныне открываются широкие возможности применения идей и методов генетики для решения первоочередных научно-практических и хозяйственных задач; на повестку дня был вынесен и вопрос об улучшении биологической природы самого человека. Широкому обсуждению этих вопросов способствовала также дискуссия вокруг проблемы ламаркизма. Наиболее последовательные его представители утверждали, что раз приобретенные в течение жизни признаки унаследуются будущими поколениями, то наследственную природу человека, несомненно, можно улучшить путем создания для него благоприятных условий существования (в духе так называемой “биосоциальной евгеники”).

Представители противоположной точки зрения, и в том числе Ю.А. Филипченко, хотя и отрицали возможность унаследования приобретенных признаков, тем не менее, усматривали рациональное зерно в тех евгенических предпосылках, которые к тому времени получили широкое распространение в западных странах [65, 155]. Эти и другие причины, которые подробно будут рассмотрены ниже, способствовали возрождению евгенических идей в новых социальных условиях и выполнению того цикла исследований Филипченко по генетике человека, который приходился на первую половину 1920-х гг.

* * *

Для начала очертим ту биологическую коллизию, которая уже давно беспокоит определенные круги ученых и на основе которой возникла евгеника как наука об улучшении природы человека.

С одной стороны, священным принципом самой гуманной и едва ли не самой древней науки – медицины является самоотверженная борьба врача за жизнь каждого больного человека, нашедшая выражение в знаменитой клятве Гиппократата.

В течение многих столетий для медицины врагами номер один были голод, болезни и войны. По мере развития и углубления медико-биологических исследований и выяснения природы инфекционных болезней медицине мало-помалу становятся подвластными болезни наследственные – гемофилия, диабет и т.д. Есть основания надеяться, что со временем список излечимых наследственных болезней значительно расширится, о чем свиде-

тельствуют успехи медико-биологических наук современности. По мере того как инфекционные болезни все более отступают на задний план, главным предметом внимания медицины являются наследственные болезни, пороки и расстройства различной тяжести, список которых расширяется с каждым днем.

С другой стороны, причины, порождающие наследственные болезни, т.е. сами гены, неизлечимы. При помощи определенных профилактических и терапевтических средств врач может поддерживать жизнь, например, диабетика в удовлетворительном и даже вполне удовлетворительном состоянии, но он не в силах “вылечить” ген диабета. Диабетик передаст его своему потомству, и при определенных обстоятельствах диабетический ген снова приведет к необходимости открыть новую страницу в истории болезни данной семьи. И так обстоит дело в случае любой наследственной болезни.

Правда, наиболее оптимистически настроенные медики и биологи современности полагают, что со временем они научатся лечить и сами “больные” гены или по крайней мере ослаблять их деструктивные влияния путем ранней и сверхранней диагностики болезней и соответствующей корректирующей терапии. К сожалению, список “излеченных” генов пока еще не открыт, список же наследственных болезней приближается к двум тысячам [151].

Действие естественного отбора, которому подвергалось человечество на заре своего существования и со смертью наследственно отягощенных членов очищало его от вызывающих эти болезни генов, в современном обществе резко сократилось. Этот процесс со все увеличивающимся коэффициентом будет продолжаться и дальше, по мере того как медицина будет делать все новые успехи в лечении наследственных болезней. Наконец, интенсификация многих сторон деятельности человека породила целый ряд факторов и условий, способствующих повышению частоты мутационных изменений и в том числе наследственных болезней.

Возникает вопрос, на каких путях, при помощи каких мер можно устранить или хотя бы ослабить этот постепенно нарастающий так называемый “генетический груз” человечества – вот та проблема, перед которой стоит евгеника как наука о сохранении и улучшении врожденных свойств человека [131, 160].

* * *

Идея улучшения врожденных качеств человечества уходит своими корнями в глубь истории и основной ее рычаг – те или иные ограничения для вступления в браки, особенно близкородственные, были известны почти у всех народов, стоящих как на

высоких, так и на низких ступенях цивилизации. Однако эти ограничения не вытекали из каких-либо особых, неизбежных особенностей человеческой природы, и у разных народов они зачастую носили и носят различный, даже прямо противоположный характер. Они были выработаны для благополучия племен и народов на основе практического опыта под влиянием тех условий, в которых им приходилось жить, освящены традициями, законами и т. д.

Термин “евгеника” и ее задачи определены Ф. Гальтоном (1822–1911) в 1883 г., когда он писал:

“Мы употребляем это слово для обозначения науки, которая ни в коем случае не ограничивается вопросами о правильном бракосочетании и брачных законах, но, главным образом, особенно по отношению к человеку, изучает все влияния, которые улучшают расу, и эти влияния стремится усилить, а также все влияния, которые ухудшают расу, и эти влияния стремится ослабить” [127].

Как видно из приведенной цитаты, говоря о факторах, улучшающих или ухудшающих расу, Ф. Гальтон имел в виду все влияния, обусловленные как наследственной природой самого человека, так и влияния разнообразных факторов окружающей среды. С учетом этих последних, которые при рассмотрении содержания понятия “евгеника” часто упускают из вида, ее рациональное зерно приобретает гораздо более широкий смысл и сферу приложения. Необходимо также иметь в виду и тот факт, что термин “евгеника” был введен Гальтоном задолго до вторичного открытия законов наследственности Менделя. Иначе говоря, в отношении знания законов наследственности он стоял на одном уровне с Дарвином и даже первым опроверг его гипотезу пангенезиса в опытах с переливанием крови у кроликов. Что же касается учения о наследственности у человека или антропогенетики, то она стала составной частью евгеники лишь в первой четверти XX столетия.

Под влиянием трудов своего двоюродного брата Ч. Дарвина Ф. Гальтон задался целью применить законы эволюционного учения к человеку, имея в виду улучшение будущих поколений. По его мнению, “человек может не только физически улучшить условия своего существования, но при более глубоких биологических познаниях и пересоздать к лучшему самого себя”. Высшей целью человечества Ф. Гальтон ставит усовершенствование человеческой природы, и изыскание скорейших и более верных путей к этому совершенствованию и составляет, по его мнению, основную задачу евгеники.

Однако при всей важности задач евгеники Гальтон считал преждевременным переходить от общих научных положений к практи-

ческим шагам по регулированию законодательным путем тех или других человеческих отношений на евгенической основе. Полное завоевание евгеникой умов человечества, по его мнению, может произойти только тогда, когда евгеника в своем развитии пройдет все необходимые стадии, а таких стадий он насчитывал три.

На первой стадии относящиеся сюда вопросы будут подвергаться чисто научной разработке, причем дело не пойдет дальше пропаганды евгенических идей. На второй стадии уже можно будет принять ряд мероприятий практического характера и издать соответствующие законы. Наконец, на третьей стадии, когда люди проникнутся сознанием полной необходимости всех этих правил, законы станут совершенно не нужны, и евгеника станет для них своего рода “новой религией” или “евангелием будущего человечества”.

* * *

По мере того как в процессе работы над курсом генетики Ю.А. Филипченко все глубже знакомился с этой областью науки, он не мог пройти мимо тех перспектив, которые рисовались основоположниками евгеники. Евгеническое движение в ряде западных стран в то время приняло значительный размах [153, 155].

Интерес к евгеническим идеям в новых социальных условиях не был неожиданным: на других методических предпосылках и в несколько иной постановке евгенические идеи время от времени обсуждались в печати и в дореволюционной России [153].

В возрождении евгеники в послереволюционные годы, по нашему мнению, сыграли роль два обстоятельства:

1. Недостаточно ясное представление о путях развития евгенического движения в новых социальных условиях.

2. Преувеличенное или, во всяком случае, не вполне ясное представление о возможностях евгенических методов в борьбе за здоровье будущих поколений.

Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже. Здесь же заметим лишь, что пропаганда евгенических идей и учреждение евгенического общества со своим печатным органом явились для противников генетики еще одним поводом для критики их организаторов. Поэтому понятно, что Русское евгеническое общество уже вскоре прекратило свою работу, а его московский печатный орган “Русский евгенический журнал” опубликовал всего четыре тома⁷.

⁷ По другим сведениям было опубликовано семь томов. См. *Рокицкий П.Ф. Научные взгляды Н.К. Кольцова // Вопросы философии. 1972. № 7. С. 97. – Примечание составителя.*

“Известия Бюро по евгенике при Российской Академии наук” сохранили первоначальный титул лишь на первых трех выпусках (годы 1922, 1924, 1925). В них были опубликованы результаты анкетного обследования ленинградских ученых, представителей искусств и студентов. На обложках четвертого и пятого выпусков (годы 1926 и 1927) слово “евгеника” было передвинуто на второе место после генетики, а шестой, седьмой и восьмой выпуски (годы 1928, 1929 и 1930) выходили с грифом “Известия Бюро по генетике”. Со смертью Ю.А. Филипченко эта серия прекратила существование. Отметим попутно, что в выпусках “Известий” с четвертого по восьмой никаких статей по наследственности у человека и по евгенике опубликовано не было.

При рассмотрении побудительных причин для организации исследований по наследственности у человека и евгенике необходимо также иметь в виду исключительные экономические трудности первых лет после революции и более чем скромные ресурсы, выделяемые на научно-исследовательскую работу. Для организации же исследований по наследственности у человека анкетным путем нужно было очень немного – бумага и инициатива. Бумагу для печатания анкет достать удалось, а инициативы было с избытком.

Как бы то ни было, возрождение евгенических идей и начало исследований по наследственности у человека в 1920-х гг. – исторический факт и с ним необходимо считаться при любой попытке их интерпретации в будущем.

С тех пор прошло почти полвека. Активные участники евгенического движения давно сошли с жизненной сцены. В рамках настоящего очерка уместно вернуться к идеям основоположников этого направления, выделив из них прогрессивные и в советское время получившие определенное развитие.

* * *

Вернемся теперь к самым истокам евгенического движения в Советской России. Когда Н.К. Кольцов предложил Ю.А. Филипченко принять участие в организации исследований по генетике человека и в распространении евгенических идей среди населения, он согласился. Собственноручные записи об этом в его *Historica* [119] гласят: “20 сентября 1920 г. Предложение Н.К. Кольцова – письмо от 16 сентября 1920 г.”; “1 ноября 1920 г. Свидание с Н.К. Кольцовым в Доме ученых и соглашение, что я действую в Петрограде независимо от Москвы”.

Летом 1920 г. в Москве в Институте экспериментальной биологии (он помещался тогда в Сивцевом Вражке, 41), директором

которого был Н.К. Кольцов, уже был организован отдел евгеники, а вскоре и в тесной связи с ним там же возникло Русское евгеническое общество и “Русский евгенический журнал”.

В Петрограде организующая роль Филипченко выразилась в подготовке и принятии 14 февраля 1921 г. КЕПСом постановления об организации Бюро по евгенике, а затем в организации Ленинградского отделения Русского евгенического общества (в феврале 1924 г.), устав которого был утвержден Ленинградским губисполкомом 30 апреля 1924 г.

Программа работы Бюро по евгенике была опубликована в краткой популярной брошюре Ю.А. Филипченко “Что такое евгеника” [45], вышедшей одновременно с его организацией.

“Для деятельности Бюро по евгенике поставлены следующие задачи:

- 1) изучение вопросов наследственности специально в приложении к человеку путем проведения анкет, обследований, экспедиций и т.д.;

- 2) распространение в широких народных массах сведений о законах наследственности у человека и о целях и задачах евгеники путем издания популярных книг, брошюр, устройства популярных лекций и т.п.;

- 3) подача советов евгенического характера желающим вступить в брак и вообще всем интересующимся собственной наследственностью” [45. С. 29].

В той же брошюре [45] было опубликовано сообщение о первых шагах деятельности вновь учрежденного Бюро по евгенике.

Для сбора первичных данных по наследственности у человека была отпечатана и распространена анкета среди ученых, медицинских работников, студентов, работников искусств, рабочих и т.д. Раздаче анкет обычно предшествовала публичная лекция Ю.А. Филипченко. В течение 1921–1924 гг. только им одним было прочитано 16 таких лекций в самых разнообразных учреждениях (Вологодский дом просвещения, Дом ученых, I Съезд преподавателей естествознания в Петрограде, Военно-медицинская академия, Петроградский педагогический институт, Мытнинское общежитие студентов университета, Путиловский завод и др.) при большом скоплении слушателей. Все это говорит о том, что идеи евгеники и законы, управляющие наследственностью разнообразных признаков и особенностей человека, пользовались в те годы широкой популярностью.

В дополнение к уже упоминавшейся брошюре “Что такое евгеника” Ю.А. Филипченко опубликовал другую популярную брошюру “Как наследуются различные особенности человека” [46].

Материалы 605 собранных и обработанных анкет легли в основу ряда статей Ю.А. Филипченко и его сотрудников; они опубликованы в первых трех выпусках “Известий Бюро по евгенике” [43, 44, 47–49, 58, 59, 71, 72]. Разумеется, было бы преждевременно и даже наивно ожидать от этих исследований выдающихся результатов по столь сложной проблеме как генетика человека – период накопления этих материалов был более чем кратковременным, да и сами анкетные данные не всегда представляли собой достаточно надежную основу для ответственных заключений. Тем не менее, и эти материалы дали ряд интересных выводов, о чем кратко будет сказано ниже. Главное же их значение состояло в том, что они являлись первой в отечественной генетике попыткой подойти к исследованию столь важной и сложной проблемы как наследственность человека.

“Все наши выводы, – писал Филипченко в последней статье этого цикла, посвященной ленинградским студентам, – мы рассматриваем как первое и наиболее грубое приближение к истине. Среднее из 10 наблюдений много ценнее одного-единственного наблюдения или полного отсутствия наблюдений, хотя, конечно, еще лучше сделать 1000 наблюдений. Но если этого сделать нельзя, то всякое число лучше его полного отсутствия. К собиранию такого же более подробного и полного материала о различных группах русского населения мы сами стремимся, хотя хорошо знаем трудности этой задачи, и будем радостно приветствовать, если кому-нибудь удастся выполнить это лучше, чем удалось сделать нам для некоторых групп нашей интеллигенции” [59. С. 48]. Трудно что-либо прибавить к здравой оценке этих работ, данной самим автором.

* * *

Обратимся теперь к более важной, социальной и моральной стороне евгенического цикла трудов Ю.А. Филипченко. В него входят следующие четыре источника.

1. “Что такое евгеника?” [45]. Эта небольшая брошюра была опубликована одновременно с учреждением Бюро по евгенике при Российской академии наук и представляет собой конспективное изложение предмета евгеники и методов ее осуществления. Не лишен интереса самый факт организационной связи вновь учрежденной научной ячейки, т.е. Бюро по евгенике, с Комиссией по исследованию естественных производительных сил страны (КЕПС), т.е. с подразделением Академии наук, ставившим исключительно практические задачи. Отсюда следует, что проблемы евгеники пользовались тогда широкой популярностью и признанием.

2. Книжка небольшого формата на 190 стр. “Пути улучшения человеческого рода. Евгеника” [65], опубликованная в 1924 г. Эта книга – несомненно, лучшее из всего опубликованного на русском языке по вопросам евгеники. Каждый, кто пожелал бы более подробно ознакомиться с комплексом затронутых в ней вопросов положительной и отрицательной евгеники и отношения к ним самого автора, должен читать ее в оригинале – только тогда можно составить об авторе полное и правильное представление. О широте и полноте затрагиваемых в ней вопросов говорит приводимое ниже развернутое оглавление книги в том виде, в каком с присущей ее автору четкостью и аккуратностью оно дано самим автором (в скобках указаны номера страниц).

Предисловие редакции.

Глава I. Евгеника – ее возникновение и развитие (9).

Евгеника и ее отношение к другим дисциплинам (9). Ф. Гальтон и его деятельность (13). Евгеническое движение в Англии и Америке (16). Евгеника в Германии (20). Евгеническое движение в других странах (21).

Глава II. Первая предпосылка евгеники – наследственность (24).

Наследственность (24). Свойства прирожденные и приобретенные (25). Вопрос о наследственности последних (27). Умозрительные теории наследственности (30). Учение о свойствах (32). Более сложные случаи менделизма (49). Наследование пола (56) и ограниченная полом наследственность (59).

Глава III. Наследственность у человека (63).

Статистический и генеалогический методы (64). Наследование цвета глаз и волос (66), цвета кожи, роста и других наружных особенностей (70). Наследование духовных способностей (72). Наследование болезней и уродств – доминантных и рецессивных (79) и ограниченных полом (88).

Глава IV. Вторая предпосылка евгеники – подбор (93)⁸.

Изменчивость организмов (94). Искусственный подбор и его виды (95). Борьба за существование (100). Естественный подбор (102). Спор о роли подбора (104). Исследования Иоганнсена (106). Учение о мутациях (111). Значения подбора, мутаций и комбинаций для эволюции (114).

Глава V. Подбор в человеческом обществе (121).

Мутации и комбинации у человека (121). Виды подбора у человека (126). Летальный подбор (126). Подбор плодовитости (129).

⁸ Вместо принятого в те годы понятия “подбор”, которым пользовался Ю.А. Филиппенко, в настоящее время предпочтение отдают термину “отбор”, который по общему мнению, точнее отражает стихийность процессов генетической трансформации, протекающих в природе и в человеческом обществе.

Подбор между супругами (132). Влияние на подбор современной культуры (138). Признаки ухудшения качеств современного человечества (144).

Глава VI. Практическая евгеника (149).

Необходимость евгеники в настоящее время (149). Ограничительная евгеника (155). Возможные мероприятия в области современной евгеники (166). Евгеника в частной жизни (175). Евгенические организации, институты и журналы (176). Евгеника в СССР (180).

Указатель важнейших сочинений по евгенике (185).

3. Журнальная статья “Интеллигенция и таланты” [72] – заключительная в цикле евгенических трудов Ю.А. Филипченко. В ней он подытожил результаты той части исследований по наследственности у человека, которые имели отношение к евгенике, и сформулировал свою точку зрения по этому вопросу.

4. Наконец, в 1925 г. была опубликована небольшая, всего на пять страниц журнальная заметка “Евгеника в школе” [76]. По мысли Филипченко, евгеника должна была стать обязательным предметом образования как в общих, так и специальных учебных заведениях как проводник начатков генетических знаний и евгенических идей среди учащейся молодежи.

Все четыре источника в общей сложности составляют 245 печатных страниц. Перечитывая эти труды и особенно книгу “Пути улучшения человеческого рода. Евгеника”, каждый раз приходишь к одним и тем же выводам. Несмотря на то, что со времени их опубликования прошло более полувека, они читаются с таким же интересом, как если бы были написаны в наши дни – настолько широки, разнообразны и даже свежи приведенные в них сведения из области генетики, демографии, евгенического законодательства разных стран и т.д. Вместе с тем, как и во всех других разделах науки, в разработке которых Ю.А. Филипченко лично принимал активное участие, он и в своих евгенических трудах сохранял свою индивидуальность: ни широта обсуждавшихся проблем, ни острота разгоревшихся вокруг них дискуссий не увели его в сторону от того рационального зерна евгеники, которое было заложено в ней ее основоположником Гальтоном. Трезвый и ясный ум дал ему возможность трактовать проблемы евгеники гораздо шире тех узких рамок, в каких она была известна в отечественной литературе, главным образом как орудие политической борьбы с расизмом и надвигающимся фашизмом. С тем большим сожалением необходимо сейчас отметить, что критика евгенического цикла тру-

дов Филипченко, сводимых в отдельных случаях к худшим образцам зарубежной принудительной евгеники, была несправедлива – она не вытекала из всего того, что было написано им по этим вопросам.

Для примера поучительно сослаться на один образец такой критики из БСЭ, отправляясь от которого или, наоборот, всё сведя к нему, можно было без особого труда придать евриеническим взглядам Ю.А. Филипченко любую окраску. Приведем из этой пространной статьи только первые и заключительные строки.

«В СССР Н.К. Кольцов пытался перенести в советскую практику выводы фашистской евгеники. Организовав вскоре после Октябрьской революции Русское евгеническое общество, руководя им и издавая специальный орган “Русский евгенический журнал”, Кольцов, а отчасти Филипченко, солидаризовались с фашистской программой Ленца, пытаясь приспособить их политические выводы к условиям советской действительности. ... Меншевиствующие творцы “социалистической” евгеники с достаточной полнотой отразили аргументацию своих зарубежных коллег» [БСЭ, изд. I. 1931. Т. 23. С. 812–818].

В подтверждение того, что все написанное Филипченко по вопросам евгеники не давало повода делать столь далеко идущие выводы, мы вынуждены привести здесь несколько выдержек из его книги “Пути улучшения человеческого рода. Евгеника” [65]. Так, например, свое отношение к принудительной стерилизации, которая в то время была узаконена в ряде штатов США, Филипченко выразил в следующих словах:

“Не может быть никакого сомнения в том, что положительный искусственный подбор, действующий в сторону создания породы с каким-нибудь желательным качеством, гораздо важнее чисто отрицательного искусственного подбора, отмечающего особей с нежелательными для нас признаками. Можно очистить всю популяцию от нежелательных для нас генотипов, но это еще не приведет к тому, чтобы остался именно тот, который является наиболее желательным” (С. 156).

“Ничто не говорит нам за то, что подобные меры могут дать действительно существенный результат; между тем они безусловно вредны в интересах распространения евгенических идей” (С. 161).

“В самом деле, не является ли мысль о принудительной стерилизации сотен тысяч граждан какого-нибудь большого государства чистейшей и притом вредной утопией? Не является ли эта мера, если проводить ее широко, а главное, принудительно, грубейшим насилием над человеческой личностью? Да и что даст

эта мера в смысле возникновения тех благоприятных сочетаний наследственных задатков, которые и являются, конечно, самой важной задачей и человеческого размножения, и всей евгеники?” (С. 162).

“Можно было бы привести и много других подобных аргументов против принудительной стерилизации, но вопрос, нам кажется, настолько ясным, что едва ли стоит на нем дальше останавливаться” (С. 162).

В примечании, добавленном в книгу уже в процессе ее печатания, Филипченко кратко останавливается на только что появившейся книге М.В. Волоцкого [125], который был горячим защитником идеи стерилизации, видя в ней “новый путь к поднятию жизненных сил расы”, и в следующих словах резюмировал свое к ней отношение: “Вообще и по прочтении этой книги мы не находим возможным изменить то отношение к идее стерилизации, которое высказано нами выше на С. 158–162” [65. С. 186].

По поводу другой меры отрицательной евгеники – брачного законодательства – Филипченко писал:

“Столь же мало, как нам кажется, можно возлагать надежды на законодательное запрещение браков между известными лицами, на обязательное требование о предоставлении при женитьбе брачующимися свидетельства о здоровье и т.д.

В кодексе законов большинства стран запрещается брак в самых близких степенях родства, но разве эти запреты останавливают людей от кровосмешения? С другой стороны, хотя еще недавно по нашему русскому законодательству запрещались и даже карались браки между двоюродными братьями и сестрами или женитьба на сестре жены брата (свояченице), но разве такие браки не происходят постоянно?

К тому же истинные отношения настолько бывают иногда сложны и индивидуально различны, что их трудно вложить в рамки каких-нибудь определенных законов. Возьмем, например, браки между двоюродными братьями и сестрами. Вообще говоря, они опасны, если в семье имеется какой-нибудь нежелательный рецессивный признак, который может легко при этом проявиться. Но в здоровых богато одаренных семьях, напротив, такие браки могут быть иногда в высшей степени желательны и способствовать новому скоплению однозначных генов какого-нибудь редкого специального свойства. Укажем, например, что Чарльз Дарвин был женат на своей двоюродной сестре, и среди их детей появилось несколько выдающихся личностей; между тем, по меткому выражению Девенпорта, “брак Чарльза Дарвина и Эмми Веджвуд оказался бы незаконным, и их дети были бы

признаны тоже незаконными, свыше чем в 14 американских штатах” (С. 162, 163).

Наконец, Филипченко не оставлял никакого сомнения относительно своего отношения к “северной расе”, в сочувствии к которой его часто обвиняли. Вот что он писал по этому вопросу в той же книге, оставаясь здесь, как и всегда, в рамках единой для всего человечества гуманной евгеники:

«Последнее время во многих заграничных произведениях по евгенике особенно подчеркиваются положительные качества этой северной (т.е. арийской. – *Н.М.*) расы, называемой иногда даже “великой” и противопоставляемой другим европейским расам к большой невыгоде для последних. Едва ли нужно говорить, что подобного рода тенденции должны быть чужды истинной евгенике, которая является делом одинаковой важности для всех рас и народностей человечества» (С. 124).

Конечно, будучи вырванными из контекста, отдельные положения и мысли автора могли дать неограниченные возможности для неблагоприятных выводов в его адрес. Так, например, обсуждая повсеместное падение рождаемости, особенно среди интеллигенции, и намечающиеся признаки вырождения человечества, основную задачу евгеники Ю.А. Филипченко видит в том, “чтобы место естественного подбора в человеческом обществе занял подбор искусственный, который неизбежно приведет к улучшению качества будущих поколений” (С. 154). Однако за этим тезисом не кроется ничего другого, кроме как только “увеличение размножения лучших элементов общества и уменьшение худших его элементов, понимая, конечно, под лучшими и худшими – лиц, обладающих желательными или нежелательными с точки зрения общества наследственными качествами” (С. 155).

Отсюда и сама евгеника распадается на поощрительную или положительную и ограничительную или отрицательную, о чем будет сказано ниже. При этом все мероприятия положительной евгеники, в защиту которых выступал Филипченко, должны осуществляться на основе распространения зачатков генетических знаний среди широких масс населения и полной добровольности.

В заключение необходимо отметить, что в своих представлениях на наследование специальных, или духовных, способностей человека как-то: музыкальной, артистической, математической, литературной, памяти, общих умственных способностей и т.п. Филипченко исходил из тех же общих законов наследственности Менделя на основе комбинаторики однозначных или множественных факторов. В принципе эта точка зрения сохраняет силу и в настоящее время, хотя за прошедшие годы практическая разработка этого вопроса мало продвинулась вперед в силу ее исключительной сложности.

Другим программным документом Ю.А. Филипченко по евгенике является его статья “Интеллигенция и таланты” [72]. В ней автор подытожил предварительный опыт работы с некоторыми группами интеллигенции и наметил программу евгенических мероприятий на будущее. Поэтому на ней необходимо остановиться подробно. Сделать это важно еще и потому, что статья Ю.А. Филипченко, напечатанная в малодоступном журнале, редко где уцелевшем, молодому поколению читателей просто неизвестна, а теми из читателей, кто видел ее в те далекие годы, основательно позабыта, чему, впрочем, немало способствовали те нелестные эпитеты, которыми сопровождалось каждое упоминание об ее авторе. Следует также подчеркнуть и здесь, что статья, о которой идет речь, равно как и книга “Пути улучшения человеческого рода. Евгеника” [65], написана ясно, четко, просто, без ненужных, не относящихся к делу отступлений, не допускавших никаких кривотолков.

* * *

Итак, предоставим слово автору статьи [72]⁹.

“Основными вопросами, занимающими все наше внимание, были два: о русской интеллигенции и об ее наиболее одаренных представителях, которых благодаря этому можно подвести под категорию талантов. Что такое интеллигенция, не требует, конечно, длинных пояснений. Мы понимаем под этим представителей тех профессий, занятие которых связано с большой умственной работой и требует, с одной стороны, долгой выучки, с другой – наличия известных способностей. Конечно, определение это далеко несовершенное, но такова уже судьба почти всех определений” (С. 83).

“Главные особенности, характеризующие нашу интеллигенцию, следующие:

1) около половины лиц чисто русского происхождения и довольно заметный процент лиц смешанного происхождения (17–33%) – в национальном смысле;

2) заметное преобладание лиц, происходящих из великорусских губерний;

3) происхождение значительной части из весьма интеллигентной среды;

4) слабое размножение – падение детности не менее, чем в два раза по сравнению с предыдущим поколением;

⁹ Отсюда и далее до слов “В дополнение к выдержкам ...” (см. С. 62) следуют цитаты из статьи “Интеллигенция и таланты” [72] со ссылками на страницы оригинала (в скобках).

5) очень большой процент детей, посвящающих себя интеллигентным профессиям;

6) сравнительно высокая одаренность в смысле обладания специальными способностями;

7) более сильное распространение некоторых болезней, особенно душевных болезней.

Однако, не менее важное значение, чем интеллигенция в ее целом, имеет тот небольшой сгусток, который всегда имеется в ее недрах и который и обозначается именем выдающихся людей, или талантов” (С. 84).

“Откуда берутся эти люди и какова их дальнейшая судьба – вот тот вопрос, на который должна ответить евгеника.

Со временем выхода в свет работы Гальтона [125] “Наследственный гений” и его исследования об английских ученых не может быть сомнения в том, что таланты не делаются, а рождаются, т.е. что в процессе их возникновения наследственность важнее среды (С. 85). Мы знаем теперь, что многие особенности человека обуславливаются так называемыми однозначными факторами, которые, накапливаясь у одной особи во множественном числе, заметно усиливают эффект, производимым каждым из них в единственном числе. Можно думать, что так наследуются и те духовные особенности человека, от которых зависит его одаренность” (С. 85–86).

“Человеческое общество лучше всего сравнить не с (Гальтоновской. – *Н.М.*) лестницей из ряда последовательных ступенек, а с кругом (рис. 1), разбитым на ряд секторов, причем эти секторы, не доходящие как видно на рисунке до центра, и представляют собой отдельные классы общества. В центральной же части круга лежит небольшой круглый или овальный участок, который является по существу производным всех этих классов – секторов, но отграничен от всех них, – и этот-то центральный участок и представляет из себя интеллигенцию.

Наконец в самом центре его лежит небольшое темное пятно, как бы центральное сгущение, нерезко ограниченное от остальной части внутреннего круга; этот центральный сгусток и представляет собой наиболее выдающихся представителей интеллигенции, то, что называют талантами” (С. 87).

«С нашей точки зрения, среди представителей решительно всех классов общества рассеяны те наследственные зачатки, или гены, на языке современного учения о наследственности, от счастливого сочетания или комбинации которых зависит и большая “интеллигентность”. Для того, чтобы стать интеллигентом, каждый из представителей известного класса должен, так сказать, деклассироваться, т.е. перешагнуть из своего сектора-класса в

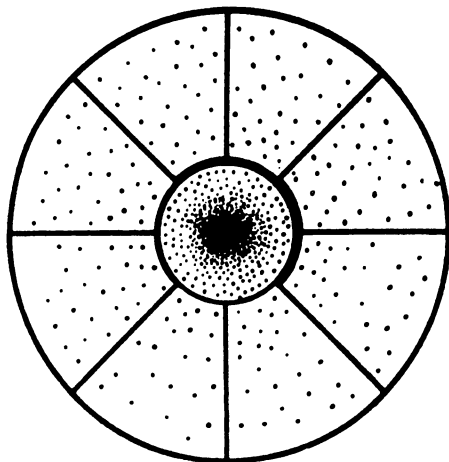


Рис. 1. Схема формирования интеллигенции и возникновения талантов по Ю.А. Филипченко.

Внешний круг – все общество; секторы круга – классы; центральный малый круг – интеллигенция; центральный сгусток в малом круге – таланты. Гены одаренности (точки) равномерно рассеяны среди представителей всех классов.

Однако возможность перехода одаренных представителей в ряды интеллигенции была далеко не одинакова, будучи ограничена сословными, правовыми, имущественными и другими факторами. На схеме эти “барьеры” изображены линиями разной толщины (текст подписи мой. – *Н.М.*)

тот центральный отдел круга, который отделен от них всех чертой (барьером. – *Н.М.*). А эта граница, как показано на нашем рисунке, имеет неодинаковую толщину в различных секторах.

Достаточно вспомнить те условия, в которых находилось наше крестьянство или пролетариат еще сравнительно недавно (статья опубликована в 1925 г. – *Н.М.*), чтобы учесть, насколько трудно было даже одаренным представителям этих классов преодолеть все встречающиеся на их пути препятствия, чтобы стать интеллигентами. Немудрено, что среди академиков, избранных за последние 80 лет, только 2% приходится на долю детей крестьян и столько же на долю мещан. (...) Наоборот, для дворян двери всех учебных заведений были широко открыты, и естественно, что наша русская интеллигенция в течение десятков лет формировалась преимущественно из дворян» (С. 89).

“Среди всех вообще ученых, и среди академиков, и среди представителей искусства до 80% детей продолжают идти в смысле своей профессиональной деятельности по стопам родителей. Однако эта столь высокая цифра в своей значительной части вызывается, как нам кажется, отнюдь не наследственным предрасположением, а традицией, и на самом деле, мы думаем, процент

детей у интеллигентов, которые сохраняют отцовскую комбинацию интеллигентских генов (в смысле их числа), едва ли выше 50%, а другие 50% являются менее одаренными в данном отношении. Возможно ли при таких условиях поддержание численности интеллигенции на одном уровне собственными силами?

Нам думается, что ни в коем случае нет, как показывает следующий небольшой расчет. (В статье [72] приведен расчет, который здесь не воспроизводится. – *Н.М.*) «...» ясно, что будучи предоставлена собственным силам, наша интеллигенция уже через 3–4 поколения совершенно сойдет на нет» (С. 91).

“Таким образом, существование достаточного числа интеллигентов, столь нужных для государства, зависит в значительной степени от притока в интеллигенцию новых сил из различных классов общества. Что же нужно для того, чтобы приток этот шел достаточно интенсивно и нормально?

Одно из необходимых условий – это уничтожение всех тех преград, которые мешают одаренным представителям каждого класса уходить из него и переходить в ряды интеллигентов. Эту преграду может разрушить лишь широкое распространение просвещения, осуществляемое лишь при достаточно демократическом строе, который всегда уничтожает и другие из указанных нами преград. В отношении этого условия теперь мы находимся, конечно, в лучшем положении, чем находились еще сравнительно недавно.

Однако имеется и еще одно условие, тоже чрезвычайно важное, но о котором, к сожалению, легко забывают: это наличие достаточно сильного размножения всех слоев общества, которое тоже является стимулом, толкающим часть подрастающих представителей различных классов в ряды интеллигенции.

Падение рождаемости вообще чрезвычайно опасно для государства и в ряде других отношений, почему лично мы являемся убежденными сторонниками того, что называют количественной политикой населения. Последняя не встречает сочувствия даже у многих видных представителей евгенического движения, которые указывают на то, что гораздо важнее заботиться о качестве, чем о количестве. Последнее совершенно справедливо, но как овладеть качеством? Это ведь чрезвычайно трудно, а количественная политика населения есть уже нечто, гораздо более реальное. Там же, где есть надлежащее количество, будет и качество: это уже своего рода аксиома” (С. 92).

“Многим кажется странным говорить о количественной политике населения у нас в СССР. Мы не думаем этого – напротив, убеждены, что ближайшие переписи рассеют иллюзию, будто размножение и теперь, после войны, идет – по крайней мере, в

европейской части СССР – прежним темпом. А поздно начинать думать о борьбе с опасностью, когда она, что называется, уже на носу. Вот почему мы настойчиво высказываемся и у нас за количественную политику населения (с исключением из нее тех элементов, с размножением которых вообще нужно бороться) и считаем ее одним из основных условий для процветания и нашей интеллигенции” (С. 93).

“Однако, откуда берется центральный сгусток наиболее талантливых людей и какова его дальнейшая судьба? Для решения вопроса о происхождении данного сгустка одних наших наблюдений уже недостаточно, и мы должны учитывать все то, что известно о происхождении выдающихся людей. При этом оказывается, что в громадном большинстве случаев их ближайшие предки – отцы и деды – относились уже к числу интеллигентов, и нередко среди них появлялись как бы “предтечи” данного высоко талантливого лица, но в значительно более слабой степени. Если для возникновения таланта необходимо сочетание, например, генов a, b, c, d, e, f, g, h , то оно скорее осуществляется там, где уже имеются ранее возникшие сочетания типа abc, ade, cgh и т.д., чем там, где подобных сочетаний нет. Ведь восьмерку гораздо легче составить из двух четверок или тройки и пятерки, чем из четырех двоек или восьми единиц.

Мы не отрицаем возможности перехода представителя периферического сектора нашего круга сразу в самый его центр, но считаем подобный случай чрезвычайно редкой и исключительной возможностью.

Таким образом, центральный сгусток является почти всегда производным интеллигенции, и чем богаче, разносторонне одарена последняя, тем больше и талантливее будет ее центральный сгусток, и, наоборот, при бедности интеллигенции трудно ожидать появления большого числа талантов.

Переходя к вопросу о судьбе последних в смысле судьбы их потомства, мы должны отметить, что здесь, по-видимому, имеется только один путь – именно вниз, вернее к периферии – в недра интеллигенции или в один из наших периферических секторов-классов. Случаев такого рода, чтобы у чрезвычайно талантливого отца были столь же талантливые дети, почти совсем неизвестно, а если иногда их и указывают, то это уже совершенно из ряда вон выходящие случаи или же при проверке оказывается, что отца и детей все же отнюдь нельзя ставить на одну доску.

Выдающиеся таланты ценны для государства сами по себе, а отнюдь не как производители, да многие из них и весьма плохо выполняют эту функцию” (С. 94).

“Таким образом, для того, чтобы в недрах нашей интеллигенции имелся особенно ценный сгусток высоко талантливых людей, необходимы прежде всего те же два условия, которые были отмечены для интеллигенции в целом. Однако здесь к ним присоединяется и третье условие – именно поддержка размножения самой интеллигенции на надлежащей высоте, так как если она размножается чересчур медленно, заметно уменьшаются шансы рождения талантов. Не забудем, что на одного Ломоносова, на которого столь охотно ссылаются противники нашей точки зрения, приходится не один десяток высоко одаренных лиц, вышедших из недр интеллигенции.

В чем может выражаться эта поддержка размножения интеллигенции со стороны государства – мы не будем здесь останавливаться, так как вопрос этот, как и вопрос о приемах количественной политики населения, относится уже к области практической евгеники. Мы же разбираем здесь вопрос в его общей, чисто теоретической форме, а для последней сказанного здесь совершенно достаточно.

Поводя итоги, мы можем выразить их в виде следующих положений:

1. Наша интеллигенция есть производная всех классов общества, возникающая прежде всего благодаря счастливому сочетанию наследственных зачатков.

2. Сама по себе интеллигенция размножается слабо и не может поддерживать себя собственными силами на том же уровне, требуя все время притока свежих сил извне.

3. Судьба потомства интеллигенции бывает тройкая: оно частью сохраняется на том же уровне, частью возвращается в другие классы; наконец, из него же формируется небольшое количество особенно выдающихся, талантливых людей.

4. Этот небольшой сгусток талантов, имеющийся всегда в недрах интеллигенции, никогда не размножается дальше в себе: его потомство возвращается обычно в недра рядовой интеллигенции или в другие классы, а в следующем поколении это ядро талантов формируется снова из наиболее одаренных потомков интеллигентов обычного типа.

5. Чисто государственными мерами для поддержания достаточного количества как рядовой интеллигенции, так и ее высоко одаренного ядра, следует признать:

- а) уничтожение всех тех барьеров правового, экономического и идейного характера, которые мешают переходу в ряды интеллигенции выходцам из различных классов;

- б) количественная политика населения, поощряющая размножение представителей всех классов, кроме явно дефективных элементов;

в) поощрение размножения интеллигенции” (С. 95, 96).

В дополнение к выдержкам из статьи “Интеллигенция и таланты” мы приведем еще одну цитату из книги “Пути улучшения человеческого рода. Евгеника”, где речь также идет о повсеместном падении рождаемости, особенно явно выраженное в среде интеллигенции.

Таблица 1

**Численность населения СССР, рождаемость, смертность
и естественный прирост**

Год	Численность населения, млн чел.	На 1000 человек населения			Умерло детей в возрасте до одного года на 1000 родившихся
		роди-лось	умерло	при-рост	
1913	159,2	—	—	—	—
1926	—	44,0	20,3	23,7	174
1928	—	44,3	23,3	21,0	182
1937	—	38,7	18,9	19,8	170
1938	—	37,5	17,5	20,0	161
1939	—	36,5	17,3	19,2	167
1940	194,1	31,2	18,0	13,2	182
1950	178,5	26,7	9,7	17,0	81
1951	181,6	—	—	—	—
1952	184,8	—	—	—	—
1953	188,0	—	—	—	—
1954	191,0	—	—	—	—
1955	194,4	25,7	8,2	17,5	60
1956	197,9	25,2	7,6	17,6	47
1957	201,4	25,4	7,8	17,6	45
1958	204,9	25,3	7,2	18,1	41
1959	208,8	25,0	7,6	17,4	41
1960	212,4	24,9	7,1	17,8	35
1961	216,3	23,8	7,2	16,6	32
1962	220,0	22,4	7,5	14,9	32
1963	223,5	21,1	7,2	13,9	31
1964	226,7	19,5	6,9	12,6	29
1965	229,6	18,4	7,3	11,1	27
1966	232,2	18,2	7,3	10,9	26
1967	234,8	17,3	7,6	9,7	26
1968	237,2	17,2	7,7	9,5	26
1969	239,5	17,0	8,1	8,9	26
1970	241,7	—	—	—	—

Примечание. Данные из статистического сборника ЦСУ “Народное хозяйство СССР в 1969”. М., “Статистика”, 1970 г.

“Учение о населении говорит нам, что среднее число детей, необходимое для поддержания каждой из его групп на прежней высоте, лежит между 3 и 4; при 4 детях наблюдается незначительный прирост этой группы, тогда как при 2 она уменьшается в своей численности (ныне принимается, что население страны остается на постоянном уровне в том случае, когда число детей в каждой семье составляет в среднем 2,8 ребенка. – *Н.М.*). Два ребенка, или система двух детей (*Zweikindersystem*), как называют ее немцы, есть именно то, что встречается наиболее часто теперь в нашем, наиболее одаренном культурном слое и с чем особенно решительно государство должно бороться, поскольку дело идет о нашей старой интеллигенции и особенно нарождающейся в настоящее время у нас новой, которая формируется из наиболее талантливых и ярких представителей рабочих классов.

Было бы особенно нежелательно, чтобы эта новая интеллигенция переняла от старой, кроме многого другого, и эту систему двух детей, к которой наша прежняя интеллигенция – увы! – уже пришла. Очевидно, обязанностью государства является попечение не только о всех детях своих сограждан, но особенно внимательное отношение к третьему и четвертому ребенку каждой семьи. И особенно важно, чтобы эти премии за третьего и четвертого ребенка были бы значительно выше, чем за двух первых, дабы не было лишнего стимула останавливаться перед рождением именно этих, особенно важных для государства детей из-за чисто экономических соображений.

Таким образом, правильная политика населения, особенно введение премий за третьего и четвертого ребенка в семье, повышающихся соразмерно евгенической ценности каждой группы населения, является одной из тех мер поощрительной евгеники, которые при последовательном и планомерном проведении их в жизнь, не замедлят принести известные плоды” [65. С. 168, 169].

* * *

Такова евгеническая программа Ю.А. Филипченко. По своему содержанию все ее пункты, кроме одного, относятся к положительной евгенике, т.е. к тем мероприятиям, целью которых является обогащение человечества или, в более узком смысле слова, общества положительными наследственными задатками (или генами) и проведение которых должно осуществляться на основе добровольности.

Из мер отрицательной евгеники, направленных на освобождение человечества от неблагоприятных наследственных задатков, Ю.А. Филипченко выделил лишь ограничение брачности и

деторождения для “явно дефективных элементов”. Упоминание об этом содержится в пункте 5б программы и в ее обосновании [72. С. 93]. К этому пункту программы мы вернемся ниже.

Итак, во главу угла евгенической программы Ю.А. Филипченко поставлена интеллигенция. Это та социальная прослойка, которая является носителем наиболее ценных наследственных задатков. Они определяют творческую активность и прогресс общества во всех сферах его деятельности, начиная от космических проблем и кончая балетом. Они же, или точнее сказать, наиболее ценные и редкие комбинации наследственных задатков, случайно возникающие в особо удачных с рассматриваемой точки зрения браков, приводят к рождению высоко одаренных людей, составляющих центральный ступок интеллигенции – таланты.

Для того, чтобы концентрация полезных генов в среде интеллигенции не только не угрожала падением, но и прогрессивно увеличивалась, необходимы поощрительные меры для увеличения рождаемости как всего населения в целом, так и особенно интеллигенции, воспроизводящая активность которой падает.

Попутно нельзя не заметить, что опасения Ю.А. Филипченко о падении рождаемости в стране оправдались: за годы, прошедшие после опубликованной статьи “Интеллигенция и таланты” (1925 г.), она упала с 44,0 до 17,0‰, а прирост населения – с 23,7 до 8,9‰ (табл. 1) [145]. По обоим этим показателям интеллигенция стоит на последнем месте.

* * *

Обратимся теперь к интеллигенции. Что касается ее генезиса и постоянного обновления в результате притока в нее наиболее способных представителей из других классов и оттока, или возврата в них менее одаренной части интеллигенции, то с поправками на некоторые привходящие факторы (семейные традиции, элемент случайности и т.д.) с этим тезисом программы безусловно нельзя не согласиться. В самых общих чертах этот тезис основывается на правильных теоретических предпосылках; они были справедливы как во время опубликования рассматриваемой программы, так сохраняют свою силу и сейчас, и на доказательстве этого положения едва ли нужно останавливаться.

Несомненно, слабее тот пункт программы, в котором Ю.А. Филипченко говорил о государственных мерах поощрения рождаемости интеллигенции. Да и самому автору практическое осуществление этого пункта по-видимому было неясно.

Одна лишь экономическая сторона проблемы рождаемости и применительно к интеллигенции не играет главной роли. В са-

мом деле, во все времена, за исключением войн и других социальных потрясений, интеллигенция любой страны находилась и находится в более благоприятных материальных условиях по сравнению с подавляющим большинством населения. Тем не менее, ее рождаемость оказывается самой низкой. И вообще проблема воспроизводства народонаселения гораздо более сложна и не сводится только к материальной помощи со стороны государства.

При рассмотрении тех оснований, которые побудили Ю.А. Филипченко говорить о государственных мерах поощрения рождаемости интеллигенции, нельзя отрешиться также от трудного в те годы положения в отношении снабжения населения продуктами питания. Понятно, что в первые послереволюционные годы в трудном положении находилось все городское население, но интеллигенция по причине своей непрактичности была едва ли не в наихудших условиях. Отчасти это нашло отражение в статье Ю.А. Филипченко “Наши выдающиеся ученые” [48]. В ней говорится, что по инициативе В.И. Ленина “В декабре 1921 г. при Комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) было организовано особое совещание из ряда специалистов для разделения всех петербургских ученых на пять групп по выдаче им так называемого дополнительного обеспечения”. Не исключено, что продовольственные трудности первых лет советского государства отразились на содержании рассматриваемого пункта его евгенической программы.

Тезису Ю.А. Филипченко о государственных мерах поощрения рождаемости интеллигенции под пером не в меру усердных его критиков был придан смысл “человеководства” со всеми вытекающими для того времени выводами. Между тем сам Филипченко не давал никаких поводов для таких кривотолков. Вот что он писал по этому вопросу: “Самая мысль о внесении в это дело (размножение человечества. – *Н.М.*) какого-либо принудительного начала, о каком-либо насильственном подборе желательных элементов и устранении (насильственным же путем) нежелательных должна быть раз и навсегда совершенно оставлена – прежде всего в интересах распространения евгенических идей” [45. С. 24].

Обратимся теперь к третьему и наиболее важному пункту программы, в которой речь идет о необходимости устранения тех барьеров, которые в дореволюционной России препятствовали пополнению рядов интеллигенции из других классов, кроме дворянства. Опасения Ю.А. Филипченко в недостаточных темпах формирования рядовой интеллигенции в новых социальных условиях оказались лишены оснований. Трудно сказать, как он

представлял себе будущее развитие социалистического общества и государственности, а тем более, искать какую-либо связь между одним из пунктов Конституции Советского Союза – правом каждого гражданина на образование – и пунктом 5а евгенической программы Филипченко. В данной связи важно отметить, что по своей эффективности пункт 5а не только во много раз перекрыл пункт 5в при самом оптимальном его осуществлении, но и полностью лишил его какого-либо смысла.

В настоящее время, кроме среднего образования, которое в текущей пятилетке станет общеобязательным, в стране существуют 4125 средних специальных и 813 высших учебных заведений, в числе которых 58 университетов, 83 медицинских института и 8 медицинских факультетов в составе университетов и т.д.¹⁰ Если к тому же учесть, что большинство вузов и средних учебных заведений имеют свои филиалы, вечерние и заочные факультеты и подготовительные отделения, то приведенные цифры нужно, по меньшей мере, удвоить.

Столь разветвленная сеть учебных заведений создала предпосылки для того, что по подготовке специалистов Советский Союз давно и прочно занял первое место в мире. Да и само понятие “интеллигенция” за это время расширилось и трансформировалось настолько, что сейчас стало почти невозможно провести границу между профессиями интеллигентными и неинтеллигентными. И со временем этот процесс пойдет все шире и глубже.

* * *

Выше было отмечено, что Ю.А. Филипченко не исключал возможности ограничения детности в отношении неполноценных членов общества и даже борьбы с ней [45, 72], и этот пункт при желании также мог быть и на самом деле был понят превратно. Однако уже приведенная выше цитата свидетельствует, что и в этом вопросе он занимал умеренную, разумную позицию, основывающуюся исключительно на принципе добровольности. Так в брошюре “Что такое евгеника” [45] он писал:

“Каждое человеческое существо имеет право на свою долю личного счастья, но не каждый имеет право быть отцом или матерью. Эта точка зрения иногда вызывает сильный протест, но это объясняется только нашим недостаточным знакомством с законами наследственности.

¹⁰ Цифры взяты из Справочников для поступающих в высшие и средние учебные заведения за 1973 и 1974 гг. М.: “Высшая школа”. 1973 и 1974.

В самом деле, половая жизнь каждого человека, его размножение – это та область, вмешательство в которую другого лица невозможно, и где хозяином каждый является сам. С другой стороны, кто добровольно пойдет на то, чтобы его ребенок был жалким калекой, уродом, душевнобольным и т.п., если он только твердо знает, что именно так и будет и при известном стечении обстоятельств этого нельзя избежать. Если же евгенические идеи получают достаточно широкое распространение, если они получают широкий доступ в школу, где складывается мировоззрение каждого человека, то отношение к этим вопросам станет иным, и можно надеяться, что человечество выработает совершенно сознательно ряд обязательных для себя законов в этой области без применения каких-либо суровых мер.

Повторяем: важно знать, а всякое знание неизбежно даст плоды, так что в области евгеники все дело сводится к знанию и к распространению этого знания” (С. 26, 27; курсив Ю.Ф.).

Со времени опубликования евгенической программы [72] прошло более 50 лет. В этой связи поучительно сопоставить то, о чем писал Филипченко, с тем, к чему мы пришли сегодня. Нижеследующее представляет собой краткое изложение двух приказов министра здравоохранения СССР об организации в стране медико-генетических отделений, или консультативных кабинетов по медицинской генетике.

Один из приказов (№ 261 от 30 марта 1967 г.) предписывал организацию в Москве и Ленинграде пяти медико-генетических отделений. Однако уже вскоре после опубликования приказа жизнь потребовала придать ему гораздо более широкий смысл и сферу приложения и через два с половиной года министр здравоохранения СССР издал второй приказ (№ 813 от 6 ноября 1969 г.), сущность которого сводилась к следующему.

1. В целях улучшения медицинской помощи больным с наследственными заболеваниями и их профилактики, а также для разработки принципов дальнейшего совершенствования этого вида помощи во всех союзных республиках организовать в 1970–1971 гг. консультативные кабинеты по медицинской генетике, основными задачами которых являются:

а) оказание консультативной помощи врачам в вопросах диагностики, профилактики и лечения наследственных болезней;

б) оказание консультативной помощи населению в вопросе о степени вероятности появления у потомства наследственных заболеваний.

2. В соответствии с основными задачами персонал консультативных кабинетов:

- а) консультирует больных, направляемых врачами лечебно-профилактических учреждений;
- б) дает консультации врачам по вопросам своей компетенции;
- в) консультирует население, в первую очередь из числа больных наследственными заболеваниями, по вопросам вероятности появления у потомства наследственных заболеваний;
- г) проводит мероприятия по повышению знаний врачей в вопросах медицинской генетики;
- д) проводит цитогенетические, биохимические, иммунологические и другие исследования, необходимые для диагностики наследственных заболеваний.

3. Перечень медицинских специальностей, по которым производится специализация и усовершенствование в медицинских институтах усовершенствования врачей, дополнить двумя следующими:

- 68а – медицинская генетика,
- 68б – лабораторная диагностика наследственных заболеваний.

4. Консультативные кабинеты по медицинской генетике организовать в составе республиканских (краевых, областных) больниц в следующем числе:

РСФСР	5	Латвийская ССР	1
Азербайджанская ССР	1	Молдавская ССР	1
Армянская ССР	1	Таджикская ССР	1
Белорусская ССР	1	Туркменская ССР	1
Грузинская ССР	1	Узбекская ССР	1
Казахская ССР	1	Украинская ССР	2
Киргизская ССР	1	Эстонская ССР	1
Литовская ССР	1		

К сказанному остается добавить очень немного. Как следует из текста приказа, консультативные кабинеты на основании генеалогических и анамнестических данных определяют лишь вероятность (степень риска) появления у данных супругов неполноценного потомства, предоставляя им самим принимать то или иное решение в каждом конкретном случае. Обращение к консультативным кабинетам является делом исключительно добровольным [151]. Эти принципы, положенные в основу деятельности консультативных кабинетов, соответствуют тем идеям, которые последовательно проводил в своих трудах Ю.А. Филипченко.

Более чем вероятно, что за указанный, очень краткий промежуток времени, еще не все предусмотренные приказом консультативные кабинеты открыты и укомплектованы высоко компетентными специалистами – длительный застой в подготовке

генетических кадров еще долго будет сказываться в частности и на этом важном участке медицины.

Таким образом, не должно быть серьезных возражений против евгенической программы Ю.А. Филипченко в том виде, в каком она была сформулирована ее автором, за вычетом единственного и ныне утратившего значение пункта о государственных мерах поощрения рождаемости интеллигенции. Из того комплекса вопросов положительной и отрицательной евгеники, о которых читатель мог составить представление на основе всего вышесказанного, в настоящее время, по-видимому, всеобщее признание нашел лишь тот раздел, который получил название “медицинской генетики”. Необходимо также учесть, что во времена Филипченко генетика человека делала лишь первые робкие шаги и медицинской генетики не существовало – она возникла уже после второй мировой войны, в связи с новейшими успехами генетики вообще и, в частности, – антропогенетики. Одновременно и параллельно с успехами последней наметилась определенно выраженная тенденция – отход от самого термина “евгеника” как естественная и закономерная реакция на неисчислимы страдания и жертвы, причиненные германским фашизмом в недавнем прошлом, и как недвусмысленное предостережение против расовых концепций современности.

Однако с исторической точки зрения было бы неправомочно ставить Ю.А. Филипченко в вину его евгенические идеи только потому, что он ставил их на обсуждение и не в последнюю очередь также и потому, что самые реакционные из них и много позднее были взяты на идеологическое вооружение фашизма. В его время евгеника была единственной платформой для обсуждения всего комплекса относящихся сюда вопросов, не говоря уже о том, что свое отношение к ним, как то было показано выше, он сформулировал достаточно четко и за много лет вперед предвосхитил то положение, к которому медицинская генетика пришла в наши дни.

* * *

Статья Ю.А. Филипченко “Интеллигенция и таланты” была последней в цикле его трудов по евгенике и наследственности у человека. В широкой прессе эти труды Ю.А. Филипченко с самого начала были встречены недружелюбно, и их критика зачастую носила ярко выраженную политическую направленность. Поэтому после упомянутой статьи он больше ничего на эти темы не публиковал, а в личных беседах неоднократно сетовал, что его выступления по этим вопросам в печати и с кафедры доставили

ему одни неприятности. По той же причине еще раньше 1925 г. он начал свои исследования по генетике пшениц, а с 1926 г. – и с сельскохозяйственными животными.

Под этим углом зрения следует понимать переименования “Известий Бюро по евгенике” в “Известия Бюро по генетике”. Они отражали коренную перестройку научно-исследовательской работы Бюро и Лаборатории генетики АН СССР, не раз подвергавшуюся обсуждению на лабораторных конференциях.

* * *

И еще одна сторона, касающаяся понятия самого термина “евгеника”. Обсуждению может подлежать лишь вопрос о том, по-прежнему ли называть этот раздел науки евгеникой или предпочтение следует отдать медицинской генетике, социальной гигиене и т.д.?

Здесь возможны разные точки зрения. Лично автор предпочитает оставаться на старых терминологических позициях, прежде всего потому, что понятия “евгеника”, “медицинская генетика” и “социальная гигиена” – неравноценны по своему содержанию, что отчасти было видно из предыдущего. Что же касается отрицательного отношения к термину “евгеника” на том лишь единственном основании, что в прошлом этот раздел науки был неоднократно скомпрометирован расистскими идеологами, то этот довод не только лишен основания, но, напротив, говорит в пользу евгеники.

В этой связи поучительно сослаться на статью философа Р. Петропавловского [147]. В ней он подверг справедливой критике несостоятельность теоретических рассуждений своего оппонента А. Нейфаха [146], в которой автор нарисовал соблазнительную картину выведения одаренных людей-близнецов путем пересадки ядер из соматических клеток одаренных доноров в женские яйца с последующим введением их в матку для дальнейшего развития. В своей статье Р. Петропавловский сделал полезное дело еще и потому, что статья А. Нейфаха опубликована в одном из весьма распространенных изданий, в какой-то мере влияющих на общественное мнение по данному вопросу.

Однако Р. Петропавловский настолько же не прав и даже не оригинален в резком противопоставлении медицинской генетики и евгеники, приписав последней все те же “смертные грехи”, которые, в частности со стороны философов, мы слышим почти 50 лет.

Кроме того, и это главное, Р. Петропавловский не убедителен в том, что медицинская генетика, за которую он ратует,

будет навсегда застрахована от притязаний на нее со стороны расистских идеологов – им-то ведь все равно, что фальсифицировать, и названия для них не имеют значения. Да и сам Р. Петропавловский впал в ту же самую ошибку. Да простит нам А. Нейфах упоминание его имени в данной связи, но ведь сам-то он, А. Нейфах, рисует свою “увлекательную картину” в рамках или биологии развития, или именно медицинской генетики, а евгенику как таковую он даже не упоминает. Спрашивается, какие были у Р. Петропавловского основания приписывать “смертные грехи” евгенике, когда речь о них шла в рамках медицинской генетики? Все это напоминает одну детскую сказку, в которой есть такая фраза: “метил в ворону, а попал в корову”.

С точки зрения автора лучше придерживаться того мнения, что испытанное идеологическое оружие – пусть даже со следами своего несовершенства – надежнее неиспытанного, но свободно от тех же самых недостатков. Выражаясь языком иммунологическим, можно сказать, что генетики к термину “евгеника” сенсibilизированы настолько, что при одном его упоминании в сознании возникает не только определенная научная концепция, но и целая галерея лиц, так или иначе пытавшихся за всю историю ее существования как ее развивать, так и дискредитировать.

Гуманные принципы евгеники всегда были предметом пристального внимания не только советских биологов – борьба за них находила и находит широкий отклик среди всех прогрессивных зарубежных генетиков. Мировая наука навсегда будет признательна Г. Мёллеру за его исследования по трансмутирующему влиянию рентгеновских лучей [164]. Тем не менее, даже его огромный международный авторитет не избавил от горькой для него, но справедливой критики его идеи выведения высокоодаренных людей путем искусственного оплодотворения женщин спермой выдающихся представителей – слишком расплывчаты и шатки в основе этой идеи теоретические предпосылки и столь же опасны были бы последствия этого социального эксперимента.

Наконец, о том же говорит история науки. Дарвинизм подвергался многократным извращениям – грубым и тонким, открытым и завуалированным. Но от этого он нисколько не пострадал. То же самое можно сказать и о евгенике с той существенной разницей, что сколь бы мало ни было ее значение в настоящее время, ей, несомненно, принадлежит большое будущее.

Исследования по генетике пшениц

Основой сельскохозяйственной науки, связанной с производством продуктов питания, с давних пор была селекция животных и растений на фоне соответствующих агротехнических и зоотехнических мероприятий. Как показывает ее название, руководящий принцип селекции предельно прост: отбирай на племя и на семена только самое лучшее, самое ценное с хозяйственной точки зрения и безжалостно бракуй все то, что не удовлетворяет этому критерию. Руководствуясь этим правилом, зарубежные и отечественные селекционеры и зоотехники XIX и начала XX в. вывели много рекордных для своего времени высокопродуктивных сортов растений и пород сельскохозяйственных животных еще задолго до того, как стали известны законы, управляющие наследованием разнообразных особенностей животных и растений и в том числе тех, которые определяют их практическую ценность.

Однако, если основной селекционный принцип настолько же прост, насколько и универсален, то этого нельзя было сказать о конкретных методах его осуществления в практической работе. В отношении таких критериев, как оценка исходного материала для селекции, всестороннее выявление относительной значимости многочисленных слагаемых продуктивности сортов растений и пород животных, темпы и методы их закрепления в последующих поколениях, роль агрофона в растениеводстве и условий содержания сельскохозяйственных животных в племенном и промышленном скотоводстве и многих других вопросов, практические работники того периода стояли на разных, а порой и прямо противоположных точках зрения.

Кроме упомянутых научных и научно-технических подходов к селекционно-племенному делу в целом, их многообразию немало способствовал также весь комплекс условий частно-капиталистического производства дореволюционной России, а именно развитие промышленности и тесно связанный с ней меняющийся спрос рынка, специализация сельского хозяйства по видам продукции, проникновение на внутренний рынок продуктов сельскохозяйственного производства из-за рубежа и возникающая на

этой почве конкуренция и многие другие факторы. Наконец, успех любого в этой области мероприятия во многом зависел от масштабов селекционной работы и соответствующих им условий, т.е. в конечном счете от его финансовой обеспеченности.

В начале XX в. в селекционное и племенное дело постепенно стали проникать идеи и методы генетики. Однако их практическое применение уже с первых шагов натолкнулось на трудности двоякого рода.

Одни из них были обусловлены особенностями самих методов генетического анализа. Уже вскоре после их применения в сельскохозяйственной науке, главным образом в странах Запада, выяснилось, что подавляющее большинство хозяйственно-полезных особенностей растений и животных: урожайность, молочность, шерстные качества и многие другие аналогичные признаки – зависит в своем проявлении от наличия многих сходных по своему действию факторов, или генов. Поэтому наблюдающиеся при расщеплении таких признаков числовые соотношения особей разного генотипического состава гораздо более сложны и не похожи на те простые менделевские отношения, по которым расщепляются, например, масти у животных, окраска цветков у растений и т.д. Соответственно с этим анализ гибридного потомства, расщепляющегося по нескольким или даже многим однозначно действующим генам, имел смысл и приобретал решающее значение только в том случае, если от каждой пары родителей получено достаточно большое число потомков.

Другое методическое условие заключается в том, что для успеха любого селекционного опыта гибридное потомство каждой пары родителей прежде всего должно быть проанализировано отдельно, без смешения результатов этого анализа с таковыми гибридных потомств других родительских пар и т.д. Понятно, что по отношению к сельскохозяйственным животным с весьма малым числом потомков оба эти ограничения можно преодолеть лишь до известной степени и не иначе как в результате коренной перестройки всей племенной работы в целом. В несколько меньшей степени эти ограничения распространились и на селекцию растений.

Необходимо также иметь в виду, что лишь очень немногие растениеводы и животноводы тех лет могли квалифицированно преломить идеи и методы генетики в своей научно-практической работе. Большинство же вообще считало, что решающие успехи могут быть достигнуты на основе высокого агрофона возделываемых растений и улучшенных условий содержания сельскохозяйственных животных, т.е. без всестороннего учета их наследственных особенностей.

Другая причина, затормозившая применение генетических методов в селекции животных и растений, явилась следствием дискуссии вокруг проблемы ламаркизма. В дореволюционной России, равно как и в других европейских странах, не было недостатка в сторонниках веры в унаследование приобретенных признаков. Однако, если отношение к ламаркизму было в те годы делом личных убеждений самих авторов, то по мере развития дискуссии и выяснения исходных точек зрения сторон он (ламаркизм) постепенно приобрел обязательный характер. Естественно, что эти новые веяния в биологии вызвали соответствующий резонанс в среде селекционеров и зоотехников. В результате генетические методы работы и весь комплекс селекционно-генетических мероприятий в растениеводстве и животноводстве были отодвинуты на задний план [123]. Таково в общих чертах было положение в биологической науке, когда Ю.А. Филипченко проводил исследования по генетике пшениц.

* * *

В то же самое время перед молодой советской республикой стоял целый ряд вопросов первостепенной важности, и среди них продовольственная проблема занимала одно из первых мест. Необходимо было не только как можно скорее восстановить подорванное войной производство продуктов питания, но и поставить сельскохозяйственную науку на новые научно-организационные основы. В этих условиях одним из первых советских генетиков, принявших активное участие в решении продовольственной проблемы страны, был Ю.А. Филипченко. Сын ученого-агронома из Орловской губернии, в совершенстве владевший методами селекционно-генетического и вариационно-статистического анализов, Филипченко отчетливо представлял далеко не все использованные возможности работы в этом направлении. Цель начатых им исследований с пшеницами как основной производственной культурой он сформулировал в следующих строках:

“Значение генетики для каждого, занимающегося разведением животных и растений, является в настоящее время азбучной истиной. Едва ли можно рассчитывать получить новые нужные нам культурные формы без учета данных современной генетики. Очевидно каждый, предполагающий работать в данном направлении с пшеницей или с другими возделываемыми злаками, должен прежде всего изучить литературу по частной генетике этих форм, а затем уже надеяться овладеть их формообразованием.

И вот такое лицо обращается к литературным данным по генетике, скажем пшеницы, овса или ячменя, но что же он находит в них? По большей части только данные о наследовании окраски, остистости, опушенности и тому подобных признаках, которые расщепляются чрезвычайно просто – в отношении 3 : 1 или как-нибудь в этом роде. Между тем нашему селекционеру нужно исследовать ранне- или позднеспелость или иную хозяйственно-важную особенность, наследование которой протекает гораздо сложнее. Если настоящая книга несколько поможет последующим работникам в деле овладения формообразованием у наших культурных форм, то весьма интенсивная работа в течение семи лет, потраченных мной на эти исследования (1924–1930 гг.), не окажется напрасной”.

Эти строки заимствованы из предисловия Ю.А. Филипченко к его книге “Генетика мягких пшениц” [118]. В них с характерной для автора четкостью сформулированы цели этого большого исследования. Он имел в виду провести тщательный генетический анализ хозяйственно-полезных особенностей исходных форм (сортов) пшеницы как исходного материала для селекции и разработать соответствующие рекомендации для выведения новых сортов путем сознательного подбора пар для гибридизации и последующей селекции.

На выбор объекта для селекционно-генетических опытов Филипченко бесспорное влияние оказали классические исследования Х. Нильсона-Эле [165, 166] и других авторов, незадолго до того показавших, что количественные признаки, т.е. признаки, которые можно выразить в единицах длины, массы и т.д. и которые определяют большинство хозяйственно-полезных особенностей растений и животных, наследуются по типу множественных, однозначно действующих генов.

Тому, несомненно, способствовала также перспектива ежегодно выращивать и исследовать одно поколение растений, что невыполнимо в опытах с зоологическими объектами и тем более с крупными сельскохозяйственными животными. Именно поэтому Ю.А. Филипченко, будучи зоологом по образованию, переключился на ботанический объект – пшеницу, играющую главную роль в решении продовольственной проблемы страны.

В качестве исходного материала для опытов Филипченко взял 12 форм, или разновидностей, мягких пшениц с одинаковым числом хромосом ($2n = 42$) и потому свободно скрещивающихся друг с другом (табл. 2.). Все они были получены от Н.И. Вавилова, В.Е. Писарева и К.А. Фляксбергера из Всесоюзного института ботаники и прикладных культур.

Исходные формы мягких пшениц

Вид	Форма	Линия
<i>Triticum vulgare</i> Vill. var.	<i>Ferrugineum rossicum</i>	916/4
	<i>Ferrugineum rossicum</i>	81/4
	<i>Ferrugineum sibiricum</i>	93A/013
	<i>Erythrospermum irtutianum</i>	29B/06
	<i>Pseudo-Hostianum</i> , "Aurora"	944
	<i>Pseudo-Hostianum</i> , "Prelude"	332/10
	<i>Graecum</i> , "Preston"	70B/8
	<i>Lutescens</i> , "Marquis"	331/17
	<i>Milturum khogotense</i>	108/14
<i>Triticum compactum</i> Host. var.	<i>Creticum</i>	318/1
<i>Triticum spelta</i> L. var.	<i>Arduini</i>	439/6539
	<i>Duhamelionum</i>	435/6535

С 1925 по 1929 г. эти растения как контрольный материал ежегодно высевались на опытном поле Петергофского института – каждая разновидность в виде 2–3 чистых линий, заложенных уже самим автором. Результаты измерений по каждой линии сравнивали, и отсутствие между ними различий говорило о чистоте исходных форм. Поэтому в окончательные характеристики каждой исходной формы входили суммарные результаты, т.е. без подразбивки их по линиям, заложенным самим автором. Кроме того, посева некоторых исходных форм, а также полученные от их скрещивания гибриды, характеризовавшиеся сравнительной позднеспелостью, в 1926 г. были сдублированы в Отраде Кубанской, а в 1927 и 1928 гг. – в Мардакянах (близ Баку). В 1929 и 1930 гг. все пшеницы были выращены в Петергофе.

По результатам контрольных проб из урожая 1923 г. было принято для каждой линии исследовать по 50 сухих растений, а с каждого растения брать по два наиболее развитых стебля и колоса. Из полученных двух измерений выводили среднее значение, которое принимали характеризующим каждое отдельное растение. Перечень принятых измерений и взвешиваний приведен в табл. 3.

Другая еще более обширная часть исследования заключалась в сравнительном генетическом анализе более интересных 22 гибридных форм первого и последующих поколений и в выяснении их практической селекционной ценности по сравнению с

исходными формами. Перечень изученных гибридных комбинаций приведен в табл. 4.

Особого упоминания заслуживает стремление Ю.А. Филиппенко охватить опытами возможно большее число исходных форм (сортов) пшениц и учесть все мельчайшие детали планируемых исследований. Соответственно с этим кроме мягких пшениц, которым он посвятил свое основное время и внимание, аналогичное и параллельное исследование так называемых твердых пшениц ($2n = 28$) он поручил провести Т.К. Лепину [134–137], а исследование спельтоидных пшениц поручил окончившему кафедре генетики студенту Б.И. Васильеву [122].

Другая цель этого скромного по современным масштабам “комплекса” имела в виду взаимостраховку основных исполнителей на всякие непредвиденные случаи, в особенности на время полевых работ, а также расширение географии климатических зон для выращивания части селективируемых и контрольных образцов не только в Петергофе, но и на южных опытных станциях – в Отраде Кубанской и Мардакянах.

Примечательно, что столь большой объем работы был рассчитан и неукоснительно выполнялся силами трех основных исполнителей при почти таком же числе вспомогательного персонала

Таблица 3

Перечень измеряемых и взвешиваемых признаков

Признак	Индекс*
1. Длина соломины, см	
2. Число стеблей в растении	3/2
3. Длина колоса без остей, мм	4/3, 5/3, 6/3, 7/3
4. Число колосков в колосе	
5. Ширина колоса по лицевой стороне, мм	
6. Длина колоса, мм	5/6, 8/6
7. Длина ости, мм	
8. Длина чешуи без зубца, мм	9/8, 10/8
9. Ширина чешуи, мм	
10. Длина зубца, мм	
11. Длина зерна, мм	12/11
12. Ширина зерна, мм	
13. Число зерен в колосе	14/13
14. Вес зерен в колосе, г	
15. Толщина колоса по двухрядной стороне, мм	

* Числитель и знаменатель каждого индекса соответственно означают порядковые номера признаков по данной таблице.

Перечень гибридных комбинаций пшениц

Родительские формы	
Материнские растения	Отцовские растения
<i>Ferrugineum rossicum</i>	Marquis
<i>Compactum creticum</i>	Prelude
<i>Compactum creticum</i>	<i>Ferrugineum rossicum</i>
<i>Ferrugineum rossicum</i>	<i>Compactum creticum</i>
<i>Compactum creticum</i>	<i>Egythrospermum irtutianum</i>
<i>Compactum creticum</i>	Aurora
<i>Compactum creticum</i>	Marquis
Marquis	<i>Compactum creticum</i>
<i>Ferrugineum rossicum</i>	<i>Egythrospermum irtutianum</i>
<i>Ferrugineum rossicum</i>	Aurora
<i>Ferrugineum rossicum</i>	Prelude
<i>Egythrospermum irtutianum</i>	Aurora
Prelude	Aurora
Preston	Aurora
<i>Ferrugineum sibiricum</i>	<i>Egythrospermum irtutianum</i>
<i>Egythrospermum irtutianum</i>	Prelude
Marquis	<i>Egythrospermum irtutianum</i>
<i>Spelta Arduini</i>	<i>Egythrospermum irtutianum</i>
<i>Spelta Arduini</i>	Aurora
<i>Spelta Arduini</i>	Preston
<i>Spelta Arduini</i>	Marquis
<i>Spelta Arduini</i>	<i>Compactum creticum</i>

и то лишь на время полевых работ, а все грядки питомника Петергофского института не превышали 1–1,5 га.

Основной целью опытов Филиппенко был всесторонний генетический анализ количественных признаков у пшениц, в том числе и тех, которые определяют их селекционную ценность.

Это обстоятельство наложило отпечаток на все опыты и прежде всего потребовало выявления всего размаха изменчивости как исходных форм пшениц, так и их гибридов. В связи с этим в книге обстоятельному разбору подвергнуты не только основные типы изменчивости: индивидуальной, групповой, географической, сезонной и т.д., но и уделено большое внимание контролю исходных форм, который дал бы возможность отдифференцировать наследственную изменчивость от модификационной. Отсюда возникла необходимость ежегодно высевать контрольные формы не только в Петергофе, но частично и на южных опытных станциях.

Исключительно большое внимание Филипченко придавал методу индивидуального испытания потомства гибридных растений в третьем и последующих поколениях. По его мнению, без такого анализа не может обойтись ни одно генетическое исследование: все сколько-нибудь интересные растения F_2 должны подвергнуться индивидуальному анализу в F_3 ; в интересных с этой точки зрения семьях F_3 должно быть отобрано по 2–4 типичных экземпляра для такого же анализа их потомства в F_4 и т.д., пока в одном из последующих поколений не будут получены настолько четкие результаты, что анализ можно считать законченным. В подтверждение этого важного методического условия Ю.А. Филипченко приводит слова В. Иоганнсена – одного из основоположников генетики: “Там, где нет чистой культуры, нет и правильного понимания, а могут быть только путаница и ошибки”.

К той же категории методически весьма важных приемов исследования Филипченко относил так называемые сравнительные, или циклические, скрещивания. Сущность этого приема состоит в сравнительном изучении гибридов всех возможных скрещиваний пшениц в пределах определенной систематической группы. Он позволяет не только уберечься от некоторых ошибок, неизбежных в единичных скрещиваниях образцов, но и проникнуть гораздо глубже в сущность генетического сходства или различий между исследуемыми формами. Многое из того, что остается неясным в первом случае, приобретает гораздо более полное освещение и смысл во втором. Впервые циклические скрещивания были применены Н.И. Вавиловым и О.В. Якушкиной [121] для анализа филогенетических отношений пшениц в пределах рода *Triticum persicum*. Ю.А. Филипченко использовал этот прием для анализа количественных признаков мягких пшениц. Системы таких циклических скрещиваний он осуществил в пределах трех групп, взятых для исследования форм, а именно *Triticum vulgare*, *Triticum compactum* и *Triticum spelta*.

Одной из наиболее ярких особенностей стиля работы Филипченко, несомненно обостренной его работой по составлению учебников по наследственности, изменчивости, частной генетике растений и животных и т.д., было его неизменно пристальное внимание к тщательной документации экспериментальных данных любого исследования и в том числе своего собственного. В данной связи мы приведем только одну деталь, характерную для его стиля работы и имевшую непосредственное отношение к его опытам с пшеницами: все бесчисленные измерения растений урожаев 1923–1926 гг., взвешивания зерен и т.д. выполнены им самим – одно из условий опыта, которому он придавал важное

значение с точки зрения получения сравнимых результатов. Только с 1927 г., когда объем работы, особенно за счет гибридных растений, разросся настолько, что справиться с ней одному стало невозможно, он привлек на помощь студентку старшего курса Н.Я. Федорову, поручив ей (после контрольной сверки своих и ее измерений) обработку всех гибридных растений. Однако и здесь наиболее ответственные признаки он по-прежнему измерял сам.

Уже в процессе работы некоторые промеры оказалось возможным исключить и вместо них ввести вычисление ряда относительных величин, или индексов (см. табл. 3). Филипченко рекомендовал пользоваться этим методом лишь в тех относительно редких случаях, когда оба сравниваемых признака связаны тесной положительной корреляцией и их изменчивость под влиянием внешних условий приблизительно одинакова. Во всех других случаях метод индексов, по его мнению, может повести лишь к путанице и ошибкам.

Цифровые значения измерений и взвешиваний или соответствующих индексов подвергали статистической обработке. Для этого их сводили в вариационные ряды, и для каждого из них были вычислены следующие константы: средняя величина и ее средняя ошибка ($M \pm m$), квадратическое отклонение (σ) и коэффициент изменчивости (C). Корреляционную зависимость признаков в нужных случаях определяли вычислением коэффициента корреляции и его средней ошибки ($r \pm mr$). По приблизительным подсчетам, которыми мы не будем утруждать читателей, общее количество технических манипуляций, выполненных на протяжении семилетних опытов, исчисляется миллионами – таковы были масштабы этого исследования. Вспомним также, что логарифмическая линейка была единственным в те годы прибором, облегчавшим обработку статистических данных.

Но это только одно слагаемое всей технической работы: всю массу растений надо было вырастить, для чего нужно было вовремя посеять семена, кастрировать и опылить нужные цветки и накрыть их изоляторами, собрать урожай и уберечь его от мышей, а затем переправить в Ленинград для камеральной обработки. И не проходило ни одного дня, чтобы Юрий Александрович не был на грядках питомника, не было ни одного образца семян, посеянного и убранного в его отсутствие, не говоря уже о кастрации цветков и их последующем опылении. Последняя, совершенно неуправляемая операция доставляла ему особенно много хлопот – в условиях капризной ленинградской погоды приходилось ловить каждый солнечный день и час, когда созревшие пыльники трескались и сухая пыльца становилась пригодной для нанесения на рыльца кастрированных цветков.

Обратимся теперь к результатам опытов Ю.А. Филипченко с пшеницами, в которых широкий теоретический замысел сочетался с решением важной народнохозяйственной задачи. Наша задача упрощается тем, что результаты этих опытов подытожены самим автором в уже цитированной выше монографии “Генетика мягких пшениц” [118].

История возникновения этой книги – тоже своего рода недописанная страница автобиографии Ю.А. Филипченко по-своему поучительна. Верный своей привычке ничего не откладывать в долгий ящик и предполагая в ближайшем будущем начать исследования по генетике сельскохозяйственных животных в ВАСХНИЛе, куда пригласил его Н.И. Вавилов, Юрий Александрович начал приводить в систему результаты своих опытов с пшеницами заблаговременно и первые шесть глав книги написал еще в начале 1930 г. В незаконченные четыре главы книги оставалось внести данные о гибридах последнего, пятого поколения, которые после уборки урожая должны были быть обработаны осенью 1930 г. Эти главы были закончены Т.К. Лепиным, который проводил аналогичные исследования с твердыми пшеницами и был в курсе всех идей и опытов Ю.А. Филипченко. Ему же мы обязаны подготовкой и сдачей рукописи в печать. Книга увидела свет в 1934 г. – через четыре года после смерти Ю.А. Филипченко.

В книге “Генетика мягких пшениц” десять глав: 1 – Литературные данные по генетике мягких пшениц; 2 – Материал и методы исследования; 3 – Изменчивость исходных форм; 4 – Источники возможных ошибок; 5 – Наследование формы колоса в пределах настоящих мягких пшениц; 6 – Наследование формы колоса при скрещиваниях с карликовой пшеницей; 7 – Наследование формы колоса при скрещивании со спельтой; 8 – Гены и развитие формы колоса у пшениц; 9 – Наследование формы чешуи и зерна; 10 – Некоторые выводы общего и практического характера. Текст содержит 64 таблицы и 45 рисунков.

“Генетика мягких пшениц”, как книга очень специальная, была адресована узкому кругу лиц – специалистам-селекционерам. Для них даже сравнительно подробного комментирования содержащихся в ней материалов будет здесь недостаточно – они, несомненно, обратятся к оригиналу, если эти строки возбудят у них интерес к исследованию в целом. Для другой и, пожалуй, большей части читателей настоящий очерк представляет интерес главным образом с исторической точки зрения. Поэтому в дополнение к подробно изложенной выше методической стороне

исследования, которая имеет большой самостоятельный интерес, ограничимся теми основными выводами, которые сформулированы на конечном этапе исследования.

Гибридологический анализ проведен по признакам длины колоса, числа колосков в колосе, ширины и толщины колоса, длины и ширины чешуи и зерна. Все эти признаки связаны с урожайностью растений. На основании результатов исследования автор вскрыл большую сложность генетической обусловленности изученных им особенностей колоса у пшениц и пришел к заключению, что в развитии формы колоса участвуют не менее 22 пар генов. По своему действию они распадаются на три основные группы:

I группа – наиболее сильные гены *C* (компактности колоса) и *S* – (спельдоидности).

II группа – три гена – удлинители колоса (L_1, L_2, L_3) и пять генов-модификаторов. Ген L_1 свойствен европейским пшеницам, L_2 – пшеницам индийского происхождения, L_3 – восточносибирским или монгольским пшеницам.

По своему влиянию на число колосков и длину колоса гены-удлинители, по-видимому, не равноценны, как это обычно принимается для однозначных генов, и их суммарное влияние на эти признаки не является результатом механического, или арифметического, сложения, а представляет более сложную взаимодействующую систему.

III группа объединяет 12 самых слабых по своему действию генов, которое становится заметным лишь в отсутствие генов *C* и *S* и генов-удлинителей колоса, особенно наиболее сильного из них гена L_1 . Гены этой группы обуславливают булавовидную и компрессовидную формы колоса.

Для признаков формы и длины чешуи и зерна также установлен ряд генов, не одинаковых по своему действию.

Одни из них оказывают усиливающее влияние на проявление признаков, будучи в доминантном состоянии, другие – в рецессивном.

В заключение приведем последний абзац из книги “Генетика мягких пшениц”, в котором речь идет о выделенных автором новых перспективных формах пшениц.

“Необходимо здесь еще раз отметить, что в процессе настоящей работы – чисто теоретической по замыслу – получен целый ряд константных новых форм пшеницы, обладающих высокими качествами. Эти формы обещают быть ценными для селекции и явятся, по всей вероятности, конкурентами лучших селекционных сортов. В настоящее время эти формы находятся на стадии дальнейшего испытания и размножения. Однако теперь уже

можно сказать, что некоторые из этих форм, отличаясь скоро-спелостью, превосходят по своим признакам колоса и соломины селекционные сорта, избранные для нашего северного района; другие сорта будут, по всей вероятности, не менее подходящими для более южных областей” (С. 247).

Здесь уместно также привести примечание Т.К. Лепина к рассматриваемой книге, внесенное им уже в корректуру:

“За три года, прошедшие после написания этих строк (в них Ю.А. Филипченко обращал внимание на то, что помимо ранне-спелости сверх-Прелюдка, как рецессивная форма, гомозиготная не менее, чем по 17 парам генов, представляла исключительную ценность для аналитических скрещиваний ее с теми формами пшениц, у которых соответствующие признаки определяются доминантными аллелями этих генов. – *Н.М.*), Extra-Prelude подвергалась дальнейшему испытанию для определения ее практического значения. Данные за эти годы выявили пригодность Прелюдки в культуре на севере. Скороспелость Extra-Prelude, превосходящая все известные скороспелые сорта на неделю, позволяет продвинуть ее в культуру далеко на север, вплоть до Полярного круга (в 1932 г. она была высеяна и созрела в Хибинах). Несмотря на мелкий колос, Extra-Prelude показывает удовлетворительную урожайность, имеет хорошее зерно. Мукомольные и хлебопекарные качества ее средние (С. 77)”.

Какова дальнейшая судьба полученных Ю.А. Филипченко новых перспективных форм, которым оставалось пройти заключительный этап для того, чтобы получить паспорта сортов? В дополнение к тому, что было сказано выше, со слов Т.К. Лепина, ныне также покойного, было известно, что одна из наиболее перспективных для Ленинградской области форм была передана в Государственную Комиссию по сортоиспытанию для апробации под названием “Петергофка”.

В Государственной Комиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур при Министерстве сельского хозяйства СССР нам показали Госкнигу, в которой значится, что сорт “Петергофка” действительно находился на испытании с 1936 по 1952 г., после чего снят с сортоиспытания. Все относящиеся сюда материалы и отчеты находятся в Государственном архиве СССР¹¹.

Таким образом единственно реальным результатом и свидетелем классического исследования Ю.А. Филипченко с пшеница-

¹¹ Позднее стало известно, что семена сорта “Петергофка” сохранились во Всесоюзном институте растениеводства им. Н.И. Вавилова в Ленинграде и часть их передана кафедре генетики и селекции Ленинградского университета.

ми осталась благодаря заботам Т.К. Лепина его книга “Генетика мягких пшениц”. Ниже мы воспроизводим заключительные строки из предисловия к этой книге, написанного Н.И. Вавиловым.

“Советская страна вступила в период величайших сдвигов в сельском хозяйстве. Селекция разворачивается ныне в невиданных масштабах как применительно к растениям, так и животным. Еще никогда не открывалось таких возможностей для практической селекции на огромных стадах, как в настоящее время. Разворачивается широкая селекционная работа по улучшению сортов растений и пород животных, по увеличению продуктивности, устойчивости к заболеваниям, скороспелости, по повышению качества. Для разворачивания огромной практической селекционной работы нужна сильная теория. В этом отношении настоящий труд Ю.А. Филипченко является исключительно своевременным. Он послужит началом к выработке необходимой нам теории селекции по созданию хозяйственно-ценных пород животных и сортов растений. Поэтому настоящую книгу можно рекомендовать каждому селекционеру, каждому генетику, работающему как с растительными, так и животными объектами” [118. С. 3].

К этим строкам, написанным 40 лет тому назад, остается добавить, что все сказанное в них остается справедливым и по сей день.

Экспедиционные исследования

Рассмотрение научных интересов Ю.А. Филипченко и его деятельности было бы неполным, если бы кратко не остановиться на организации им экспедиций по изучению животноводческих ресурсов кочевого населения Среднеазиатских республик. В своих экспериментальных исследованиях Ю.А. Филипченко неизменно следовал принципу – разрабатывать теоретические вопросы генетики и селекции на объектах, имеющих важное практическое значение.

Как уже говорилось выше, с первых дней существования перед молодой Советской республикой встали важнейшие задачи народнохозяйственного строительства, и среди них продовольственная проблема занимала одно из первых мест. В этой связи внимание Филипченко не могли не привлечь Среднеазиатские республики, необозримые горные пастбища которых самой природой предназначены для всестороннего развития животноводства. На фоне этих благоприятных условий веками существовавшая экстенсивная система кочевого скотоводства при полном отсутствии племенной работы и сведений о породном составе главнейших видов скота кочевого населения, безусловно, нуждалась в существенном улучшении.

Комплекс вопросов, которые надлежало решить в первую очередь, очень хорошо выразил Ю.А. Филипченко на специальном совещании по животноводству, которое по его инициативе было созвано в Ленинграде 12–13 декабря 1927 г. и привлекло 130 участников [103].

“Не следует забывать, – говорил Филипченко на этом совещании, – что по богатству своими породами домашних животных наш Союз занимает, вероятно, первое место среди других культурных стран не только Запада, но и Востока. Не забудем, что наши юго-восточные границы прилегают как раз к тем районам, где многие из домашних форм впервые вошли в культуру человека и где в силу этого можно ожидать ряда интереснейших и неожиданных находок. По-видимому, вообще, чем ближе мы приближаемся к тем центрам, в которых возникли известные формы, тем богаче становится многообразие относящихся к ним рас.

И в этом отношении многие части нашего Союза, особенно его восточные окраины, находятся в особо благоприятных условиях, так что едва ли можно сомневаться, что затраченные на обследования их животных средства вернутся сторицею.

Каким же путем можно возможно скорее заполнить этот пробел – наладить работу по изучению наследственности различных особенностей у наших культурных форм, конечно, не столько их чисто внешних признаков, сколько таких хозяйственно-важных, как молочность крупного рогатого скота, шерстные качества овец, живой вес свиней и т.п.?

Путь для этого возможен только один, и притом он не требует особенно больших пояснений. Это, конечно, создание специальных исследовательских институтов по генетике домашних животных, на которые должны отпускаться достаточно большие средства. Последнее необходимо особенно подчеркнуть, ибо работа с домашними животными, особенно с более крупными, дело весьма дорогое и требует затраты сравнительно больших средств, а если их не будет, и работа будет вестись на дрозофилах, мышах или растительных объектах это совсем не то, что нужно в интересах развития связи между генетикой и зоотехникой.

Мы определенно думаем, что для работы с крупным рогатым скотом и лошадьми у исследовательских институтов по генетике и зоотехнике должна быть живая связь с работой на местах, которая представлена у нас в виде областных и других опытных станций, зоотехнических ферм, конных заводов. Только этим путем можно получить целый ряд весьма ценных и важных научных данных, которые иначе бесследно пропадут для науки, как они пропадали и пропадают до сих пор.

Мы хорошо знаем все слабые стороны этого пути и все, что можно против него возразить. Однако все эти возражения имели бы в наших глазах значение, если бы мы могли вместо предлагаемого избрать иной путь.

И все же по отношению к самым крупным домашним животным путь этот является почти единственно возможным. В силу этого мы должны мириться со всеми его слабыми сторонами, если хотим сделать что-нибудь и в этом отношении.

Что касается того, кто может взяться за эту работу, то нам кажется, что там, где, как в центральных частях РСФСР, или УССР, или на Кавказе, имеется достаточное число областных опытных станций и других зоотехнических учреждений, подобные исследования не только могут, но и должны вестись ими. Иначе обстоит дело с теми членами нашего Союза вроде Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, где нет еще достаточного числа учреждений подобного типа. Здесь необходима организа-

ция специальных экспедиций из центральных учреждений” [103. С. 23, 24].

По мысли Ю.А. Филипченко, ближайшая задача планируемых экспедиций заключалась в изучении породного состава скота кочевого населения как исходного материала для последующего улучшения путем ли планомерной селекции аборигенных пород или их гибридизации с высокопродуктивными европейскими породами.

На следующем этапе работы предполагалась организация на местах опытных станций и опорных пунктов для племенной работы под наблюдением и при непосредственном участии специалистов-зоотехников и селекционеров и в том числе выпускников университета, заботу о трудоустройстве которых по прямой специальности Ю.А. Филипченко считал своим кровным делом. В этой же связи по его инициативе в программу подготовки студентов-генетиков Ленинградского университета впервые были включены два обязательных практических курса – зоотехния с основами селекции, которую читал профессор В.П. Никитин, и селекция сельскохозяйственных растений, которую читал профессор В.Е. Писарев.

По согласованию с Комиссией по изучению естественных производительных сил СССР (КЕПС; позднее Совет по изучению естественных производительных сил – СОПС АН СССР) были отпущены средства на организацию и проведение экспедиционных работ. Единый план работы и маршруты животноводственных отрядов экспедиции всесторонне обсуждались на лабораторных совещаниях.

Первый отряд в составе четырех человек выехал в Казахскую республику (по тогдашнему административному делению – в Семипалатинскую область) 27 апреля 1926 г. В последующие годы масштабы экспедиционной работы были значительно расширены.

В табл. 5 приведен перечень республик и районов, которые были обследованы в 1926–1932 гг., включая также экспедицию 1931 г. в Монгольскую Народную Республику, которая была предпринята по согласованию с монгольской Комиссией АН СССР.

Непосредственное участие в экспедиционных работах принимали преподаватели, аспиранты и студенты старших курсов Ленинградского университета (впоследствии – сотрудники Лаборатории, а затем Института генетики АН СССР с момента их организации соответственно в 1930 и 1933 г.): М.Л. Бельговский*, Н.С. Бутарин*, Б.П. Войтяцкий, Ю.Л. Горощенко, В.Ф. Денисов, Ф.Г. Добржанский, А.И. Зуйтин*, Ю.Я. Керкис*, Н.Н. Колесник, М.Е. Лобашев*, Я.Я. Лус, Н.Н. Медведев, Б.Ф. Румянцев*, В.И. Савельев*, Ф.А. Смирнов*, И.Ф. Шульженко.

Перечень экспедиций, состоявшихся в 1926–1932 гг.

Год	Республика	Район*
1926	Казахская ССР, Семиреченская область	Асинско-Чиликский, Кастекский, Илийский, Копальский, Лепсинский, Алакульский
1927	Казахская ССР, Семипалатинская область	Каркаралинский, Чингизский, Кокпектинский, Тарбагатайский, Алтайский
1928	Киргизская ССР	Тургеньский, Еарксанский, Тонский, Аксайский, Чуйский, Сонкульский, Арпинский, Таласский, Кетмень-Тюбинский, Алайский
1929	Туркменская ССР, западная часть	Джебельский, Казанджикский, Койматский, Атрекский, Каракалинский, Дойрупский
1930	Туркменская ССР, центр и восточная часть	Геоктепинский, Нухурский, Чандырский, Ходжакалинский, Модарский, Мамедьярский, Гельдабаевский, Тедженский
1931	Монгольская Народная Республика	Ульцзинский, Югодзирский, Дондобашский, Центральный, Дельгерхангайский, Ванхуренский, Аршаитский, Дархатский, Баитский, Казахский, Хотогойтский
1932	Киргизская ССР	Мясосовхозы: "Каинды", "им. Фрунзе", "Шамси"; племях крупного рогатого скота "Аламедин"; овцеводческие совхозы: "им. Ильича", "Тамчи", "Кочкорка", "Джуван-Тюбе"; овцеводческий племях "Кзыл-Октябрь"; коневодческие совхозы № 53 и 54; колхозы: "Красный Пахарь", "Заря", "им. Яковлева", "Ударник", "им. Розы Люксембург", "Профинтерн"

* Районы или очаги обследования подбирались по принципу географического, хозяйственного и этнографического однообразия и потому не в точности соответствовали их административным границам.

За помощь в составлении настоящей таблицы автор благодарен бессменным участникам почти всех экспедиций Я.Я. Лусу и Н.Н. Колеснику.

Кроме названных лиц в цитологической обработке материалов по гибридам домашних животных с дикими принимал участие профессор И.И. Соколов.

После смерти Ю.А. Филипченко все экспедиционные исследования осуществлялись под непосредственным руководством заведующего отделом животноводства Я.Я. Луса.

До 1932 г. работа животноводственных отрядов носила экспедиционный характер, т.е. сбор статистических данных о породном составе скота кочевого населения, и лишь в 1932 г. выборочно был обследован породный состав домашних животных, улучшенных путем гибридизации с европейскими и сосредоточенных к тому времени в государственных хозяйствах (см. табл. 5). За это время были измерены по единой системе и сфотографированы десятки тысяч лошадей, крупного рогатого скота, овец, яков, верблюдов, коз и маралов, собрано большое количество образцов шерсти овец и коз, в полевых условиях выполнены многочисленные анализы молока коров и овец и собрана богатая коллекция черепов домашних животных всех видов¹². Камеральная обработка собранных материалов производилась в Лаборатории генетики АН СССР в Ленинграде. Их результаты давали возможность получить полное представление о породном составе скота и наметить основные пути его улучшения.

В 1933 г. генетический отряд киргизской комплексной экспедиции в составе Б.Ф. Румянцева, Н.С. Бутарина и В.Ф. Денисова положил начало опытам по гибридизации киргизской овцы с диким высокогорным бараном – архаром. Спермой пяти убитых на охоте архаров они осемили 212 курдючных овец, от которых в следующем году родилось 79 гибридных ягнят.

В 1934 г. таким же путем было осеменено 900 курдючных и мериносовых овец. Цель этих уникальных по масштабам и значению опытов заключалась в выведении новой породы или пород овец, у которых приспособленность к высокогорным пастбищам, а также другие выгодные свойства высокогорного дикого барана сочетались бы с высокими шерстными качествами мериносов и курдючных овец.

Первое время гибриды F_1 и F_2 (от возвратных скрещиваний гибридов F_1 с мериносовыми или курдючными овцами) были сосредоточены в совхозе “Ильич” Киргизской ССР. В 1936 г. часть гибридных баранов F_1 (от скрещивания архара с мериносовыми овцами) была переброшена в Казахскую ССР, где они также повторно скрещивались с мериносовыми овцами. Таким образом, уже к концу 1936 г. число наиболее перспективных гибридов F_2 (от возвратных скрещиваний баранов F_1 с мериносами) достигло 670. Дальнейшая работа с гибридами киргизской группы была

¹² Точно учесть экспедиционную работу в настоящее время не представляется возможным потому, что не все материалы были в свое время опубликованы или опубликованы в малодоступных частично не сохранившихся трудах [140–142], а также потому, что многих участников экспедиции ко времени подготовки книги уже не было в живых. В приведенном выше перечне (с. 87) их фамилии отмечены звездочкой.

прекращена с приходом в институт Т.Д. Лысенко. В конце 1940 г. отдел животноводства был закрыт, сотрудники уволены, а заведующий отделом Я.Я. Лус переведен в Зоологический музей АН СССР в Ленинграде.

Что же касается гибридов казахской группы, то селекционно-генетическая работа с ними продолжалась уже без связи с Институтом генетики АН СССР и закончилась выведением новой породы овец – архаромериносов, которые разводятся и до настоящего времени. За доведение этой работы до конца один из учеников Юрия Александровича, Н.С. Бутарин, был удостоен Государственной премии.

Говоря о результатах экспедиционных исследований, нельзя не отметить, что они привлекли внимание не только широких кругов практических работников, но и центральных учреждений и ведомств, в связи с чем состоялись республиканские научные конференции по учету животноводственных богатств СССР, по происхождению, эволюции и пороодообразованию домашних животных и т.д. В ряде республик были подготовлены кадры специалистов и организованы базы для планомерных селекционно-генетических исследований. Однако все эти начинания не получили дальнейшего развития. Вторая половина 1930-х гг. прошла под знаком натурфилософской доктрины – ламаркизма, а все другие исследования, которые хотя бы в какой-то мере уклонялись, а тем более шли вразрез с ней, пресекались самым энергичным образом.

За годы, протекавшие после рассмотренных экспедиций, лицо Среднеазиатских республик неузнаваемо изменилось. На базе открытых богатых источников горнорудных ископаемых в них быстрыми темпами развиваются многие индустриальные отрасли промышленности, а подавляющее большинство населения перешло к оседлому образу жизни. Однако большие успехи народнохозяйственного строительства в этих республиках отнюдь не сняли с повестки дня вопроса о рациональной эксплуатации их необъятных пастбищных угодий для отгонного скотоводства. Напротив, плановость социалистического народного хозяйства в сочетании с разумным применением основ научного животноводства, несомненно, послужат важным рычагом в коренном улучшении этого раздела народного хозяйства Среднеазиатских республик.

Выступая на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования Киргизской ССР, А.Н. Косыгин сказал: “Коренные изменения произошли в ведущей отрасли сельского хозяйства республики – животноводстве. В результате роста поголовья скота Киргизия стала одним из важных животноводческих районов страны. По производству шерсти она занимает третье место в Советском Союзе” (“Известия”, 2 ноября 1974 г.).

Педагогическая и литературная деятельность

16 сентября (ст. ст.) 1913 г. ректор Санкт-Петербургского университета довел до сведения профессоров и преподавателей, что “в среду, 18 сентября, от 2 до 3 часов дня приват-доцент Ю.А. Филипченко прочтет вступительную лекцию к впервые введенному в университете курсу генетики”.

В 1917 г. Ю.А. Филипченко защитил докторскую диссертацию на тему “Изменчивость и наследственность черепа у млекопитающих” [24, 25]. Это была первая в России докторская диссертация по генетике.

В 1919 г. при Петроградском университете учреждена первая в России кафедра генетики и экспериментальной зоологии, заведующим которой был избран Ю.А. Филипченко. В 1969 г. эта кафедра отметила 50-летний юбилей своего существования.

С осени 1916 г. курс генетики был отнесен к числу рекомендуемых для студентов, избравших специальность зоологии, а с 1923 г. переведен в разряд обязательных для студентов всех специальностей биологического отделения физико-математического факультета. Этот курс Филипченко читал до своей смерти. Первое издание его учебника по наследственности было опубликовано в 1917 г. [33]. Последнее расширенное и заново переработанное, четвертое издание этого учебника вышло в свет в 1929 г. под названием “Генетика” [110].

По мере того как Филипченко все глубже знакомился с генетикой, он в силу необходимости должен был соприкоснуться с изменчивостью организмов, поскольку эти разделы науки представляют собой две стороны одного и того же явления с лежащими в их основе статистическими закономерностями. Со свойственной ему тщательностью он разобрался в математической стороне закономерностей изменчивости, и изучение отдельных ее сторон сделал доступным самым широким кругам исследователей.

Так возник и постепенно совершенствовался его учебник по изменчивости и методам ее изучения, первое издание которого было опубликовано в 1923 г. [53]. В течение последующих шести лет книга выдержала еще три издания. До выхода в свет переводного учебника по генетике Э. Синнота и Л. Денна (в 1930 г.) учеб-

ники Ю.А. Филипченко были единственными руководствами по наследственности и изменчивости – по ним училось не одно поколение биологов.

Поскольку генетика с самого начала ее зарождения была теснейшим образом связана с проблемами эволюции, Ю.А. Филипченко уделял им большое внимание. Тому способствовало также прекрасное знание классиков биологии – эмбриологов, анатомов, палеонтологов, эволюционистов. Юрий Александрович свободно владел тремя европейскими языками и всегда читал научные труды в оригиналах.

Эволюционная идея в биологии все время была одной из центральных в сфере его научных интересов и находила непосредственное отражение в лекционном курсе по генетике. В 1923 г. относящиеся сюда материалы Ю.А. Филипченко обобщил в виде монографии “Эволюционная идея в биологии” [56]. Второе издание этой монографии вышло в свет в 1926 г. [89]. Будучи написана на основе огромного фактического материала, эта книга была лучшей для своего времени сводкой по данному вопросу и сыграла большую роль в распространении эволюционной идеи в широких кругах биологов. Она не утратила своего значения до сих пор и может служить образцом ясности и четкости изложения трудов классиков естествознания.

Вместе с тем взгляды Ю.А. Филипченко на эволюционное развитие организмов на всех ступенях иерархической лестницы – от самых низших до самых высших ее представителей – были несвободны от некоторых произвольных допущений. С этой точки зрения интерес представляют заключительные строки книги, в которых система его взглядов на проблемы эволюции сформулирована им более ясно и четко, чем в других его трудах.

«Мне кажется, – писал он в этой монографии, – что между особенностями всех низших систематических единиц, так сказать, видового и подвидового характера и особенностями высших категорий системы – “родового” характера в широком смысле этого слова – можно установить ряд существенных различий с различных же точек зрения. Эти различия выражаются, во-первых, в различной изменчивости родовых особенностей, с одной стороны, и видовых – с другой; во-вторых, родовые признаки отличаются от видовых и временем своего появления при развитии организмов; в-третьих, наконец, по-видимому, приходится признать, что носителями родовых особенностей являются совсем особые зачатки, чем те гены, которые сосредоточены в хроматине половых клеток, и включают в себе особенности видов, подвидов и других низших единиц систематики вплоть до отдельных

биотипов. Все это заставляет меня признать, что “роды” произошли иным путем, чем “виды”.

Если, однако, происхождение высших систематических единиц, вернее их отличительных особенностей, иное, чем низших, видовых, то как же произошли в отличие от “видов” наши “роды”? Если бы мы могли ответить на этот вопрос, то перед нами была бы новая теория эволюции. Однако пока для нас разрешение этого вопроса не выходит из плоскости более или менее вероятных гипотез, а от них до строго разработанной научной теории расстояние еще слишком велико.

Не следует забывать при этом и того основного завета, который оставил нам Дарвин, именно, что каждое такое заключение, хотя бы даже хорошо обоснованное, будет неудовлетворительным, пока не будет показано, почему бесчисленные организмы, населяющие наш мир, изменялись именно таким образом. Между тем все то, что можно высказать положительного по вопросу о происхождении родов, далеко не удовлетворяет этому требованию. Тем не менее, и теперь можно ответить с достаточной определенностью на вопрос, достаточны ли известные нам в настоящее время факторы эволюции для объяснения общего хода этого процесса. Нам приходится ответить на него, безусловно, отрицательно и не потому, что мутационная изменчивость, поддерживаемая комбинационной и подбором, слишком слаба для произведения новых форм, а из-за того, что этим путем возникают, по-видимому, особенности не выше видовых. Каким же образом произошли характерные признаки родов, семейств, отрядов, классов и типов, этого мы совершенно не знаем, и вообще вся эта и притом наиболее важная сторона эволюционного процесса является для нас совершенно открытым вопросом, разрешение которого есть дело будущего.

Какие же в области эволюционной теории в биологии открываются *перспективы на будущее?* (разрядка Ю.А. – Н.М.). Это ясно вытекает из сопоставления развития эволюционной идеи в XIX веке с тем, каково современное положение этого вопроса.

Вспомним, прежде всего, что почти 90 лет тому назад Бэр выдвинул свое учение об эволюции в ограниченной степени – эволюционном происхождении лишь низших систематических единиц. Прошло четверть века, пока появилась научно обоснованная теория эволюции Дарвина, которая принимала эволюцию в полном размере, т.е. допускала эволюционное происхождение всех систематических единиц от самых низших до самых высших. На этой же точке зрения стоим и мы в настоящее время.

Было ли у Дарвина вполне ясное и исчерпывающее представление о том, какие именно факторы обуславливают собою эво-

люционное происхождение не только “видов”, но и “родов” в широком смысле каждого из этих понятий? – Безусловно, нет. Выяснил ли он по крайней мере происхождение низших систематических единиц, т.е. видов и подвидов? – Тоже нет: ему был известен лишь один из факторов последнего процесса, т.е. подбор, а о более важных причинах его – мутациях и комбинациях – он имел еще смутное представление, т.е. в этом направлении им были сделаны только первые шаги.

Со времени Дарвина прошло больше 60 лет, и теперь мы можем ответить на вопрос о происхождении низших систематических единиц с гораздо большей, может быть, даже с исчерпывающей полнотой. Но все же нам не приходится особенно гордиться нашими знаниями в этом вопросе, так как мы и теперь можем дать объяснение лишь той части эволюционного процесса, которую одну допускал почти сто лет тому назад Бэр, а об остальных частях его, представляющих особый интерес, мы еще ничего не знаем.

Огорчаться особенно этим, право, нечего. Наука движется гораздо медленнее, чем бежит человеческая мысль, но зато и движение ее идет гораздо вернее, следуя золотому правилу механики: “что выигрывается в силе, то проигрывается в скорости, и наоборот”. Придет время, и мы будем иметь такое же исчерпывающее объяснение происхождения высших систематических единиц, какое имеем или почти имеем теперь для низших.

Не следует, однако, возлагать в этом направлении особенно больших надежд на успехи современной генетики, изучающей экспериментальным путем явления наследственности и изменчивости. Лично нам кажется, что вопрос о происхождении высших систематических единиц лежит пока совершенно вне той плоскости исследования, в которой работает генетика. К тому же история науки вообще показывает, что разработка каждой новой проблемы обычно проходит три стадии. Дело начинается обычно с известных умозрительных построений, которые или представляют первое приближение к истине (укажем хотя бы на теорию Ламарка), или, будучи совсем ошибочными, постановкой известных вопросов дают толчок к их разрешению (как было с умозрительными теориями наследственности). Во второй стадии своего разрешения проблема освещается данными одного наблюдения (укажем на труды Дарвина в области эволюции, Гальтона в области наследственности), в третьей же, наконец, она вступает в наиболее совершенную экспериментальную стадию. Так было и так будет: значит, до опытной разработки вопроса о происхождении “родов” дело дойдет еще очень и очень нескоро, и он должен пройти перед тем через стадию умозрения, освеща-

емого одним наблюдением. Но и для этого нужен талант, вернее даже, гений нового Дарвина.

Дарвина нередко называют Ньютоном естествознания. Это неверно. Дарвин был только его Коперником; подобно последнему он лишь опроверг гипноз очевидности и доказал, что органические формы не постоянны, а, наоборот, изменчивы. Почему это происходит, Дарвин не мог установить, как и Коперник не знал, в силу каких законов планеты вращаются вокруг солнца. Для выяснения этого вопроса в его полном объеме биология еще ждет своего Ньютона.

Доживем ли до его появления мы, т.е. те, кто вырос на тех идеях, которые изложены в нашей книге? На это трудно ответить утвердительно. Не забудем, что между Коперником и Ньютоном прошло полтора века и в это время был еще Кеплер. Одно для нас должно быть совершенно несомненно, это что эволюционная идея в биологии вступила на верный путь, который и приведет ее к своему Ньютону. Вне всяких сомнений и последнему придется исходить из того, что сделано для эволюционной идеи XIX в. В последнем и заключаются смысл и оправдание того подробного обзора эволюционных учений последнего, который дает наша книга» [89. С. 214–217]. К приведенной объемной цитате нам остается сделать несколько замечаний.

Во-первых, за 50 лет, истекших после опубликования цитируемой книги, эволюционная теория обогатилась таким обилием новых важных фактов, что если бы Ю.А. Филипченко писал ныне новое издание своей книги, то он должен был бы изгнать из нее последний элемент сомнения относительно возникновения признаков низших систематических единиц и отвести этому разделу большую часть своей книги.

Во-вторых, приведенные Ю.А. Филипченко критерии различий между особенностями низших и высших таксономических единиц представляют собой попытку увязать известные в то время данные сравнительной эмбриологии с феногенетикой и теорией наследственности и едва ли могут служить достаточным основанием для выделения последних в особую категорию, как по способу их возникновения, так и по механизму наследования.

В-третьих, сравнительная скудость новых экспериментальных данных за тот же период в разделе, касающемся эволюции систематических единиц за пределами вида, говорит лишь о сложности проблемы в целом, а не о принципиальном различии механизмов возникновения тех и других, и законный пессимизм Ю.А. Филипченко относительно сроков появления будущего Ньютона в биологии был вполне оправдан. Другой вопрос –

будет ли им новый гений, который подобно Дарвину решит эту проблему единолично или это будет Ньютон *sui generis* как единая всеобъемлющая теория эволюции, в которой найдут отражение легионы малых Ньютонов современности и обозримого будущего? Скорее всего случится последнее – настолько велико обилие имеющихся и предвидимых фактов, которые должны будут найти свое место в синтетической теории этой кардинальной проблемы биологии.

Исключительная работоспособность Ю.А. Филипченко и такое же умение систематизировать огромную литературу, пожалуй, ярче всего проявились в издании двухтомного труда по частной генетике растений [96] и животных [98], опубликованного в 1927 и 1928 гг. В этом двухтомнике он систематизировал обширные генетические данные о всех достаточно изученных животных и растительных формах, представляющих интерес с практической или теоретической точки зрения. Можно сказать без преувеличения, что оба эти тома были настоящим руководством для каждого исследователя, начинающего генетические или селекционные опыты с тем или иным объектом.

Курс “Экспериментальной зоологии”, который Ю.А. Филипченко читал в течение десяти лет, свидетельствует о его интересах к ряду важнейших проблем биологии за пределами генетики. В конце XIX и начале XX вв. на экспериментальной основе очень большое развитие получили такие проблемы биологии, как оплодотворение, детерминация, факторы индивидуального развития, регенерация, трансплантация и т.д.

Верный своей натуре делиться знаниями всеми доступными средствами, он подытожил в отдельной монографии обширные материалы из упомянутых областей экспериментальной зоологии [117]. Рукопись этого объемного авторского труда была сдана в набор в феврале 1930 г.

Увидеть этот труд в печатном виде Ю.А. Филипченко не пришлось – она вышла в свет в 1932 г. Вышедшая книга содержит 304 страницы, в том числе 150 рисунков, список литературных источников на 24 страницах и предметный указатель.

В этой связи нельзя не отметить тот факт, что курс “Экспериментальной зоологии” вышел в свет с чудовищным по содержанию предисловием И. Презента, в котором нет ни слова о том, что данная книга заслуживает внимания в том или ином отношении. В нем только огульное охаивание автора и не только по материалам “Экспериментальной зоологии” Ю.А. Филипченко, но и по другим его книгам. Случай беспрецедентный не только в отечественной, но и, наверное, в мировой практике!

Следует обязательно упомянуть популярный труд Ю.А. Филипченко “Общедоступная биология” [104]. В своем пасквильном предисловии к “Экспериментальной зоологии” И. Презент предпринял попытку опорочить и эту книгу – из подготовленного к печати 15-го издания которой он выдернул для этой цели одну-две цитаты.

Автор не ставил себе целью уяснить, удалась ли И. Презенту его провокационная попытка помешать выходу в свет этого 15-го издания “Общедоступной биологии”. Здесь важно отметить, во-первых, что показатель успеха этой книги Ю.А. Филипченко у читателей за семь лет достиг такого уровня, когда разница в одно издание (14-е или 15-е) уже не имела особого значения; и, во-вторых, что он едва ли когда-либо был превзойден в отечественной биологической литературе.

Труды Ю.А. Филипченко печатали многие издательства и журналы, в которых он имел большой авторитет. Последовательные издания его учебников выходили в пяти издательствах (Госиздат, Сельхозгиз, Медгиз, Сеятель, изд-во Сабашниковых), а журнальные статьи – в 29 русских и советских журналах и сборниках и в семи немецких журналах (см. Список опубликованных трудов).

В дополнение к сказанному необходимо привести еще одну немаловажную деталь, относящуюся к характеристике Ю.А. Филипченко и имеющую непосредственное отношение к литературной деятельности. В пору поступления автора в Ленинградский университет (1922 г.) в его обширной канцелярии была единственная пишущая машинка. Не слишком много было их и в издательствах того времени. Поэтому все материалы, сдаваемые в редакции, были написаны Ю.А. Филипченко от руки, его бисерным почерком, т.е. были рукописными в буквальном смысле слова, и именно с таких рукописных страниц в те годы типографии и набирали тексты. Иначе говоря, нужно было сразу все писать набело – о переработке и вторичной переписке рукописей нечего было и думать.

Порядок и условия подготовки рукописей для печати были и остаются одинаковыми для всех. Однако ни один из профессоров-биологов ни в те, ни в последующие годы не оставил после себя столь богатого литературного наследия, как Ю.А. Филипченко. Напомним еще раз, что за свою короткую жизнь он написал пять оригинальных учебников, одну монографию и научно-популярную книгу по общей биологии, не считая сотни статей, обзоров и рефератов на специальные темы. Три из этих книг переиздавались в общей сложности семь раз, а общедоступная биология выдержала 14 изданий [117. С. XIV–XV]. Большая часть

всех этих трудов и, в частности, все учебники и книги написаны в послереволюционные годы.

Говоря о печатной продукции Ю.А. Филипченко, следует иметь в виду, что в этом деле у него не было никаких помощников – в течение большей части года, по крайней мере, три дня в неделю из семи уходило у него на лекции, практические занятия со студентами и специальные семинары. Все это дает возможность составить представление о его огромной работоспособности.

С 31 января по 5 февраля 1972 г. в Москве проходил II съезд Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н.И. Вавилова. Сейчас уже мало кто помнит, что состоявшийся 10–16 января 1929 г. в Ленинграде съезд генетиков и селекционеров с участием зарубежных ученых явился их первым Всесоюзным съездом. Вместе с Н.И. Вавиловым (председателем съезда) и Г.Д. Карпеченко (секретарем) Ю.А. Филипченко принимал деятельное участие в его подготовке. На первом пленарном заседании съезда Н.И. Вавилов выступил с речью “Проблема происхождения культурных растений и животных в современном понимании”, а Ю.А. Филипченко – с докладом “Проблема гена”.

Заканчивая настоящий раздел, с полным основанием можно утверждать, что в организации биологической науки в стране и в распространении биологических, и, в первую очередь генетических, знаний Ю.А. Филипченко, несомненно, сделал больше, чем кто-либо другой из его современников. И в этом заключалась одна из главных особенностей его характера – делиться с читателями своими знаниями и мыслями, широко пропагандировать их не только с кафедры, но и печатным словом. Это было его врожденной потребностью.

Уход Ю.А. Филипченко из Ленинградского университета

Описание жизни и деятельности Ю.А. Филипченко будет неполным, если обойти молчанием важнейшее событие в его жизни – уход с должности заведующего кафедрой генетики и экспериментальной зоологии Ленинградского университета за 2–3 месяца до его скоростижной смерти.

Действительно, почему так получилось, что, будучи в расцвете сил и творческих возможностей, Ю.А. Филипченко оказался единственным профессором, ушедшим в те годы из Ленинградского университета по собственному желанию? Почему блестящий ученый и педагог, столь много сделавший для распространения генетических знаний в России и в Советском Союзе, добровольно оставил созданную им первую в России кафедру генетики, отошел от чтения поставленных им четырех курсов¹³ и от животворного общения со студенчеством, с которым столь тесно была связана вся его научно-педагогическая деятельность? Умудренным жизненным опытом читателям нетрудно понять, что столь радикальные решения принимаются не с легким сердцем.

Сыграли ли в отставке Юрия Александровича роль какие-то случайные, привходящие и, следовательно, внешние по отношению к нему причины, или она была неизбежна, будучи обусловлена непреодолимыми противоречиями, особенностями его характера и т.д.?

По времени, к которому относится это событие, оно могло быть, и многими действительно было воспринято как “выход из накопившихся общественно-политических противоречий”, “хлопанье дверью” и т.п. Однако не будет ли это слишком поверхностной оценкой этого поступка умнейшего человека?

А может быть он просто осознал полную бесплодность дальнейшей борьбы с нарастающей лавиной ламаркизма в биологии и, как следствие, тесно связанного с ним (ламаркизмом) недоброжелательного отношения к нему со стороны определенных кру-

¹³ “Общая генетика с основами вариационной статистики”, “Частная генетика животных и растений”, “Экспериментальная зоология” и “Эволюционная идея в биологии”.

гов, а потому счел более разумным решение уйти в более спокойную сферу деятельности и общения, которая позволила бы все свое время посвятить решению важнейших теоретических и народнохозяйственных задач?

Вопросы, вопросы, вопросы...

По мнению автора и некоторых современников Ю.А. Филипченко по Ленинградскому университету, с которыми автор имел возможность обсудить этот вопрос, главное, что преследовал ученый, заключалось в желании уйти от многочисленных крупных и мелких конфликтов, от которых он попросту устал и физически, и морально.

В 20-е годы прошлого века такие конфликты могли быть спровоцированы, прежде всего, на почве непримиримо отрицательного отношения ученого к вопросу о наследовании приобретенных признаков и, как следствие, превратного понимания его работ по наследственности у человека и евгенике, снискавших ему репутацию автогенетика и чуть ли не расиста.

Очевидно одно, что уход Ю.А. Филипченко из университета никоим образом нельзя рассматривать изолированно от его научных взглядов, от связи с генетикой – настолько они были неразрывно связаны как главная причина и следствие.

Свою задачу автор видит в объективном рассмотрении относящихся сюда фактов и соображений, на основании которых читатель сам мог бы судить – был ли уход Ю.А. Филипченко из Ленинградского университета “хлопаньем дверью”, “протестом против политики в высшей школе” и т.п. или проявлением его прозорливости, принципиальности и неподкупной честности.

* * *

Начнем с вещей, вроде бы второстепенных. Уважение к памяти ученого и историческая справедливость требуют сказать, что возникновению некоторых конфликтных ситуаций способствовал сам Юрий Александрович, неизменно обращавшийся к студенческой аудитории и собеседникам со словом “господа”. Для людей, близко знавших его, было ясно, что эта форма обращения не была какой-то бравадой, ни тем более протестом против “новых порядков”. Просто для него трудно было изъять из своего лексикона столь естественную и на протяжении многих лет привычную форму обращения, неадекватную новому времени.

Известно, что от этой “вредной” привычки не могли избавиться и другие представители старой интеллигенции. Так, академик И.П. Павлов до конца своих дней обращался к своим собеседникам не иначе, как “господа”; иногда его обращение прини-

мало и совсем курьезную форму, вроде: – “Скажите, пожалуйста, господин-коммунист”. Подобные “грехи” случались и со всеми уважаемым Президентом АН СССР тех лет, академиком А.П. Карпинским. По воспоминанию очевидца, свое выступление на торжественном заседании Военно-политической академии им. Толмачева (в Ленинграде), он начал обращением: – “Господа, красные офицеры!”

К счастью, и по контрасту с Ю.А. Филипченко, ни у И.П. Павлова, ни у А.П. Карпинского конфликтов на этой почве не возникало – их “выпады” против “новых порядков” вызывали лишь сдержанную улыбку у их слушателей и собеседников и реакцию, не более резкую той, какая в стенограммах фиксируется словами “оживление в зале”.

Равным образом не было известно ни одного конфликтного случая в служебных взаимоотношениях Юрия Александровича с администрацией Академии наук, а также на многочисленных докладах и лекциях, с которыми он выступал за пределами университета.

Иное дело – студенческая аудитория, да еще в первые годы после революции. Поэтому тщетны и даже неадекватны были апелляции Юрия Александровича к администрации университета “призвать к порядку и наказать неугомонных бузотеров”.

Важная сторона этого вопроса заключалась в том, что атмосферу неприязненного отношения к Ю.А. Филипченко искусственно разжигал и направлял человек по имени Презент, делавший в те годы в Ленинградском университете первые шаги своей головокружительной карьеры. По отношению к этому человеку поистине не были бы неуместны решительно все неблагоприятные эпитеты из всех толковых словарей русского языка.

И здесь придется сделать некое отступление в сторону от непосредственной темы, чтобы лучше понять обстановку, царившую в университете в те годы.

* * *

Когда отгремели бои на фронтах гражданской войны, борьба за революционные преобразования в науке сосредоточилась в аудиториях, лабораториях, кабинетах. В вузовских программах и темах студенческих научных кружков впервые в истории отечественной науки замелькали такие понятия как “исторический материализм”, “диалектический материализм”, “политическая экономия”, “дарвинизм” и др. И где, как не в таких учебных курсах надо было искать ответы на извечные вопросы “как” и “почему”, а в соответствующих научных кружках и на семинарах не про-

должать те споры, которые велись в то время на более высоком уровне?

К сожалению, случилось так, что ряд важнейших общественно-политических дисциплин в Ленинградском университете оказался сосредоточенным в руках И. Презента.

Если бы меня попросили дать предельно краткую характеристику моральных качеств профессора И. Презента, то ее суть можно было бы выразить в следующих немногих словах: никто другой, как он, не годился бы так для выполнения той зловещей роли, которую он впоследствии сыграл в генетической дискуссии.

Чтобы не быть голословным, восстановлю здесь только один день из тех отдаленных лет, когда вместе с другими студентами старших курсов и аспирантов я проходил у него курс “Диалектика природы”. В этом деле, помимо неизгладимых впечатлений тех лет, на помощь приходят сохранившиеся конспекты занятий по названному курсу и краткие комментарии, записанные по свежим впечатлениям.

Итак, год 1930-й, зима, аудитория кафедры “Диалектика природы”. На семинар собрались студенты и аспиранты биофака. Иногда в необязательном порядке здесь присутствует кое-кто из преподавателей и профессоров.

И вот с привычным опозданием (в среднем, минут на 30) появляется Исай Израилевич Презент. Невысокий, худощавый, небритый брюнет в нагольном овчинном полушубке, подпоясанным кожаным ремнем. Читатель, наверное, догадывается, каких регалий не доставало Исаю Израилевичу, как нынче говорят, до полного ансамбля. Имея от роду не более 30 лет и незаконченное юридическое (!) образование, он – уже профессор, заведующий кафедрой “Диалектика природы” биологического факультета университета, ведет курс одноименного названия для студентов старших курсов и аспирантов. Уже одни эти детали его биографии заслуживают тщательного изучения по материалам архивов университета.

Итак, является профессор И. Презент. Аудитория притихла, насторожилась. И. Презент извлекает из портфеля список участников семинара. Их фамилии записаны у него в два столбца, и мы вскоре легко установили отчетливо выраженную положительную или отрицательную корреляцию оценок ответов участников семинара в зависимости от того, стояли ли их фамилии в левой или в правой колонке списка.

Поблуждав глазами по списку, он переводит их на аудиторию и спрашивает: “Вот там, на третьей сзади скамейке пятый справа товарищ, как Ваша фамилия?” Вопрос относился (заметьте!) к

доценту кафедры генетики Адольфу Ивановичу Зуйтину. А.И. Зуйтин встает и отвечает: “Моя фамилия Зуйтин”. – “Ага, Зюйтин, ну хорошо. Так вот товарищ Зюйтин...” Адольф Иванович, конфузясь, встает и еще раз пытается уточнить свою фамилию. Но это или вообще ни к чему не приводило или через две-три минуты “Зуйтин” снова и уже до конца занятия превращался в “Зюйтина”.

Патологическая страсть Презента намеренно коверкать фамилии была одним из тех недостойных для преподавателя приемов, целью которых было с первой минуты сконфузить неугодного ему собеседника, вызвать у него замешательство, так или иначе сбить с толку. А дальше следовали два-три передергивания из ответа собеседника на поставленный вопрос, и перед ним тотчас же возникала альтернатива – безоговорочно соглашаться с руководителем или рисковать быть уподобленным “индуктивному ослу”, если не больше.

Выражение “индуктивный осел” было заимствовано И. Презентом у Ф. Энгельса, который в полемическом пылу однажды так окрестил И. Ньютона¹⁴. У профессора Презента оно было одним из наиболее ходовых и на его языке обозначало наивысшую степень убедительности. В тех редких случаях, когда в споре с лицом *А* эту “формулу доказательства” применить было неудобно или невыгодно, тогда “индуктивный осел” относился к какому-нибудь другому лицу *Б*, которому затем уподоблялся собеседник *А*. Так оно выглядело не столь категорично и унизительно, точь-в-точь как в известном анекдоте: хоть и совсем непохоже, но одно и то же.

В левой колонке презентовского кондуита значились фамилии, главным образом, столь же молодых сотрудников его кафедры и некоторых студентов. Их выступления на семинарах, как правило, проходили под занавес, к концу занятий, и должны были служить образцом того, как нужно изучать и знать диалектику природы.

На кафедре И. Презента в то время существовала особая картотека. Одна ее часть состояла из расклассифицированных по рубрикам цитат классиков марксизма и естествознания (в последнем случае, главным образом Ч. Дарвина). Ее другая часть содержала пространные извлечения из произведений самого И. Презента и некоторых, заслуживающих его доверия биологов. В этих извлечениях, кроме пространных пересказов оригиналов, теоретические концепции большинства биологов прошлого и современности были четко расклассифицированы по рубрикам реак-

¹⁴ См. Ф. Энгельс. Диалектика природы. 3-е издание, Госиздат. 1930. С. 3.

ционности всех оттенков, в соответствии с которыми каждый из них получал свой ярлык.

Подготовка молодых кадров была поставлена на поток таким образом – зачем было читать оригиналы и размышлять над их содержанием? Достаточно было по карточке заучить, что писал Дарвин, например об определенной и неопределенной изменчивости организмов, а из другой карточки взять готовый рецепт доморощенного Заратустры, и ответ готов. В 1934 г. под редакцией профессора Презента эта картотека была издана отдельной книгой под названием “Хрестоматия по эволюционному учению”. Нелишне, кстати, заметить, что в этой хрестоматии Ламарку отведено больше места, чем какому-либо другому классику естествознания¹⁵.

* * *

Основанные на личных воспоминаниях предыдущие страницы, посвященные И. Презенту, могут возбудить у читателя подозрение в излишней эмоциональности и необъективности автора. Чтобы отвести это подозрение, обратимся к предисловию И. Презента к последнему большому труду Ю.А. Филипченко – книге “Экспериментальная зоология” [117], которая была подписана автором в набор в феврале 1930 г., а вышла в свет через два года после его смерти.

Пользуясь беспрепятственным и безнаказанным доступом к рукописи книги, когда она находилась в печати, Презент снабдил ее чудовищным, от начала до конца клеветническим, пасквильным предисловием на 23 печатных страницах. По тексту им же дано множество примечаний, дающих “оценку” автору книги Ю.А. Филипченко.

Однако предоставим слово редактору книги и автору предисловия проф. И. Презенту. Оно слишком велико для того, чтобы проанализировать его полностью. Рассмотрение только нескольких первых абзацев этого предисловия дает яркое представление, конечно, не о достоинствах книги Филипченко, сколько о самом создателе предисловия:

“Наши вузы остро нуждаются в учебной и учебно-вспомогательной литературе. Мы еще не создали в достаточной степени своих марксистских пособий.

¹⁵ По просьбе большинства добровольных рецензентов изначального варианта рукописи из нее исключены 24 страницы с изложением провокационной деятельности И. Презента – главного виновника вынужденного ухода Ю.А. Филипченко из университета. Столь “большое внимание” этому человеку в рамках данной книги было признано несовместимым с памятью Ю.А. Филипченко.

Учитывая этот острый голод на пособия, мы вынуждены подчас издавать литературу с немарксистскими, метафизическими методологическими установками. К числу таких книг относится и настоящая книга проф. Филипченко “Экспериментальная зоология”.

В этой книге собрано большое количество материала и в этом отношении книга будет полезна.

Но редакция должна предупредить читателя, что теоретическое осмысливание приводимого материала, которое делает автор, метафизично и в большинстве случаев образует эклектическое помесь из различных метафизических установок.

Являя пример буржуазного ученого, проф. Филипченко не мог и не хотел воспринять диалектический материализм, и потому ярко персонифицировал всю беспомощность буржуазного мышления, весь кризис буржуазной науки.

Будучи чужд нашему социалистическому строительству, нашим реконструктивным задачам, проф. Филипченко неизбежно должен был впасть в своеобразную “лабораторную метафизику”, не видящую цель лабораторных изысканий в решении проблем, продвигающих наше социалистическое строительство и принимающую работу в лаборатории за самоцель: наука для науки...”

Читатель может заметить, что рецензент отмечает пользу большого количества собранного материала лишь затем, чтобы тут же навесить на автора типичные идеологические ярлыки.

А теперь, чтобы не заниматься дальнейшим разбором предисловия, приведем лишь те эпитеты, которыми наградил И. Презент автора книги. Все они взяты в кавычки и только для плавности прочтения кое-где соединены связками.

“Буржуазное происхождение” и “буржуазное воспитание” автора “Экспериментальной зоологии” определили его “антиисторичность”, “метафизику”, “кантианскую формалистику”, “кантианский агностицизм”, “помесь кантианства и эмпиризма”, “ползучий эмпиризм”, “электику”, “авто-генетически-преформистскую позицию” (в вопросе взаимоотношения внешних и внутренних факторов индивидуального развития. – *Н.М.*), “солидарность с номогенетиками разных толков”; автор является “противником диалектического материализма” и “стоит на позициях доквантовой механики”, “на распутье между механицизмом и витализмом” и т.д. и т.п.

Можно было бы еще посчитать, сколько раз тот или иной эпитет повторяется на протяжении 23(!) страниц этого предисловия. Но в нем нет ни слова о том, что данная фундаментальная книга Ю.А. Филипченко заслуживает внимания в том или ином отношении.

Из всего сказанного следует вывод, что предисловие И. Презента – это тотальное огульное охаивание автора, причем не только по материалам “Экспериментальной зоологии”, но и по другим книгам Ю.А. Филипченко.

За давностью времени и без специального исследования этого вопроса сейчас трудно сказать, какие обстоятельства сыграли решающую роль в глумлении И. Презента над этой книгой: действительно ли развязала ему руки смерть автора, или все это могло произойти и при его жизни? Но в том и другом случае история с этим “предисловием” была и, вероятно, навсегда останется беспрецедентной не только в отечественной, но и мировой науке и литературе.

* * *

Предисловие И. Презента позволяет составить представление о той атмосфере, которая существовала в те годы, по крайней мере, на кафедре генетики Ленинградского университета.

Таковы были начинавшие входить в моду характерные приемы, позволявшие любыми средствами порочить имя ученого только потому, что он твердо верил и решительно отстаивал свои научные принципы.

Почти ни одна лекция, ни одно практическое занятие не проходили без демагогических, резких, оскорбительных выпадов в адрес Ю.А. Филипченко со стороны тех лиц, фамилии которых значились в левой колонке презентовского кондуита. Пребывание Юрия Александровича на кафедре генетики становилось невыносимым.

Сам Презент на лекциях Ю.А. Филипченко, конечно, не бывал и не принимал непосредственного участия в провоцировании конфликтов и обструкций. Для этой цели он умело использовал своих единомышленников из состава возглавлявшейся им кафедры “Диалектика природы”, а также подпавшую под его влияние небольшую часть студентов-биологов. Во всяком случае, обстановка была такова, что обструкцию лектору могли спровоцировать по любому поводу – на почве формы обращения к аудитории, в связи ли с трактовкой того или иного теоретического вопроса генетики и т.д.

К сказанному необходимо добавить, что заметную отчужденность со стороны тех студентов, которые находились под влиянием И. Презента, испытывали на себе и другие преподаватели и сотрудники кафедры генетики, что также не могло не угнетать Ю.А. Филипченко.

Для иллюстрации – пример из личной педагогической практики автора книги, в то время аспиранта и одновременно младшего ассистента кафедры генетики. На занятиях со студентами по менделизму один из них, раскуривая в аудитории махорку и явно тяготясь обстановкой, своими разговорами мешал работать другим. На вопрос “почему он ничего не делает?”, получаю ответ, что “ему, дескать, не ясна целевая установка занятия”. По тогдашнему времени это означало, что преподаватель не то чтобы не справляется со своими обязанностями – нет, он попросту занимается ненужным делом, вроде разгадывания кроссворда. Фамилию этого студента я до сих пор помню не хуже своей и не называю здесь только потому, что может быть он здравствует и поныне и сейчас устыдился бы своего поступка.

* * *

Насколько известно автору, руководство Ленинградского университета и биологического отделения физико-математического факультета предпринимало попытки удержать Ю.А. Филипченко от разрыва с кафедрой, уверяя его в том, что оно не одобряет поведения лиц, которые мешают ему спокойно работать. Однако было ясно, что создавшуюся ситуацию стороны понимают по-разному и говорят на разных языках. В конце концов ходатайство Ю.А. Филипченко об увольнении было удовлетворено. С этого момента все свое время он собирался посвятить научно-исследовательской работе, о чем свидетельствует уже цитированная ранее запись в его *Historica* от 1 февраля 1930 г.: “Сел сам работать”.

Эта запись относилась к предполагавшемуся основному месту его работы – Лаборатории генетики АН СССР, руководителем которой он состоял с первого дня ее организации, будучи в то же время заведующим кафедрой генетики и экспериментальной зоологии университета. К тому времени относилось также вступление Ю.А. Филипченко в должность заведующего отделом генетики Института животноводства ВАСХНИЛ, куда пригласил его Президент Академии Н.И. Вавилов. Однако намерениям этим не суждено было осуществиться.

* * *

Известно, что Ю.А. Филипченко неоднократно общался с С.М. Кировым, который, по его словам, “его понимает и с ним у него полный контакт, а вот каким-то мальчишкам и бузотерам в

университете он не нравится”¹⁶ и т.д. Этот штрих к биографии ученого весьма знаменателен. Будущие историки, возможно, натолкнутся на следы бесед, состоявшихся между этими яркими личностями. Нам же остается лишь строить о них более или менее правдоподобные догадки. Однако все, кто хорошо знал неподкупную честность и принципиальность Ю.А. Филипченко, могут с высокой долей совпадения предугадать, что темы, обсуждавшиеся на этих встречах вопросов, несомненно, далеко выходили за рамки кафедры генетики Ленинградского университета. Этот малоизвестный штрих биографии ученого вместе со всем сказанным на предшествующих страницах, делает его нашим современником и гражданином.

¹⁶ Об этом писал Н.Н. Медведеву в своих письмах Э.Ш. Айрапетьянц, который, начиная со студенческих лет, был активным комсомольским, а затем партийным деятелем в Ленинградском университете, а потому был достаточно осведомлен во многих делах, в том числе и в вопросе, касающемся ухода Ю.А. Филипченко из университета. О встречах Ю.А. Филипченко с С.М. Кировым Э.Ш. Айрапетьянц знал лично от самого Юрия Александровича. – *Примечание составителя.*

Заключение

В отечественной исторической и мемориальной литературе последних лет, посвященной представителям генетики, стало своего рода традицией рассматривать их роль и значение в развитии отечественной науки в двух главных аспектах, а именно – с точки зрения установления или уточнения их приоритета в разработке определенного направления (или направлений) исследований и в логической преемственности их идей, нашедших подтверждение и дальнейшее развитие в современных экспериментальных исследованиях.

Следуя этой традиции, и мы попытаемся осмыслить основные итоги деятельности Ю.А. Филипченко, оказавшие несомненно большое влияние на развитие генетики в СССР.

Местом официального зарождения генетики в России является Санкт-Петербургский университет, а ее “отцом” был приват-доцент университета Ю.А. Филипченко. Это событие произошло 18 сентября (ст. стиля) 1913 г.

С тех пор пальма первенства в распространении генетических знаний в России и в Советском Союзе безусловно принадлежала ему же: курс лекций по генетике, который Юрий Александрович бессменно читал 17 лет, четыре издания его учебника по генетике, столько же изданий учебника по изменчивости и методам ее изучения – таков основной, хотя и не полный итог его просветительской деятельности в должности профессора и заведующего кафедрой генетики и экспериментальной зоологии в Ленинградском университете – основном месте его работы.

Ю.А. Филипченко принадлежит столь же важная роль в развитии в стране исследований по экспериментальной зоологии, нашедшая выражение в лекционном курсе, который он читал 10 лет, и в создании учебника одноименного названия. Сборное название этого курса и учебника лишь формально объединяло ряд наиболее важных глав и направлений экспериментальной биологии на зоологических объектах. Но оно лишний раз свидетельствует о широте его научных интересов, выходящих далеко за пределы генетики.

Отдавая дань всеобщему подъему первых послереволюционных лет, Ю.А. Филипченко выступил одним из активных пропагандистов евгенических идей и вынес на всеобщее обсуждение свою евгеническую программу, которая в новых социальных условиях должна была, по его мнению, сыграть важную роль в борьбе за здоровье будущих поколений. Он первым в Советском Союзе организовал анкетное обследование по наследственности среди некоторых групп ленинградской интеллигенции и вместе со своими сотрудниками (Я.Я. Лусом и Т.К. Лепиным) опубликовал полученные в них результаты.

Евгеническая программа Ю.А. Филипченко не содержала в себе ничего, неприемлемого с современной точки зрения, включая его основную статью по этому вопросу “Интеллигенция и таланты”. Более того, тот пункт программы, в котором он выступал за ограничение рождаемости в семьях с неблагоприятной наследственностью на строго добровольных началах и за которые он подвергался особенно ожесточенной критике, ныне полностью одобрен официальными органами Минздрава СССР. Разница между евгенической программой Ю.А. Филипченко и нынешней формулой этой проблемы сводится лишь к терминологии: теперь ее принято называть не евгеникой, а медицинской генетикой.

Основные многолетние и исключительно трудоемкие исследования Ю.А. Филипченко касались генетики количественных признаков пшеницы. Результаты этих исследований дали ряд важных, принципиально новых выводов для практиков-селекционеров и закончились выведением и передачей в сортоиспытание нового сорта пшеницы для Ленинградской области – “Петергофка”.

Верный своему принципу разрабатывать теоретические вопросы генетики на объектах, имеющих практическое значение, и учитывая большое потенциальное значение природных условий наших среднеазиатских республик в решении мясной проблемы страны, Ю.А. Филипченко организовывал широкие экспедиционные исследования по разработке программы улучшения пород домашнего скота кочевого населения, как путем их гибридизации с культурными европейскими породами, так и путем внутипородной селекции в нужных направлениях.

Результаты экспедиционных исследований дали возможность сделать ряд важных организационных выводов, не получивших однако дальнейшего развития ввиду общей неблагоприятной обстановки в генетике. Лишь в одном случае, когда полученные в процессе экспедиционной работы гибриды между мериносом и диким высокогорным бараном-архаром были переданы респуб-

ликанским организациям Наркомзема, дальнейшая генетическая работа с ними была успешно завершена выведением новой оригинальной породы овец – архаро-мериносов, сочетавших в себе улучшенные шерстяные качества мериноса и унаследованную от архара способность осваивать самые высокогорные пастбища.

Таковы основные итоги научной и литературно-педагогической деятельности Ю.А. Филипченко. Оставляем в стороне ряд других более мелких вопросов вроде того, кто первый в дореволюционной России провел менделистический анализ на сельскохозяйственных животных и менее всего склонны оспаривать приоритет в этом вопросе Н.А. Соплякова (Юрасова) [126], если это действительно так. И сам Ю.А. Филипченко первым отметил бы этот факт, если бы в этом возникла необходимость. В таких случаях он не переставал повторять одно из любимых своих выражений, что он будет очень рад, если тот или иной опыт или наблюдение и т.д. будет сделано лучше, чем это сделал он сам. Заметим, однако, что некоторые другие авторы, касавшиеся истории этого вопроса, первые дореволюционные исследования по генетики домашних животных все же связывают с именем Ю.А. Филипченко, которые он выполнил на гибридах между рогатым скотом, бизоном и зубром (см. напр. [142]).

Кроме того, Ю.А. Филипченко еще в 1914 г. опубликовал статью о наследовании окраски у домашних животных [15], а в следующем году, как уже упоминалось, совместно с И.И. Ивановым описал гибридов между бизоном, зубром и рогатым скотом по материалам зоопарка “Аскания Нова” [16]. Обе эти статьи вошли в список работ Ю.А. Филипченко, который в 1930 и 1932 г. был опубликован трижды [117, 130, 152].

В заключение несколько слов о том, является ли Ю.А. Филипченко “нашим современником”? Иначе говоря, остался ли он ученым только 20-х годов прошлого столетия или какие-то его идеи в прямой или опосредованной форме питали умы последующих поколений ученых и получили дальнейшее развитие в современных экспериментальных исследованиях?

С известными оговорками и соблюдением чувства меры, которое в таких случаях особенно необходимо, все же можно ответить на этот вопрос утвердительно, хотя и с осознанием всех трудностей доказательства этого. Эти трудности, кстати, в данном случае никем и никогда не отмечавшиеся, заключаются в том, что вся 13-летняя деятельность Ю.А. Филипченко в советское время, за вычетом его евгенических работ, была связана с прозаическими сельскохозяйственными объектами и посвящена решению практических народнохозяйственных задач. Действительно, сейчас трудно утверждать, что те выводы, к которым пришел

он на основе многолетних исследований пшениц, широко используются в селекции новых сортов сельскохозяйственных растений. Но столь же трудно было бы утверждать и обратное.

То же самое можно сказать и о животноводственных экспедициях и разработке программы планомерного улучшения домашнего скота населения среднеазиатских республик.

Истина заключается в том, что за прошедшие десятилетия в селекции сельскохозяйственных животных и растений не создано ничего принципиально нового и современные практические работники по-прежнему питаются идеями и методами своих предшественников.

Более определенно можно сказать о некоторых пунктах евгенической программы Ю.А. Филипченко, получивших дальнейшее развитие под флагом медицинской генетики.

Но одна черта характера Ю.А. Филипченко ярче всего делает его “нашим современником” – это его высокая гражданственность, непримиримость со всем тем, что несовместимо с честью и долгом ученого и просветителя. Это правда, что до конца своей жизни он обращался к собеседникам или к аудитории со словом “господа”. Правда, что когда он всходил на кафедру, воротничок и манжеты его сорочки блестели ослепительной белизной – он и на кафедре выглядел ученым профессором, воплощенным уважением к аудитории. Правда, что аудитория в это время затихала – это была тишина ожидания встречи с чем-то обязательно новым, свежим, увлекательным. Аудитория знала, что в его кармане не цитатник хун-вей-бина, а точное знание, и что в своих руках он не гнушался держать тяжелую кирку, которой, не жалея сил, подымал в науке пласты целины, одновременно способствуя решению важнейших народнохозяйственных задач. Он внутренне был убежден в правоте своего дела и знал, что его не сломит никакая сила. В этом отношении он выгодно выделялся из всех тогдашних профессоров университета.

В свое время, стоя у свежей могилы, мы, его ученики, искренне оплакивали смерть своего учителя. Позднее, каждый из нас, не высказывая этой мысли вслух, спрашивал себя, что ожидало бы его в дальнейшем, если бы смерть преждевременно не унесла его в могилу.

* * *

Второго – четвертого октября 1969 г. кафедра генетики и селекции Ленинградского университета отметила 50-летие своего существования. В переполненном актовом зале университета были заслушаны доклады учеников Ю.А. Филипченко, учеников

его учеников и молодых сотрудников кафедры¹⁷. Программой конференции было также предусмотрено посещение могилы Юрия Александровича на Смоленском кладбище. Покосившийся от времени высокий гранитный памятник на его могиле выправлен, пострадавший от фашистских бомбежек барельефный портрет на нем восстановлен, на могиле – кусты зелени, цветы. Все это сделано и заботливо поддерживается стараниями сотрудников созданной Юрием Александровичем кафедры во главе с ее заведующим профессором М.Е. Лобашевым.

Читатель, если вам придется быть в Ленинграде, посетите могилу этого талантливое и мужественного ученого: молчаливое общение с ним явится не только знаком признания его выдающихся заслуг перед наукой и Родиной, но и лишним поводом для размышлений над человеческими судьбами¹⁸.

¹⁷ Автором этих строк был прочитан доклад “Евгенические идеи Ю.А. Филипченко и современность”.

¹⁸ В 1975 г. Научный совет по проблемам генетики и селекции принял решение о переиздании основных трудов Ю.А. Филипченко. В 1977 г. издательство “Наука” выпустило третье издание его книги “Эволюционная идея в биологии”, в 1978 – пятое издание книги “Изменчивость и методы ее изучения” и в 1979 – второе издание книги “Генетика мягких пшениц”. – *Примечание составителя.*

Основные даты жизни и научной деятельности Ю.А. Филипченко

- 1882, 1 (13) февраля** – Родился в семье агронома Орловской губернии
- 1900** – Поступил в Военно-медицинскую академию, а в 1901 г. перевелся в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета
- 1905** – Окончил естественное отделение университета с дипломом I степени и оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности
- 1911** – Командирован в Мюнхен (на один год) и на биологическую станцию в Неаполе (на три месяца)
- 1913** – Защитил диссертацию и удостоен степени магистра зоологии и сравнительной анатомии
- 1913** – Утвержден в должности приват-доцента Петербургского университета
- 1913, 18 сентября** – Начал читать первый в России курс по генетике
- 1917** – Защитил первую в России докторскую диссертацию по генетике и удостоен степени доктора зоологии и сравнительной анатомии
- 1917, 18 декабря** – Избран на должность доцента зоологии
- 1917** – Опубликовал первый в России учебник “Наследственность” (Природа, 302 с.); II изд. опубликовано в 1924 г. (Госиздат, 252 с.); III изд. – в 1926 г. (там же, 280 с.); IV изд. под названием “Генетика” опубликовано в 1929 г. (там же, 379 с.)
- 1918** – Организовал Лабораторию генетики и экспериментальной зоологии в Петроградском университете
- 1918** – Избран на должность профессора и заведующего Лабораторией генетики и экспериментальной зоологии университета
- 1919** – Лаборатория генетики и экспериментальной зоологии университета реорганизована в кафедру одноименного названия под его руководством
- 1921, 14 февраля** – По представлению Ю.А. Филипченко Комиссия по исследованию естественно-производительных сил России (КЕПС) при Российской Академии наук приняла постановление об организации Бюро по евгенике
- 1921, 1 марта** – Утвержден в должности заведующего Бюро по евгенике

- 1923** – Опубликовал первый в Советском Союзе учебник “Изменчивость и методы ее изучения” (Госиздат, 240 с.), II изд. вышло в 1925 г. (там же, 272 с.). III изд. – в 1927 г. (там же, 316 с.), IV изд. – в 1929 г. (там же, 275 с.)
- 1923** – Опубликовал монографию “Эволюционная идея в биологии” (изд-во Сабашниковых, 288 с.); II изд. – в 1926 г. (там же, 244 с.)
- 1927** – Опубликовал монографию “Частная генетика”. Часть I. “Растения” (“Сеятель”, 239 с.)
- 1928** – Опубликовал монографию “Частная генетика”. Часть II. “Животные” (“Сеятель”, 279 с.)
- 1928** – Опубликовал 12-е изд. “Общедоступной биологии” (“Сеятель”, 224 с.)
- 1930, февраль** – Сдал в набор рукопись книги “Экспериментальная зоология” (вышла посмертно в 1932 г. Медгиз, 304 с.)
- 1930, 4 апреля** – Бюро по генетике реорганизовано в Лабораторию генетики АН СССР
- 1930, 19 мая** – День смерти.

Список опубликованных трудов Ю.А. Филипченко¹⁹

1905 г.

1. К анатомии *Campodea staphylinus* Westw // Тр. СПб. о-ва естеств. Т. 35, вып. 1. С. 1–17.
2. Низшие насекомые окрестностей Бологова // Тр. Пресноводной биол. станции СПб. о-ва естеств. Т. 2. С. 1–11.

1906 г.

3. Anatomische Studien über Collembola // Ztschr. wiss. Zool. Bd. 85. H. 2. S. 270–304.
4. О происхождении жирового тела и нефроцитов у Arthropoda // Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей. Т. 37, вып. 1. С. 1–16.

1907 г.

5. О жировом теле черного таракана (*Stylopyga orientalis* L., Orthoptera, Periplanetidae) // Рус. энтомол. обозрение. Вып. 7. С. 1–19.
6. Beiträge zur Kenntnis der Apterygoten. I. Über die excretorischen und phagocytären Organe von *Ctenolepisma lineata* // Ztschr. wiss. Zool. Bd. 88. H. 1. S. 99–116.

1908 г.

7. Beiträge zur Kenntnis der Apterygoten. II. Über die Kopfdrüsen der Thysanuren // Ztschr. wiss. Zool. Bd. 91. H. 1. S. 93–111.

1910 г.

- 7*¹. Опыт постановки общей биологии в средней школе // Русская школа. С. 115–118.
- 7*². Дополнения к отряду Aptera // В кн.: Шарп. Насекомые. С. 1019–1033.

1912 г.

8. Развитие изотомы (*Isotoma cinerea* Nic. – Collembola). СПб.: 1–132 с.
9. Beiträge zur Kenntnis der Apterygoten. III. Die Embryonalentwicklung von *Isotoma cinerea* Nic. // Ztschr. wiss. Zool. Bd. 103. H. 4. S. 519–660.

¹⁹ Список трудов дополнен рядом работ Ю.А. Филипченко, о которых любезно сообщил доктор биологических наук В.В. Бабков. В приводимом списке эти работы отмечены индексами со звездочкой. – *Примечание составителя.*

10. Zur Kenntnis der Apterygotenembryologie // Zool. Anz. Bd. 39. H. 1. S. 43–49.

1913 г.

11. Очерки по вопросам эволюции и наследственности // Рус. богатство. Т. 1. С. 113–133; Т. 2. С. 109–126.
12. Проблема пола в современной биологии // Там же. Т. 8. С. 153–172.
13. Предмет зоопсихологии и ее методы // Новые идеи в философии. Сб. 10. С. 1–29.
14. О видовых гибридах // Новые идеи в биологии. Сб. 4. С. 122–149.

1914 г.

15. Наследование окраски у домашних животных // Природа. Сентябрь. С. 1039–1056.

1915 г.

16. Описание гибридов между бизоном, зубром и рогатым скотом в зоопарке “Аскания Нова” Ф.Э. Фальц-Фейна (совместно с И.И. Ивановым) // Арх. вет. наук. № 2. С. 1–33.
17. Изменчивость и эволюция. Пг. 90 с. (Биб-ка натуралиста).

1916 г.

18. Beschreibung von Hybriden zwischen Bison, Wisent und Hausrind (Ivanov imd Philiptschenko) // Ztschr. indukt. Abstammungs- und Vererbungslehre. Bd. 16. H. 1. S. 1–48.
19. О черепах некоторых видовых гибридов между дикими и домашними формами // Арх. вет. наук. № 9. С. 1–27.
20. Sur les cranes de quelques hybrides entre des espèces sauvages et domestiques // C.r. Soc. biol. Vol. 79. P. 636–638.
21. Биологические виды хермесов и их статистическое различие // Зоол. вестн. Т. 1. С. 261–285.
22. Обзор главнейшей литературы по генетике за 1915 г. // Природа. № 5–6. С. 731–734.
23. Происхождение домашних животных. Изд-во Блэка. 104 с.
24. Изменчивость и наследственность черепа у млекопитающих. Ч. I // Рус. арх. анатомии, гистологии и эмбриологии. Т. 1, вып. 2. С. 311–404.
24* Variabilité et hérédité du crâne chez les Mammifères. Pt. I // Arch. russe anat., histol. et embriol. Vol. 1, N 2. P. 267–330.

1917 г.

25. Изменчивость и наследственность черепа у млекопитающих. Ч. II. Наследование краниологических особенностей у кроликов // Рус. арх. анатомии, гистологии и эмбриологии. Т. 1, вып. 3. С. 747–818.

- 25* Variabilité et hérédité du crâne chez les Mammifères. Pt. II. Hérédité des caractères craniologiques chez les Lapins // Arch. russe anat., histol. et embriol. Vol. 1, N 3. P. 657–731.
26. Изменчивость и наследственность черепа у млекопитающих. (Автореферат) // Арх. вет. наук. № 3–5. С. 1–12.
27. О сперматозоидах домашних животных. Предвар. сообщ // Рус. зоол. журн. Т. 2. С. 138–141.
28. О сперматозоидах домашних животных // Арх. вет. наук. № 3–5. С. 1–22.
29. Наследование и происхождение мастей у лошади // Материалы по вопросам рысистого коннозаводства. № 3. С. 3–19.
30. Статистический метод в биологии // Природа. № 2. С. 175–192.
31. Обзор главнейшей литературы по генетике за 1916 г. // Там же. № 3. С. 397–399.
32. Гибриды домашних животных // Там же. № 7–8. С. 777–804.
33. Наследственность. М.: Природа. 302 с.
- 33*1. Программа по общей биологии для лиц поступления 1916 г. 4 с.
- 33*2. Изменчивость и наследственность черепа у млекопитающих. Пг.

1918 г.

34. Изменчивость у пчел и вариационная статистика // Зоол. вестн. Т. 3. С. 211–221.
35. Евгеника: Речь на годичном заседании Психо-неврол. ин-та в Петрограде // Рус. мысль. № 3–4. С. 69–95.

1919 г.

36. Наследственность окраски у канареек // Изв. Рос. акад. наук. С. 1115–1134.
37. Выражение закона Менделя с точки зрения генотипической структуры // Там же. С. 777–786.
38. Эрнст Геккель // Естествознание в школе. № 5–8. С. 129–141.
39. Хромозомы и наследственность // Природа. № 7–9. С. 327–350.

1920 г.

40. Изменчивость во время дробления яиц у краба *Maja verrucosa* M. Edw. // Изв. Рос. акад. наук. С. 357–366.
41. Этюды по изменчивости. Ч. 1. Изменчивость в молодом и взрослом состоянии у низших ракообразных // Тр. Петрогр. о-ва естествоиспытателей. Т. 51, вып. 7–8. С. 159–204.

1921 г.

42. Этюды по изменчивости. Ч. 2. Изменчивость у самцов и самок низших ракообразных // Тр. Петрогр. о-ва естествоиспытателей. Т. 52, вып. 7–8. С. 141–148, 175–176.

43. Анкета по наследственности среди ученых Петербурга // Наука и ее работники. № 2. С. 33–35.
44. Результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Там же. № 6. С. 3–9.
45. Что такое евгеника? Пг.: Комис. по изуч. естеств. произв. сил России при Рос. акад. наук. Бюро по евгенике. 31 с.
46. Как наследуются различные особенности человека. Пг.: Комис. по изуч. естеств. произв. сил России при Рос. акад. наук. Бюро по евгенике. 38 с.
- 46*. Изменчивость и эволюция. 2-е изд. Пг.; Берлин; Стокгольм: Гржебин. 73 с.

1922 г.

47. Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Изв. Бюро по евгенике Акад. наук. № 1. С. 8–21.
48. Наши выдающиеся ученые // Там же. С. 22–38.
49. К вопросу о наследовании цвета глаз и волос (совместно с Т.К. Леппиным) // Там же. С. 39–63.
50. Закон Менделя и Моргана // Природа. № 10–12. С. 51–66.

1923 г.

51. Studien über Variabilität. 3. Über die Variabilität der *Collembolen* // Ztschr. indukt. Abstammungs- und Vererbungslehre. Bd. 30. S. 145–162.
52. Обзор важнейших новинок генетической литературы за 1916–1922 гг. // Тр. Ин-та прикл. ботаники и селекции Т. 13. С. 1–24.
53. Изменчивость и методы ее изучения. М.; Пг.: Госиздат. 240 с.
54. Das Mendelsche Gesetz in genotypischer Fassung // Biol. Zbl. Bd. 43. H. 2. S. 97–106.
55. Общедоступная биология. Пг.: Сеятель. 192 с.
56. Эволюционная идея в биологии. М.: Сабашниковых. 288 с.
- 56*1. Множественные аллеломорфы: (Заметка) // Природа. № 1–6. С. 95.
- 56*2. Новый вид ограниченной полом наследственности: (Заметка) // Там же. С. 97.

1924 г.

57. Studien über Variabilität. 4. Über die Variabilität der *Cmbryonen* // Ztschr. indukt. Abstammungs- und Vererbungslehre. Bd. 34, H. 1–2. S. 121–133.
58. Результаты обследования ленинградских представителей искусства // Изв. Бюро по евгенике Акад. наук. № 2. С. 5–28.
59. Некоторые результаты анкеты по наследственности среди ленинградских студентов // Там же. С. 29–48.
60. О влиянии скрещивания на состав популяции // Там же. С. 67–84.
- 60*. О влиянии скрещивания на состав популяции // Рус. евген. журн. Т. 2, вып. 1. С. 20–27.

61. Über Spaltungsprozesse innerhalb einer Population bei Panmixie // Ztschr. indukt. Abstammungs- und Vererbungslehre. Bd. 35, H. 3/4. S. 257–278.
62. К вопросу о происхождении домашних животных // Человек и природа. № 11. С. 867–872.
63. Новая теория эволюции // Природа. № 7–12. С. 51–62.
64. Бэр К.Э. Избранные работы. М.; Л.: Госиздат. (Классики естествознания). Перевод и предисловие.
65. Пути улучшения человеческого рода: Евгеника. М.; Л.: Госиздат. 190 с.
66. Изменчивость и ее значение для эволюции. М.; Л.: Госиздат. 87 с. (Б-ка естествознания).
67. Наследственность. 2-е изд. М.; Л.: Госиздат. 252 с.
68. Происхождение домашних животных. 2-е изд. Л.: Сеятель. 104 с.
- 68*1. Обзор важнейших новинок генетической литературы за 1916–1922, 1922–1923 гг. // Тр. Ин-та прикл. ботаники и селекции. Т. 13. С. 5–24.
- 68*2. Шведский государственный институт расовой биологии // Русск. евген. журн. Т. I. Вып. 3–4. С. 363–364.
- 68*3. Руководящие положения немецкого Общества расовой гигиены // Там же. С. 364–366.
- 68*4. О влиянии скрещивания на состав населения // Там же. Т. 2, вып. 1. С. 20–27.
- 68*5. Д.М. Дьяконов: (Некролог) // Изв. Бюро по евгенике. Акад. наук. № 1. С. 3–4. (Без подписи).

1925 г.

69. О влиянии алкоголя на дафний / Тр. Ленингр. о-ва естествоиспытателей. Т. 54, вып. 1. С. 72–82.
70. О параллелизме в живой природе // Успехи экспер. биологии. Т. 3, вып. 3–4. С. 242–258.
71. Действительные члены б. Императорской, ныне Российской Академии за последние 80 лет (совместно с Т.К. Лениным и Я.Я. Луком) // Изв. бюро по евгенике Акад. наук. № 3. С. 3–82.
72. Интеллигенция и таланты // Там же. С. 83–101.
73. Френсис Гальтон и Грегор Мендель: Биогр. и библиогр. М.; Л.: Госиздат. 86 с.
74. Наследственность приобретенных свойств // Наследственны ли приобретенные признаки? Л.: Сеятель. С. 29–58.
75. Из впечатлений о заграничной поездке // Науч. работники. Кн. 1. С. 150–159.
76. Евгеника в школе // Рус. евген. журн. Т. 3. С. 31–35.
77. Значение генетики для зоотехники // Изв. ГИОА Т. 3, № 2–4. С. 71–75.
78. Обзор научных достижений: Лаборатория генетики и эксперим. зоологии // Тр. Петергоф. науч.-исслед. ин-та. № 1. С. 39–46.
79. Беседы о живых существах. М.; Л.: Госиздат. 164 с.
80. Изменчивость и методы ее изучения. 2-е изд. М.; Л.: Госиздат. 272 с.

81. Новая литература по генетике (1923–1924) // Журн. эксперим. биологии. Сер. Б. Т. 1. С. 85–91.
82. Обсуждение норвежской евгенической программы на заседании Ленинградского отделения Русского евгенического общества // Рус. еugen. журн. Т. 3, вып. 2. С. 139–143.
83. Новые журналы по евгенике // Там же. С. 145–152.
- 83*¹. Новые книги по евгенике // Там же. С. 150–152.
- 83*². *Ler résultants statistiques de l'enquête touchant l'hérédité parmi les étudiants de Pétrograd* // *Anthropologie*. Vol. 3. fasc. 3. P. 213–219.
- 83*³. Заграничные популярные сводки по евгенике // Рус. еugen. журн. Т. 3, вып. 1. С. 88–90.
- 83*⁴. Рец. на книгу: *Gates R.R. Heredity and eugenics* = Наследственность и евгеника. Л.: 1923. XIV, 288 p. // Там же. С. 90.
- 83*⁵. Новые работы по вопросу наследственности приобретенных свойств // Там же. С. 91.
- 83*⁶. Новые книги // Там же. С. 92–93.
- 83*⁷. О процессе расщепления внутри популяции при панмиксии: (Реферат) // Науч.-агрон. журн. Вып. 2. С. 3–8.
- 83*⁸. *Die Russische rassenhhygienische Literatur, 1921–1925* // *Arch. Rassen- und Gesellschaftsbiol.* Bd. 17. S. 346–348.

1926 г.

84. Изменчивость количественных признаков у мягких пшениц // Изв. Бюро по генетике и евгенике Акад. наук. № 4. С. 5–58.
85. *Untersuchungen über und Vererbung der quantitativen Merkmale beim Weizen. I.* // *Ztschr. indukt. Abstammungs- und Vererbungslehre*. Bd. 42, H. 1/2. S. 47–92.
86. *Collembola*, собранные экспедицией В.А. Догеля и И.И. Соколова в Британской Восточной Африке // Рус. энтомол. обозрение. Т. 20. С. 180–196.
87. Обзор важнейших новинок генетической литературы за 1923–1925 гг. // Тр. Ин-та прикл. ботаники и селекции Т. 15, № 5. С. 69–74.
88. Вильям Бэтсон // Природа. № 11–12. С. 69–74.
89. Эволюционная идея в биологии. 2-е изд. М.: Сабашниковы. 244 с.
90. Наследственность. 3-е изд. М.; Л.: Госиздат. 280 с.
- 90*¹. *Общедоступная биология*. 8-е изд., перераб. Л.: Сеятель. 120 с.
- 90*². Новости евгенической литературы // Рус. еugen. журн. Т. 4, вып. 2. С. 95–98.
- 90*³. Рец. на книгу: *Кронтовский А.А. Наследственность и конституция*. Киев: Госиздат Украины // Там же. С. 100.

1927 г.

91. *Variabilität und Variation*. В.: Bornträger. 101 S.
92. К генетике булавовидной пшеницы (скверхеда) / Юбилейный сборник И.П. Бородина. Л.: С. 83–93.

93. О поглощающем влиянии скрещивания // Изв. Бюро по генетике и евгенике Акад. наук. № 5. С. 1–38.
94. Über die Vererbung der quantitativen Merkmale beim Weizen // V Intern. Kongr. Vererbungswiss: (Referate). S. 63–64.
95. Успехи генетики за последние 10 лет (1918–1927) // Тр. Ленингр. о-ва естествоиспытателей. Т. 62, вып. 1. С. 3–11.
96. Частная генетика. Ч. I. Растения. Л.: Сеятель. 239 с.
97. Изменчивость и методы ее изучения. 3-е изд. М.; Л.: Госиздат. 316 с.
- 97*. Die russische rassen-hygienische Literatur, 1921–1925 // Arch. Rassen und Gesellsch. Biol. Bd. 17, H. 3. S. 346–348.

1928 г.

98. Частная генетика. Ч. II. Животные. Л.: Сеятель. 279 с.
99. Über die Vererbung der quantitativen Merkmale beim Weizen: Verhandl. V Internal. Kongr. Vererbungswiss // Ztschr. indukt. Abstammungs- und Vererbungslehre. Suppl. = Bd 2. S. 1184–1192.
100. О мнимых случаях простого расщепления // Изв. Бюро по генетике Акад. наук. № 6. С. 1–32.
101. Untersuchungen an Haustieren in Turkestan // Ztschr. Züchtungskunde. Bd. 3, H. 8. S. 398–417.
102. Наследование одаренности // Человек. № 1. С. 10–22.
103. О согласовании генетической и зоотехнической работы // Материалы совещ. по учету животноводств. богатств СССР. М.: Изд-во АН СССР. С. 20–32.
104. Общедоступная биология. 12-е изд. Л.: Сеятель. 224 с.
- 104*. The Norwegian eugenic program // Eugenics Rev. Vol. 19, January. P. 294–298.

1929 г.

105. Гены и развитие формы колоса у пшеницы // Изв. Бюро по генетике Акад. наук. № 7. С. 1–30.
106. Zur Frage nach der Berechnung der Faktorenzahl bei Vererbung quantitativen Merkmale // Ztschr. indukt. Abstammungs- und Vererbungslehre. Bd. 51. S. 245–248.
107. Ein neues Fall von Speltoidmutationen beim Weizen // Ibid. Bd. 52, H. 4. S. 406–413.
108. Gene und Entwicklung der Ährenform beim Weizen // Biol. Ztschr. Bd. 49, H. 4. S. 1–16.
109. В.А. Вагнер // Природа. № 4. С. 238–294.
110. Генетика. М.; Л.: Госиздат. 379 с.
111. Изменчивость и методы ее изучения. 4-е изд. М.; Л.: Госиздат. 275 с.
112. Біологія для всіх: Пер. на укр. “Общедоступная биология”. Киев. 210 с.
- 112*. Обзор важнейших новинок генетической литературы за 1923–1926 гг. / Тр. Ин-т прикл. ботаники и селекции. Т. 15, № 5. С. 29.

1930 г.

113. Über die systematische Stellung des Einkornweizens und nochmals über die Entwicklung der Weizenähre // Ztschr. indukt. Abstammungs- und Vererbungslehre. Bd. 54, H. 1/2. S. 311–318.
114. Еще раз к вопросу о генах и развитии колоса у пшениц // Изв. Бюро по генетике Акад. наук. № 8. С. 1–18.
115. Морфология и физиология наследственности (Доклад) // Тр. VI Всесоюз. съезда зоологов. Киев. С. 15–30.

Опубликованы посмертно

116. Генетика и ее значение для животноводства в СССР. М.: Сельхозгиз. 64 с.
- 116*. Общедоступная биология. 16-е изд., пересмотр. М.; Л.: Госиздат. 1931.
117. Экспериментальная зоология. Л.: Медгиз. 1932. 304 с.
118. Генетика мягких пшениц (совместно с Т.К. Лениным). М.: Сельхозгиз. 1934. 262 с.
- 118а. Эволюционная идея в биологии. 3-е изд. М.: Наука. 1977. 228 с.
- 118б. Изменчивость и методы ее изучения. 5-е изд. М.: Наука. 1978. 340 с.
- 118в. Генетика мягких пшениц. 2-е изд. М.: Наука. 1979. 312 с.

Рукописные материалы

119. Historica. Записная книжка Ю.А. Филиппенко с обозначением главнейших дат из истории Лаборатории генетики АН СССР, начинаая с учреждения Бюро по евгенике в 1921 г. Архив Н.Н. Медведева.

Основные литературные источники, использованные при составлении очерка

120. Бляхер Л.Я. Проблема наследования приобретенных признаков. М.: Наука. 1971. 272 с.
121. Вавилов Н.И., Якушкина О.В. К филогенезу пшениц. Гибридологический анализ вида *Triticum persicum* Vav. и межвидовая гибридизация у пшениц // Тр. Ин-та прикл. ботаники и селекции. 1925. Т. 15.
122. Васильев Б.И. К цитологии спельтоидов // Изв. Бюро по генетике. 1929. Вып. 7.
123. Васин Б.Н. Эволюция шерстного покрова овец. Л.: Наука. 1969. 283 с.
124. Волоцкой М.В. Физическая культура с точки зрения евгеники // Физическая культура в научном освещении. 1924.
125. Волоцкой М.В. О некоторых течениях в современной евгенике // Там же.
126. Гайсинович А.Е. Из истории науки: У истоков советской генетики. Ч. 1. Борьба с ламаркизмом (1922–1927) // Генетика. 1968. Т. 4, вып. 6. С. 158–175.
127. Гальтон Ф. Наследственность таланта (1869): Рус. пер. с англ. СПб.: Знание, 1875. С. 206–207.
128. Добржанский Ф.Г. К вопросу о наследовании приобретенных признаков // Преформизм или эпигенезис? Вологда: Сев. печатник. 1926. С. 27–47.
129. Жуковский П.М. Предисловие // Классики советской генетики. Л.: Наука, 1968. С. 6–7.
130. Заварзин А.А. Юрий Александрович Филиппченко: Некролог // Тр. Ленингр. о-ва естествоиспытателей. 1930. Т. 60, вып. 2. С. 2–16.
131. Керкис Ю.Я., Полищук А.М. Цивилизация и наследственные болезни // Природа. 1969. № 1. С. 33–40.
132. Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974. 522 с.
133. Кузин Б.С. Кризис преформизма // Преформизм или эпигенезис? Вологда: Сев. печатник, 1926. С. 51–61.
134. Лепин Т.К. Географическая изменчивость персидских пшениц // Изв. Бюро по генетике и евгенике. 1927. Вып. 5.
135. Лепин Т.К. Изменчивость количественных признаков у твердых пшениц // Там же. Вып. 6.
136. Лепин Т.К. Наследование количественных признаков у твердых пшениц. Ч. 1. Наследование длины чешуи в скрещиваниях *Triticum polotsum* × *Triticum durum* // Изв. Бюро по генетике. 1929. Вып. 7.

137. *Лепин Т.К.* Наследование количественных признаков у твердых пшениц. Ч. 2. Наследование длины зубца в скрещиваниях *Triticum durum* × *Triticum persicum* // Там же. Вып. 8.
138. *Лобашев М.Е.* Генетика в Ленинградском университете. // Исследования по генетике. Л.: 1967. С. 3–18.
139. *Лобашев М.Е.* 50 лет кафедре генетики и селекции Ленинградского университета // Генетика. 1969. Т. 5, вып. 10. С. 182–189.
140. Материалы Особого комитета АН СССР по исследованию союзных и автономных республик: (Серия Казахстанская) // Отчеты о работе животноводственного отряда экспедиции за 1926 г. Л.: 1927. Вып. 8.
141. Материалы Особого комитета АН СССР по исследованию союзных и автономных республик: (Серия Казахстанская) // Отчеты о работе животноводственных отрядов экспедиции за 1927 г. Л.: 1927. Вып. 8.
142. Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР // Отчеты о работе животноводственных отрядов экспедиции за 1928 г. Л.: 1929. Вып. 22.
143. *Медведев Н.Н.* Гены и развитие признаков. Исследование роста имажинальных дисков глаза нормальной линии и трех мутационных рас – *Lobes*, *glass²* и *eyeless²* у *Drosophila melanogaster* // Тр. Ин-та генетики АН СССР. 1935. Т. 10. С. 119–151.
144. *Морган Т.* Наследственны ли приобретенные признаки? // Наследственны ли приобретенные признаки? Л.: Сеятель. С. 5–28.
145. Народное хозяйство СССР в 1969 г.: Стат. сборник. М.: Статистика, 1970.
146. *Нейфах А.* Пересадка ядер: Новые возможности // Лит. газ. 1969. № 31. С. 11.
147. *Петропавловский Р.* Повторение человека? Сомнительная цель // Там же. 1969. С. 11.
148. *Розанова М.А.* Юрий Александрович Филиппченко: Некролог // Журн. Рус. ботан. о-ва. 1930. Т. 15, вып. 1. С. 187–190.
149. *Рокицкий П.Ф.* Развитие генетики животных в СССР // Генетика. 1967. Т. 3, вып. 10. С. 75–85.
150. *Слепков В.Н.* Т.Г. Морган и Ю.А. Филиппченко: Наследуются ли приобретенные признаки? // Под знаменем марксизма. 1925. № 7. С. 234–237.
151. *Стивенсон А., Дэвисон Б.* Медико-генетическое консультирование: Пер. с англ. М.: Мир, 1972. 504 с.
152. *Филиппченко А.А.* Юрий Александрович Филиппченко: Биограф. очерк и список печатных трудов Ю.А. Филиппченко // Тр. Лаб. генетики АН СССР. 1932. № 9. С. 1–11.
153. *Флоринский В.М.* Усовершенствование и вырождение человеческого рода. 1866. С. 8–30.
154. *Фролов И.Т.* Генетика и диалектика. М.: Наука, 1968. 360 с.
155. *Штэхер Г.Г.* Вырождение и евгеника. М.; Л.: Госиздат, 1927. 96 с.
156. *Boveri Th.* Ergebnisse über die Konstitution der chromatischen Substanz des Zellkerns. Jena: Fisher, 1904.

157. *Conclin E.G.* Heredity and Environment. Princeton: Univ. press, 1915.
158. *Correns C.* Über nichtmendelnde Vererbung // Verhandl. V Intern. Kongr. B., 1928.
159. *Driesch H.* Philosophie des Organismen. 4. Aufl. B.: 1928.
160. *Fraser G.R.* The implications of prevention and treatment of inherited disease for the genetic future of mankind // J. Genet. Humaine. 1972. Vol. 20, N 3. P. 185–205.
161. *Loeb L.* The organism as a whole. N.Y. 1916. Рус. пер.: Лоеб Л. Организм как целое. (Современные проблемы естествознания. Кн. 33).
162. *Morgan T.H.* Chromosomes and heredity // Amer. Natur. 1910. Vol. 44. P. 449–496.
163. *Morgan T.H.* Sex-linked inheritance in *Drosophila* // Science. N.S. 1910. Vol. 32. P. 120–122. Рус. пер. в кн.: Морган Т. Избранные работы по генетике. М.: Сельхозгиз, 1937. С. 3–7.
164. *Muller H.J.* The problem of genic modification // Ztschr. induct. Abstammungs- und Vererbungslehre. 1928. Suppl. = Bd. 1. S. 234–260. Рус. пер. в кн.: Мёллер Г. Избранные работы по генетике. М.: Сельхозгиз, 1937. С. 178–205.
165. *Nilson-Ehle H.* Kreuzungsuntersuchungen an Hafer und Weizen. I // Lunds Univ. Årsskr. N.F. 1909. Bd. 5.
166. *Nilson-Ehle H.* Kreuzungsuntersuchungen an Hafer und Weizen. II // Ibid. 1911. Bd. 7.
167. *Schleip W.* Entwicklungsmechanik und Vererbung bei Tieren. B.: Bornträger, 1927.
168. *Wettstein Fr.* Morphologie und Physiologie der Formwechsels der Moose auf genetischer Grundlage // Bibl. Genet. 1928. T. 10.

Приложение

Н.Н. Медведев

и его книга

“Юрий Александрович

ФИЛИПЧЕНКО”

Несколько слов об авторе книги

Николай Николаевич МЕДВЕДЕВ принадлежал к первому, в буквальном смысле, выпуску генетиков – воспитанников Ю.А. Филипченко, создателя первой в нашей стране кафедры генетики в Ленинградском университете.

Он был среди тех первых студентов, для которых под руководством Ю.А. Филипченко создавались новые учебные курсы, разрабатывались практические занятия. С их участием закладывался и на них апробировался фундамент будущей системы подготовки квалифицированных генетиков. Чувство благодарности судьбе за счастье одним из первых войти в открывавшийся мир новой науки и за возможность общения с удивительным человеком, каким был Ю.А. Филипченко, Н.Н. Медведев бережно хранил в течение всей своей далеко не безмятежной жизни.

Всю жизнь он собирал и хранил сведения о своем учителе, намереваясь рассказать о нем будущим поколениям. Но только на склоне лет он написал о нем небольшой очерк и попытался опубликовать его отдельной книгой. Хотя учеников у Ю.А. Филипченко было немало, Н.Н. Медведев первым взялся за это дело. Каких усилий стоило ему это и в какой мере удалось довести до конца задуманное, – об этом пойдет речь ниже.

Однако прежде кратко расскажем о самом Н.Н. Медведеве.

Родился Николай Николаевич Медведев 7 августа 1899 г. в семье крестьянина деревни Царево Череповецкого района Новгородской губернии (ныне Вологодской области).

В 1914 г. он закончил местное двухклассное училище, получив неполное среднее образование. Программа двухклассного училища примерно соответствовала восьми классам средней школы. Поэтому в дальнейшем ему пришлось приложить немало усилий для того, чтобы подтянуть уровень своей подготовки до программы гимназического курса, необходимой для поступления в какое-либо среднее или высшее учебное заведение.

В 1915 г. он поступил в телеграфное училище, не оставляя надежды на дальнейшее продолжение своего образования. Война 1914–1918 гг. и мобилизация трех старших братьев вынуждали искать заработок для поддержания родителей и пришедшего в

упадок хозяйства. Закончив через полгода училище, Николай Николаевич приобрел специальность телеграфиста, стал работать на железной дороге и получать ощутимую для своего возраста и квалификации зарплату, которая давала возможность не только самостоятельно существовать, но даже немного помогать родителям.

Телеграфистом на железной дороге он работал до 1922 г. и все эти годы усиленно занимался самообразованием по существовавшему тогда многотомному изданию “Гимназия на дому”.

В 1922 г. после окончания гражданской войны ему через профсоюз была предложена путевка для поступления в Петроградский университет на общих основаниях. Он встретил это предложение с двойственным чувством: с одной стороны, это было как раз то, о чем он мечтал все предыдущие годы; с другой – неуверенность в том, что сможет выдержать вступительные экзамены. Верх одержало первое, и он отправил по почте заявление с необходимыми документами.

Отпуск для сдачи вступительных экзаменов был разрешен только на неделю, но Николай Медведев успешно выдержал вступительные экзамены и вернулся на работу со справкой о зачислении его студентом биологического отделения физико-математического факультета Петроградского университета. До конца своих дней он всегда говорил, что эта первая справка из университета доставила ему гораздо больше радости, чем все последующие аттестаты, дипломы и т.д., – уже почти выцветшая, она и ныне занимает первое место в его личном деле.

Учеба и первые годы научной деятельности протекали весьма успешно, чему во многом способствовала царившая на кафедре генетики атмосфера непринужденности и доброжелательности, которую умел создавать и поддерживать ее заведующий – Юрий Александрович Филипченко.

В 1926 г., будучи еще студентом, Н.Н. Медведев принял участие в первой животноводческой экспедиции в Казахстан. Затем были экспедиции в Среднюю Азию в 1927 и 1928 гг., причем в 1928 г. ему было поручено руководство одним из отрядов экспедиции в Киргизскую республику. После окончания биологического отделения ЛГУ в 1927–1928 учебном году и по представлению профессора Ю.А. Филипченко он был зачислен аспирантом на той же кафедре.

От дальнейшего участия в работе экспедиций он был освобожден, так как его аспирантская диссертация была связана уже с другим объектом – дрозофилой, большой практикой на которой он проходил под руководством пришедшего на кафедру в 1925 г. Ф.Г. Добржанского.

В 1931 г. Н.Н. Медведев защитил кандидатскую диссертацию “Тени и развитие признаков”.

* * *

Второй период научной деятельности Н.Н. Медведева (1932–1941 годы) протекал уже в иных условиях.

4 ноября 1933 г. Лаборатория генетики Петергофского биологического института, где работал Н.Н. Медведев, была реорганизована в Институт генетики, директором которого был избран Н.И. Вавилов.

В 1934 г. Институт генетики был переведен в Москву.

Институт располагал хорошей материальной и технической базой, опытными полями и оранжереями, были созданы благоприятные условия для развертывания исследований по всем основным направлениям генетики.

Однако этому не способствовала та дискуссия в биологической науке, которая, начиная со второй половины двадцатых годов, становилась все более и более острой, а вера в унаследование приобретенных признаков – ламаркизм уже к середине тридцатых годов приобрел характер общеобязательной биологической и философской доктрины. Работать в рамках классической генетики становилось все труднее, и эти трудности не могли не отразиться на исследованиях едва ли не каждого ученого тех лет.

* * *

В самом конце 1940 г. директором Института генетики стал Т.Д. Лысенко. Первым шагом его в новом качестве была основательная чистка кадрового состава института.

5 февраля 1941 г. Н.Н. Медведев со штатной единицей был переведен в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР. Но и здесь он задержался недолго – 23 августа 1941 г., наряду с другими генетиками института, он был уволен “по сокращению штатов института”.

Шла война. В конце августа всех уволенных из института сотрудников призвали в народное ополчение, несколько дней продержали на казарменном положении, но потом всех лиц с учеными степенями, не имевших какой-либо военной специальности, по распоряжению военного командования распустили с напутствием трудоустроиваться по своей инициативе.

О трудоустройстве в Москве тех дней нечего было и думать – Москва спешно эвакуировала все, что было нужно и можно.

В течение сентября ему с трудом удалось эвакуировать из Москвы жену и сына, сам же он снова вернулся в Москву.

Случайная встреча Н.Н. Медведева со знакомым микробиологом С.С. Речменским, который работал в Московском военном госпитале (в Лефортове), определила его работу не только в годы войны, но и всю послевоенную деятельность уже в составе медицинских учреждений страны. Из разговора с Речменским выяснилось, что лаборатории госпиталя нужен врач-лаборант или просто лаборант для выполнения биохимических анализов крови больных. Попытки найти специалиста в разных медицинских институтах ввиду их эвакуации из Москвы были безуспешны.

11 октября 1941 г. Н.Н. Медведев был зачислен на должность медлаборанта госпитальной лаборатории, принял военную присягу и срочно приступил к организации работы биохимического кабинета.

Надо заметить, что по своему характеру Николай Николаевич всегда отличался большой аккуратностью и добросовестностью – качествами, как нельзя лучше подходящими для такой работы. Не имея специального медицинского образования, он за время работы в госпитале ни разу не подвергался никаким экзаменам или собеседованиям, что было бы вполне естественным. За три года службы в госпитале ему пять раз выражали благодарность за отличную работу.

Когда появилась возможность перейти на научно-исследовательскую работу, он был “уволен по собственному желанию в звании капитана медицинской службы” приказом от 18 сентября 1944 г.

* * *

Увольнение Н.Н. Медведева из военного госпиталя было осуществлено по запросу Всесоюзного института экспериментальной медицины им. Горького (директор Н.И. Гращенков) в связи с подготовкой к созданию Академии медицинских наук согласно постановлению СНК СССР от 30 июня 1944 г. Одной из ближайших задач АМН являлась организация экспериментальных исследований по основным медицинским и медико-биологическим проблемам.

Н.Н. Медведев был зачислен заведующим кабинетом экспериментальной генетики рака в Лабораторию онкологии (профессор Л.М. Шабад). В этой лаборатории Н.Н. Медведев впервые познакомился с новыми для себя и вообще для советской науки экспериментальными моделями – инбредными мышами, с которыми оказалась связанной вся его дальнейшая научная и научно-организационная деятельность в АМН.

Вскоре Н.Н. Медведеву, как и огромному большинству советских генетиков, снова пришлось пережить трудные времена.

Опуская детали событий, последовавших после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 г., достаточно отметить, что с 1 февраля 1950 г. Николай Николаевич с должности старшего научного сотрудника был переведен на должность младшего научного сотрудника, а с 15 ноября 1952 г. и вовсе освобожден от занимаемой должности по “реорганизации института”. При этом одним из членов комиссии, занимавшейся штатами “реорганизуемого” института (академиком А.И. Серебровым), было без обиняков заявлено, что, помимо всего прочего, он не имеет права занимать научные должности в Академии медицинских наук еще и потому, что не имеет медицинского образования. Понятно, что изобретаемые каждый раз поводы для “реорганизации” того или иного учреждения были лишь прикрытием для увольнения с работы генетиков.

Хорошо владея английским языком и будучи знаком с рядом медико-биологических проблем по первоисточникам, Н.Н. Медведев обратился в издательство иностранной литературы (ныне – издательство “Мир”), куда охотно был принят 23 февраля 1953 г. первоначально на должность научного, а через полгода переведен на должность старшего научного редактора и заведующего группой “Научной информации”. К тому времени в том же издательстве работал научным редактором и другой генетик – Б.Н. Сидоров.

В сентябре 1954 г. Л.А. Зильбер, возглавлявший в то время отдел вирусологии и онкологии Института эпидемиологии и микробиологии им. Гамалеи АМН (ИЭМ им. Гамалеи), предложил Н.Н. Медведеву перейти к нему на должность старшего научного сотрудника и его заместителя по отделу со штатом около 80–90 человек. Хотя соглашение между ними было достигнуто сразу, еще три месяца ушло на урегулирование всех формальностей, в частности, на преодоление сопротивления директора издательства П.И. Чувикова, который упорно не хотел отпускать Н.Н. Медведева на научно-исследовательскую работу по специальности.

С 1 марта 1955 г. Н.Н. Медведев приступил к работе в отделе профессора Зильбера.

Вторая половина пятидесятых годов проходила под знаком медленного восстановления генетики в Советском Союзе, а достижения в рамках этой науки за рубежом служили советским генетикам большим подспорьем. В те годы, кроме публикации ряда очень важных статей в защиту генетики, в основном в “Бо-

таническом журнале”, а также и в некоторых других изданиях, генетики уже смело выступали на различных совещаниях, проблемных комиссиях и т.п.

* * *

В ИЭМ им. Гамалеи Н.Н. Медведев проработал 23 года за вычетом двух лет, в течение которых он возглавлял Лабораторию экспериментальных животных при Президиуме АМН. Это был куда более спокойный и наиболее плодотворный период его деятельности, давший вполне определенные результаты.

Длительное пребывание Н.Н. Медведева в ИЭМ им. Гамалеи сначала в отделе Л.А. Зильбера, а потом в должности руководителя самостоятельной Лаборатории инбредных животных, протекало благоприятно во всех отношениях как со стороны руководства института (директорами его последовательно были Г.В. Выгодчиков, С.Н. Муромцев, П.А. Вершилова, О.В. Бароян), так и многочисленных сотрудников института (в штате института, включая технических сотрудников, было не менее полутора тысяч человек).

Все экспериментальные исследования тех лет, в том числе и работы лаборатории Л.А. Зильбера, выполнялись на беспородных животных. Николаю Николаевичу нетрудно было убедить руководство института в тех преимуществах, которые вытекали из опытов на инбредных животных.

Особую роль сыграло уже декларированное в те годы передовыми лабораториями Запада положение о том, что в каталоги и обзоры, учитывающие мировые исследования на животных, и в первую очередь на мышах, не включаются результаты работ, которые выполнены на беспородных, т.е. нелинейных животных. Поэтому первоочередную задачу Н.Н. Медведев видел в создании коллекции таких линий мышей, которые ближе всего удовлетворяли бы специфические запросы института.

Такая коллекция вскоре была им создана. В нее вошли как уже имевшиеся к тому времени в Союзе мыши, так и вновь выписанные из-за рубежа. Значительную помощь в этом деле ему оказывал Л.А. Зильбер. Не последнее место в коллекции заняли две лично выведенные Н.Н. Медведевым линии СС57BR и СС57W, которые к тому времени прошли уже 30 поколений инбридинга и по спросу на них вошли в первую пятерку вместе с наиболее популярными зарубежными линиями.

Кстати сказать, когда в ноябре 1952 г. Н.Н. Медведев был уволен по “реорганизации” института, то все попытки пристроить мышей этих линий в вивариях нескольких институтов, размещен-

ных в здании (дом № 8) по Балтийской улице в Москве, были тщетны. Поэтому в течение последующих двух с лишним лет, пока он работал в Издательстве иностранной литературы, они жили у него дома вместе с ним и его семьей в одной комнате. Таково было отношение в те годы ко всему, что было связано с генетикой, а тем более – с инбридингом.

В ноябре 1960 г. за выведение этих линий он был награжден медалью “За трудовую доблесть”.

Лаборатория инбредных животных при Президиуме АМН СССР, начало которой было положено Н.Н. Медведевым в бытность ее руководителем в 1960–1963 гг., успешно продолжает свое существование в Светлых Горах под Москвой (ныне НИЛ биомоделей РАМН. – *Сост.*)

Экспериментальные исследования на инбредных животных способствовали повышению методического уровня и теоретического значения работ советских ученых.

* * *

Хотя статьи с результатами исследований, проводимых советскими учеными на инбредных животных, печатались, за редкими исключениями, по-русски, они были замечены за рубежом, и в АМН последовало приглашение Советскому Союзу вступить в две международные организации по лабораторным животным: Международный Комитет по лабораторным животным при ЮНЕСКО ООН и Международный Комитет по стандартизации генетической номенклатуры для инбредных животных. Оба эти комитета, особенно второй, работали под руководством и при участии весьма компетентных зарубежных ученых.

Представителем АМН СССР в этих международных комитетах был назначен Н.Н. Медведев.

Установление личных контактов с зарубежными учеными имело большое значение. Прежде всего появился доступ к первоклассным питомникам лабораторных животных, что потом очень пригодилось в комплектовании питомника линейных мышей в ИЭМ им. Гамалеи.

Особо нужно отметить огромную многолетнюю, в том числе и зарубежную, переписку Н.Н. Медведева в годы, о которых часто принято думать как о времени полной изоляции нашей страны, лишенной якобы всяких международных связей.

С одной стороны, действительно, вслед за сессией ВАСХНИЛ 1948 г. по науке прокатился каток борьбы с космополитизмом, были закрыты научные (даже физические) журналы на иностранных языках.

Но с потеплением атмосферы внутри страны зарубежная переписка, проходившая, естественно для того времени, по служебному обратному адресу и, опять же естественно, досматривавшаяся, стала тем не менее возможной.

Уже в 1958 г. Н.Н. Медведев писал письма по 22 зарубежным адресам, и круг его корреспондентов продолжал расширяться. Шел обмен оттисками статей и книгами, так необходимыми после разгула лысенковщины.

В 1960-е гг. десятки корреспондентов откликались на просьбы Николая Николаевича о присылке оттисков работ по лабораторным животным, что позволило ему в короткие сроки стать главным специалистом страны в этой области, крайне важной для восстановления генетической культуры в экспериментальной биологии.

Но “специальные контролеры” конечно не дремали. В библиотеке Н.Н. Медведева среди многих иностранных книг хранится присланный Германом Мёллером сборник его избранных работ *Studies in GENETICS* (1962), из которого на пути его следования к адресату “кем-то” были вырезаны 10 страниц со статьей *Science in Bondage* (“Наука в рабстве”) – название статьи сохранилось в оглавлении.

Однако постепенно переписка расширялась, налаживались прерванные войной и железным занавесом научные и дружеские связи. В отдельные папки бережно складывались письма друзей далекой молодости – Феодосия Добржанского и Германа Мёллера.

Поздней осенью 1937 г., перед тем как навсегда покинуть Россию, Герман Германович посетил комнату в коммунальной квартире в Москве, чтобы попрощаться со своими друзьями – семьей Медведевых, которые работали с ним вместе в Институте генетики еще с ленинградских времен: Николай Николаевич – естественно как генетик, а Татьяна Григорьевна – как переводчик с родного для Мёллера немецкого языка и его помощник-лаборант. В этот вечер маленький восьмимесячный Герман, автор этих строк, успел посидеть на коленях у большого Германа.

Где-то на полках библиотеки Нобелевского лауреата Г. Мёллера возможно и поныне стоит, как память о русском периоде его жизни, полученная от Медведевых книга Николая Ивановича Вавилова “Пять континентов” с надписью:

Дорогому Герману Германовичу. На память о тех далеких днях, когда мы были счастливы работать все вместе, под идейным руководством автора настоящих очерков.

20 февраля 1963 г., Москва.

Татьяна Григорьевна
и Николай Николаевич
Медведевы, а также Герман

Трогательно писал Н.Н. Медведеву 4 декабря 1967 г. Феодосий Григорьевич Добржанский:

Хочется мне написать Вам, потому что сегодня так сказать “юбилейная дата”. 40 лет тому назад мы виделись в последний раз в туманное ленинградское утро на пороге вокзала! Тогда никому из нас и в голову не приходила мысль, что это может оказаться последний раз в жизни. По этому поводу можно развести всякую философию о непредсказуемости человеческой судьбы. Но без этой философии позвольте Вам послать в этот день старо-дружеский привет.

Искренне Ваш

Ф. Добржанский

За этими строками в памяти вставали и минуты расставания и сотни километров, которые в 1920-е гг. вместе прошли в казахстанских и киргизских экспедициях молодые ленинградские генетики Добржанский и Медведев.

Пройдут годы, но и в 1975 г. простое упоминание “невозвращенца” Ф.Г. Добржанского, всемирно известного ученого, унаследовавшего кафедру Т. Моргана, аукнется Н.Н. Медведеву одергиванием советского цербера (см. ниже).

Иностранная переписка Н.Н. Медведева в 1960–1970-е гг. иногда превышала 200 отправок в год. Его постоянными корреспондентами, кроме Мёллера и Добржанского, были Вальтер Хестон (W. Heston), Лэсли Данн (L. Dunn), Шарлотта Ауэрбах (Ch. Auerbach), Георг Снелл (G. Snell), Мэри Лайон (M. Lyon) и многие, многие другие.

Многoletние отношения связывали Н.Н. Медведева с сыном знаменитого генетика Лэсли Данна этнографом Стефеном Данном и его женой, замечательными, мужественными людьми, прикованными к инвалидному коляскам, но при этом ведущими активную творческую научную жизнь вплоть до участия в международных конгрессах и конференциях. Н.Н. Медведев регулярно в течение нескольких лет высылал Стефену журнал “Советская этнография”.

* * *

Перу Н.Н. Медведева принадлежит ряд монографий и научно-популярных книг.

Еще в 1935 г. Н.И. Вавилов, учитывая опыт педагогической работы Н.Н. Медведева на кафедре генетики ЛГУ, предложил ему написать практическое пособие по большому практикуму на дрозофиле “Законы наследственности в опытах с дрозофилой”, которое в рекордно короткий срок было напечатано в том же году. Как учебное пособие оно сыграло важную роль в подготовке кадров.

Во времена многолетних преследований генетики и изгнания ее из школьной программы Н.Н. Медведев всегда считал очень важной популяризацию генетических знаний, которыми на элементарном уровне должен обладать всякий грамотный человек. Он никогда не забывал слова своего учителя Ю.А. Филипченко: "...важно знать, а всякое знание дает плоды...". Этой цели способствовали научно-популярные книги Н.Н. Медведева "От чего зависит пол ребенка. Общедоступное изложение теории определения пола" (1961) и "Беседы по биологии пола" (1972, 1976). Последняя вышла тиражами 70 и 200 тыс. экз. Заслуженным авторитетом у специалистов пользовались "Линейные мыши" (1964) и "Практическая генетика" (два издания в 1966 и 1968 гг.). Особое место в этом ряду занимает книга об учителе и наставнике "Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО" (1978).

* * *

Краткий очерк о жизни и деятельности Н.Н. Медведева закончим отрывком из статьи И.А. Захарова, Б.В. Конюхова и А.М. Малащенко в журнале "Генетика" к 100-летию со дня рождения Н.Н. Медведева.

"Если в первый период своей научной деятельности, работая с дрозофилой, Н.Н. Медведев стал отличным знатоком этого объекта, то, работая с инбредными мышами, он долгие годы был непререкаемым авторитетом в области разведения и использования линейных мышей в генетике, экспериментальной онкологии и других областях биологии и медицины.

В 1968 г. Н.Н. Медведеву была присуждена ученая степень доктора биологических наук без защиты диссертации. Его книги – "Законы наследственности в опытах с дрозофилой", "Линейные мыши" и "Практическая генетика" (выдержавшая два издания) – были настольными руководствами у всех аспирантов и научных работников, проводивших исследования с использованием дрозофилы и лабораторных мышей. Н.Н. Медведев неоднократно ставил вопрос об огромной важности генетически стандартизованных животных для проведения научных исследований по биологии и медицине. Можно утверждать, что в результате таких настойчивых призывов Н.Н. Медведева и других биологов в нашей стране был построен ряд современных питомников для разведения инбредных линий лабораторных животных.

Последние годы, работая в ИЭМ, Н.Н. Медведев практически не вел экспериментальных исследований, поддерживал несколько линий мышей для других лабораторий Института и занимался литературной работой (второе издание "Практической

генетики”, популярная книга о генетике пола, монография о Ю.А. Филипченко).

Работал Н.Н. Медведев до марта 1978 г., умер 22 ноября 1979 г. и похоронен на сельском кладбище в поселке Светлые горы, Московской области, около созданной им НИЛ биомоделей РАМН.

Н.Н. Медведев очень любил русскую природу. Летом он обычно выезжал в деревню (на Волгу, на Селигер, в Псковскую область. – *Сост.*) и его страстным увлечением была рыбалка. Хотя следует отметить, что рыбу он не любил, а весь улов отдавал хозяевам дома. Ему нравился процесс рыбной ловли и общение с окружающей природой. Одному из нас (Б.В.К.) посчастливилось быть дважды с ним на рыбалке. Дни, проведенные вместе с Николаем Николаевичем, трудно забыть. Большая часть времени, даже в лодке на озере, проходила в разговорах о науке – генетике. Облик Н.Н. Медведева, его принципы порядочности и беззаветного служения науке, а также заслуживающая восхищения преданность своему учителю – одному из основоположников русской генетики Ю.А. Филипченко – останутся надолго в памяти генетиков и всех тех, кто его знал.

Трудно быть первым!

Место Юрия Александровича Филипченко в истории российской и мировой науки точными и емкими словами охарактеризовал ленинградский генетик Д.В. Лебедев в рецензии на книгу Н.Н. Медведева “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО”, опубликованной в № 9 журнала “Природа” за 1978 год:

“⟨...⟩ Жизненный путь Филипченко при желании может быть описан очень кратко, в немногих словах. Одно из них неоднократно будет повторяться. Это слово **первый**.

В 1913 г. начал читать **первый** в России **университетский курс генетики**, в 1917 г. защитил **первую** в нашей стране **докторскую диссертацию по генетике** и в том же году издал **первый университетский учебник** генетики на русском языке.

В 1918 г. Филипченко создал **первую университетскую генетическую лабораторию**, а в 1919 г. на ее основе – **первую кафедру генетики**.

В 1921 г. по его инициативе в Российской академии наук была организована **первая генетическая ячейка**, им же возглавленная, в 1923 г. вышел написанный им **первый у нас учебник, посвященный проблеме изменчивости и методам ее изучения**, и в том же году – **первое в нашей литературе критическое исследование истории эволюционной идеи в биологии**.

В 1927 г. Юрий Александрович издал **первый курс частной генетики растений**, а на следующий год – **первый курс частной генетики животных**.

Перед самой смертью, в 1930 г. Филипченко сдал в печать **первый советский учебник по экспериментальной зоологии**. ⟨...⟩”.

К 1930 г. (год кончины Филипченко) его книга “Общедоступная биология” всего за 7 лет выдержала 14(!) изданий. Уникальный пример в отечественной, а, возможно, и в мировой биологической литературе! Его популярные книги по евгенике, изданные в первой половине 1920-х гг., за которые он более всего подвергался жесточайшей критике, были, по мнению Н.Н. Медведева, лучшими на эту тему в то время и до сих пор не потеряли своей просветительской ценности.

После смерти Ю.А. Филипченко публикации о нем практически отсутствовали, а его многочисленные научные труды не

только не переиздавались, но и ранее изданные, в том числе учебники, по которым училось все первое поколение отечественных генетиков, были изъяты из большинства библиотечных фондов.

Получилось так, что не прошло и полувека после смерти ученого, одно упоминание имени которого должно вызывать чувство гордости за российскую науку, а его имя надо было извлекать из небытия.

Реабилитировать имя ученого, так много сделавшего для расширения генетических знаний в стране, и восстановить его достойное место в ряду отечественных генетиков было главной и единственной целью Н.Н. Медведева, когда он, тоже первый, решился написать книгу о своем учителе.

Понятно, что новые поколения биологов, чье образование пришлось на годы разгрома генетики и разгула лысенковщины, не слышали не только имени Ю.А. Филипченко, но и имен других выдающихся ученых, которые уже в начале прошлого века украшали не только отечественную, но и мировую науку.

Современному читателю интересно узнать, что в 1953 г. трехтомный “Энциклопедический словарь” утверждал, что “существуют две генетики: мичуринская и вейсманистская (...) Ныне в СССР безраздельно господствует мичуринская генетика, развиваемая трудами советских агробиологов”. Сегодня утверждение о существовании “двух генетик” звучит как анекдот, но об этом полезно иногда напоминать. Ведь эту “энциклопедическую” статью писал некий “специалист”, другой “специалист” эту статью рецензировал, а редакторы тематических разделов словаря, которых любой биолог без труда может обнаружить в выходных данных, наверняка числятся во всех энциклопедиях большими учеными.

Постепенно к середине 1960-х гг. начала возрождаться генетика без ярлыков, вернулось имя Н.И. Вавилова и других ученых, начали восстанавливаться прерванные на многие годы международные связи ученых.

И только имя родоначальника отечественной генетики Юрия Александровича Филипченко продолжало оставаться за плотной завесой умолчания. Почему?

Н.Н. Медведев видел две главные причины этого замалчивания.

Одна из этих причин со свойственной Н.Н. Медведеву прямо-той была четко сформулирована в его докладе “Евгенические идеи Ю.А. Филипченко и современность” 4 октября 1969 г. в родном для Николая Николаевича Ленинградском университете на юбилейной конференции, посвященной 50-летию кафедры гене-

тики и селекции, той самой первой в России кафедре генетики, которую в 1919 г. создал Юрий Александрович Филипченко и которой в 1969 г. заведовал Михаил Ефимович Лобашев. Доклад этот делал первый, в буквальном смысле слова, студент этой кафедры, ибо в 1922 г. на кафедру были зачислены первые два студента – Нина Яковлевна Федорова и Николай Николаевич Медведев.

Позднее содержание этого доклада составит, в основном, текст “глав преткновения” будущей книги Медведева, из-за которых ее выход задержится на несколько лет. Автору, добросовестно изложившему и проанализировавшему евгенические работы своего учителя, долго и упорно, “с цитатами в руках” придется доказывать, что эти работы Ю.А. Филипченко были исполнены гуманистических идей, адресуемых человеческому сообществу.

Но идеологические надолбы рушатся медленно, отвлекая людей от продуктивной работы и отнимая у них годы жизни. Современному, особенно молодому читателю стоит напомнить, что в перенасыщенные идеологией советские времена само упоминание понятия “евгеника” ставило ученого в положении подсудимого – он должен был оправдываться (в том числе и перед своими коллегами-учеными), например, в том, что у него нет ничего общего со сторонниками принудительной стерилизации “неполноценных” граждан и т.п.

Охранники большевистского режима, которые как раз и осуществляли идеологическую принудительную стерилизацию всей печатной продукции, вздрагивали от одного этого термина. Так, в декабре 1975 г. ученый секретарь Отделения философии и права АН СССР, кандидат философских наук И.Н. Смирнов, писавший по просьбе издательства отзыв на верстку очерка “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”, вменял в вину доктору биологических наук Н.Н. Медведеву “назойливое обращение к евгенике”, из чего делал вывод, что тот “не дает правильной, в необходимых случаях, критической оценки творчества Ю.А. Филипченко”, и тем определял судьбу будущей книги.

К этому мы еще детальнее вернемся позднее.

Однако поразительнее всего было то, что практически к такой же оценке главы книги по наследственности у человека и евгенике еще раньше, в 1973 г., пришли не только идеологические охранники-философы, но и биологи – сотрудники кафедры генетики и селекции ЛГУ, предлагавшие сократить ее, а еще лучше и вовсе исключить, по той причине, что “слишком много места занимают в тексте рассуждения об евгенике, для восприятия которой аудитория не была готова не только в 1930–1940-е гг., но и сейчас”. Представители родной кафедры Ю.А. Филипченко не только не пытались встать на защиту гуманистических идей своего

основателя, но споспешествовали тем, кто старался утопить не только его идеи, но и само имя ученого в реке забвения.

Н.Н. Медведев считал, что не рассматривать в своей книге евгенические работы Ю.А. Филипченко, как того добивались от него и родная кафедра, и издатели, он не мог – не имел права представлять ученого однобоко. Но, воссоздавая научный облик своего учителя, разбирая наряду с другими и евгенические работы Ю.А. Филипченко, Н.Н. Медведев дал им вполне объективную и критическую оценку, что было особо подчеркнуто позднее в отзывах биологов – академиков А.А. Баева, М.С. Гилярова, В.А. Энгельгардта и философа – члена-корреспондента И.Т. Фролова.

И можно ли не удивляться тому, что даже в 1978 г. после XIV Международного генетического конгресса в Москве 85-летний ленинградский генетик И.И. Канаев в письме Н.Н. Медведеву задавал вопрос: “Благодаря конгрессу не потеплел ли воздух для антропогенетики?” То есть – для генетики человека!

Такова была одна сторона проблемы, связанной с умолчанием имени Ю.А. Филипченко.

Другая ее сторона, как это ни парадоксально, – это сознательное умаление роли Ю.А. Филипченко в создании и развитии генетической науки в стране самими генетиками в годы, когда генетика уже получила право на свое существование и развитие.

Незадолго до своей кончины подытоживая “хождение по мукам с классиком подмышкой” – описание того, как происходило в издательстве “Наука” переиздание трех книг Ю.А. Филипченко, Н.Н. Медведев, – писал:

“(...) Я еще раз хочу вернуться к Юрию Александровичу Филипченко, его роли в развитии русской и советской науки и более широко – к сопоставлению московской и ленинградской генетических школ.

В конце 1950-х и первой половине 1960-х гг., по мере возрождения генетики, наряду с обсуждением назревших вопросов все чаще и назойливее в печати начал мелькать один и тот же тезис – все, что сделано по генетике в Советском Союзе, сделано московскими генетиками, и что еще важнее, сделано непосредственными учениками и учениками учеников Н.К. Кольцова. Имя же Ю.А. Филипченко или старательно замалчивалось, или о нем односложно упоминалось лишь мимоходом в тех случаях, когда не упомянуть его имя было бы просто неприлично – в основном, в связи с перечислением заслуг Н.К. Кольцова и всех многочисленных его учеников.

Постепенно, шаг за шагом вокруг имени Н.К. Кольцова был создан своего рода культ, ему стали приписывать роль “пророка”, предсказавшего чуть ли не все принципиально важные открытия, в том числе и зарубежных авторов первой половины текущего столетия.

Особенно постарался в этом отношении В.М. Полынин в своей книге “Пророк в своем отечестве” (М.: Советская Россия, 1969. 126 с.).

Прочтение этой книги у непосвященного читателя создает впечатление, что вся генетическая и биологическая наука в Советском Союзе ведет свое начало от Н.К. Кольцова, и что не будь его, наша генетика и биология до сих пор были бы в пеленках.

Главными пропагандистами и агитаторами в рассматриваемой ситуации были ныне покойные Б.Л. Астауров и П.Ф. Рокицкий¹.

До сих пор речь шла о старом, так сказать классическом, способе игнорирования роли Ю.А. Филипченко в развитии русской и советской генетики – в замалчивании его трудов на протяжении нескольких десятилетий.

В 1970-е гг. имели место неоднократные, уже прямые попытки помешать извлечь из забвения столь популярное в свое время имя Ю.А. Филипченко при переиздании трех его трудов²... <...>”

В этой связи для объективности приведем также слова известного генетика С.М. Гершензона из письма Н.Н. Медведеву 29 ноября 1969 г., вскоре после выхода книги В.М. Плынина-Блантера:

“<...> Кольцов сыграл большую положительную роль в развитии нашей биологии, прежде всего тем, что он (наряду с Ю.А. Филипченко) был пионером экспериментальной биологии в России. Ни тот, ни другой не были создателями этого направления – оно значительно раньше зародилось за границей; но они поняли его прогрессивное значение и, перенеся в Россию, не только пропагандировали его, но и впервые организовали серьезные экспериментально-биологические исследования в нашей стране. <...>”

Несомненно также, что Кольцов выдвинул некоторые важные идеи, в первую очередь представление о хромосоме как макромолекуле; хотя в этом вопросе у него и были предшественники, но он четче и убедительнее других развил свои взгляды по этому предмету.

Но, признавая эти бесспорные и очень большие заслуги Кольцова, обеспечившие ему заслуженно видное место в истории нашей биологии, нужно сказать, что собственные довольно малочисленные научные работы Кольцова – это всего лишь хорошие, вполне добросовестные, но отнюдь не выдающиеся исследования; подобных им в современной ему научной литературе было много и этим объясняется, почему мало ссылок на его исследования в научных статьях и книгах других авторов; никаких крупных открытий Кольцов не сделал, никакого переворачивающего науку “Кольцовского принципа”, приписываемого ему Плыниным, не существует.

¹ Астауров Б.Л. Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности. Биобиблиографии ученых СССР: Н.К. Кольцов. М.: Наука, 1976. 80 с.; Рокицкий П.Ф. Научные воззрения Н.К. Кольцова // Вопросы философии. 1972. № 7. С. 90–101; Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф. Н.К. Кольцов. М.: Наука, 1975. 168 с.

² Описание событий, связанных с переизданием трех книг Ю.А. Филипченко, изложено далее более подробно. – *Примечание составителя.*

Таким образом, Кольцова никак нельзя назвать “великим ученым” (эпитет, многократно употребляемый Пылиным) – Кольцов не Дарвин, не Мендель, не Морган, не Павлов. Рассказать читателям о роли Кольцова в истории отечественной биологии, отдать ему должное следовало, но нужно было при этом не искажать истину. <...>.

Я целиком за то, чтобы строго признавался приоритет наших ученых, но нельзя же изображать дело так, будто открытия Мёллера, Уотсона и Крика и ряда других зарубежных, а из русских – открытие, принадлежащее Четверикову – это якобы в первую очередь заслуги Кольцова, идеи которого они только экспериментально подтвердили! Нельзя писать, что Рокицкий открыл мутагенное действие высокой температуры, если это было сделано до него Мёллером; что Эфроимсон первый подсчитал частоту естественных мутаций, если это значительно раньше делали тот же Мёллер, Холдейн и ряд других. <...>

Утверждение, что Кольцов первый предложил попытаться вызвать мутации рентгеновскими лучами, тоже неверно – до него это было предложено и даже испытано (с частичным успехом) Литтлем и Бэггом на крысах <...>”.

Деление на московскую и ленинградскую генетические школы делалось Н.Н. Медведевым, понятно, не по географии или прописке, а по изначальному становлению ученого – его научной школе. В 1934 г. в результате перевода Академии наук из Ленинграда в Москву многие ленинградские биологи, в том числе и ученики Ю.А. Филипченко, географически стали москвичами. Говоря о ленинградской школе, он хотел лишь подчеркнуть этим ту нравственную традицию, согласно которой выпускники первой кафедры генетики в России на всю жизнь остаются “ленинградцами” и должны высоко нести и бережно охранять от недобросовестных оценок имя своего учителя. И делать это должны не менее активно, чем это делали по отношению к своему учителю ученики Н.К. Кольцова!

К сожалению, не все ленинградские генетики, воспитанники Ю.А. Филипченко, разделяли такую позицию Н.Н. Медведева; некоторые из них считали его забвение даже закономерным и справедливым.

В своих дневниковых записях Н.Н. Медведев не раз с горечью подчеркивал заявление, например, А.А. Прокофьевой-Бельговской (далее А.А. Прокофьевой), в особенности, когда речь заходила о сопоставлении роли в науке Н.К. Кольцова и Ю.А. Филипченко:

“Оба эти исследователя давно сошли с жизненной сцены и кому нынче придет в голову заниматься сопоставлением их роли в науке?... Роль Ю.А. Филипченко в науке ничтожна, и что, например, А.С. Серебровский сделал гораздо больше Ю.А. Филипченко... Кто сейчас цитирует Ю.А. Филипченко? Его уже давно забыли”.

Действительно, если имя ученого нигде не упоминать, а труды его отдать на съедение мышам, то кто же будет о них помнить, а тем более цитировать.

Такую оценку роли Ю.А. Филипченко в науке, может быть и не в столь резкой форме, уважаемая Александра Алексеевна по всей видимости не раз высказывала и в издательстве “Наука”, о чем Н.Н. Медведеву по этому поводу позднее твердили сотрудники издательства, в частности, заведующая ботанической редакцией Л.Н. Кузьмина, упрекая его в упрямстве и несговорчивости и ставя в пример А.А. Прокофьеву.

Однако обо всем по порядку.

* * *

В 1966 г. редакция журнала “Генетика” обратилась к Н.Н. Медведеву как одному из учеников Ю.А. Филипченко, написать статью о нем и его роли в развитии генетики в России и Советском Союзе.

Сведения о жизни и научной деятельности Филипченко Николай Николаевич собирал всю жизнь, а его книги, в том числе с автографами Юрия Александровича – золотой фонд его библиотеки, – бережно хранил как незабываемую память о своем учителе. Чтобы полнее представить облик этого замечательного человека, он, не надеясь только на свои собственные воспоминания и имеющиеся в его распоряжении документы и сведения, обращался к бывшим ученикам Ю.А. Филипченко с просьбой прислать свои воспоминания о нем.

На просьбу Н.Н. Медведева откликнулись многие люди, лично знавшие Ю.А. Филипченко, в том числе бывшие его ученики: Э.Ш. Айрапетьянц, Ф.Г. Добржанский, И.И. Канаев, Ю.Я. Керкис, Н.Н. Колесник, Я.Я. Лус, Ю.И. Полянский, Н.Я Федорова и др.

Постепенно объем собранных материалов намного превысил возможные пределы журнальной статьи, и тогда Н.Н. Медведев решил подготовить достаточно объемный очерк о Ю.А. Филипченко и издать его отдельной книгой. Эта идея была поддержана и всеми без исключения биологами, знавшими Ю.А. Филипченко, прежде всего его учениками. Позднее они же читали первые варианты рукописи Н.Н. Медведева, высказывали свои замечания, уточняли факты, снабжали фотографиями.

“Ленинградское дело”³

1972 год

В начале 1972 г. Н.Н. Медведев обратился по поводу издания очерка о Ю.А. Филипченко к своему давнему знакомому еще по студенческим годам в Ленинградском университете, заведующему кафедрой физиологии ЛГУ Э.Ш. Айрапетьянцу. Эрванд Шамирович лично хорошо знал Филипченко и готов был помогать Николаю Николаевичу как в обсуждении рукописи книги об их общем учителе, так и в ее издании.

Э.Ш. Айрапетьянц дважды прочитал рукопись Н.Н. Медведева до ее представления в издательство. Их переписка по рукописи книги о Ю.А. Филипченко, уточнению отдельных фактов и событий, особенно вопросов, касающихся травли Ю.А. Филипченко и причин его ухода из университета, занимает намного больше страниц, чем сама рукопись книги. Надо заметить, что Н.Н. Медведев предлагал Э.Ш. Айрапетьянцу выступить соавтором, но тот согласился только на роль ответственного редактора книги.

Совершенно естественным было обратиться с предложением об издании этой книги в alma mater – в издательство ЛГУ, которое выпускало серию “Выдающиеся ученые Ленинградского университета”, в которой Ю.А. Филипченко надлежало занять свое достойное место. В этой ситуации участие и помощь профессора Ленинградского университета Э.Ш. Айрапетьянца в работе с издательством должны были бы облегчить работу и автору, и издательству. На деле же все вышло несколько иначе.

В феврале рукопись книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”, прошедшую критику добровольных рецензентов, Н.Н. Медведев направил на отзыв на кафедру генетики и селекции ЛГУ. Для него мнение о его рукописи родной кафедры было очень важным. В полученном от кафедры отзыве, составленном доцентом М.М. Тихомировой, никаких серьезных замечаний или сомнений по ее содержанию не было.

Предложение об издании готовой рукописи Н.Н. Медведева о жизни и деятельности Ю.А. Филипченко было направлено в РИСО

³ Раздел подготовлен на основе переписки Н.Н. Медведева с Э.Ш. Айрапетьянцем и издательством ЛГУ. – *Примечание составителя.*

биофака ЛГУ Э.Ш. Айрапетьянцем. В ноябре он сообщил автору, что РИСО биофака это предложение одобрило и официально приняло ее к изданию с редподготовкой в 1973 г. и намерением выпустить книгу в свет во второй половине того же года.

23 декабря Н.Н. Медведев отправил свою рукопись “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” в издательство ЛГУ. В сопроводительном письме он, в частности, писал:

“⟨...⟩ Я предупрежден и согласен с тем, что это издание будет отнесено к категории безгонорарных. Более того, если бы оказалось, что в издательстве встретятся затруднения с подготовкой фото для клиширования, я мог бы взять связанные с этим хлопоты и расходы на себя, поручив эту работу специалистам одного авторитетного московского издательства. Для этого мне потребовалось бы знать лишь формат будущего издания.

Получение рукописи не откажите подтвердить и выслать издательский договор ⟨...⟩”

1973 год

Представленную Н.Н. Медведевым рукопись книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” издательство ЛГУ теперь уже по своей инициативе направило на рецензию на кафедру генетики и селекции университета. О том, каково было содержание рецензии кафедры (от 6 марта 1973 г.) автору неизвестно – издательство не ознакомило его с ней. Но так как никакой доработки рукописи издательство от автора не потребовало, то из этого следовало, что рецензия не содержала каких-либо критических замечаний и рукопись была принята к дальнейшей работе.

Останавливаемся на этом моменте только потому, что ровно через полгода мнение кафедры об этой же самой рукописи почему-то круто изменится.

Спустя некоторое время, издательство, несмотря на две положительные рецензии от профильной кафедры, полученные независимо сначала самим автором, а затем и издательством, стало предъявлять одну за другой претензии к содержанию рукописи. При этом представители издательства бесцеремонно адресовали их не автору, а ответственному редактору книги Э.Ш. Айрапетьянцу, который оказался в роли “мальчика для битья”.

Хотя Н.Н. Медведев и просил издательство освободить Эрванда Шамировича от лишних хлопот и все вопросы решать с ним, издательство продолжало действовать так, как ему (издательству) было удобнее. Видимо считалось, что на своего профессора, к тому же ответственного редактора книги, воздействовать легче, нежели на независимого от них автора.

Существо большинства претензий, предъявляемых издательством по дважды одобренной рукописи книги, автор так и не узнал – редакция все время уходила от непосредственного общения с ним и старалась прикрываться мнением профильной кафедры, на которую сама же довольно успешно и оказывала давление.

После очередных “наскоков” на Э.Ш. Айрапетьянца Н.Н. Медведев был вынужден написать главному редактору издательства следующее послание.

Многоуважаемый товарищ главный редактор!

Вчера я получил письмо Э.Ш. Айрапетьянца, в котором он поделился впечатлениями от нового обсуждения моей рукописи в редакции. Признаюсь, письмо произвело на меня тягостное впечатление.

Вопрос о фотографиях в моем очерке, посвященном Ю.А. Филипченко, может быть и не главный, хотя, как во всяком историческом труде, отнюдь не маловажный. Однако мне уже сейчас ясно, что большая их часть будет по тем или иным мотивам отвергнута. Тем самым под сомнение ставятся и те немногие остальные – они попросту будут выглядеть приведенными не к месту.

Действительно верно, что качество фотографий, в основном любительских, невысокое – к сожалению, пригодность их для настоящего труда нельзя было предусмотреть заранее. С другой стороны, может быть в этом и заключается их своеобразная прелесть. Но, если в число не воспроизводимых, в частности, отнесено фото с факсимиле из записной книжки Ю.А. Филипченко (Historica), то об остальных и впрямь говорить нечего.

Другой вопрос – это новая и настоятельная просьба редакции сократить текст⁴ и, что особенно поразительно, убрать рис. 1: “Рис. 1 в целом – непонятная схема и социологически, с сегодняшних позиций – сумбурная, вызывающая кривотолки”.

Прошу извинить меня за прямоту, но эта оценка свидетельствует о полном непонимании существа рассматриваемого вопроса, на чем я не могу останавливаться подробно – для этого нужно было бы написать целое послание. С сегодняшних социологических позиций кривотолки может породить многое, начиная с “Коммунистического манифеста”, “Диалектики природы”, портрета Пушкина с красным галстуком и т.д., и т.п.; этот список трудов, событий, раритетов можно продолжать до бесконечности. Но рис. 1 и статья, из которой он заимствован, опубликованы не сегодня, не вчера, а 48 лет назад, и с этой, и только с этой меркой к ним и надо подходить. Иначе будет история в кривом зеркале,

⁴ Речь идет о сокращении текста главы по наследственности у человека и евгенике. Упомянутый далее рис.1 воспроизведен из статьи Ю.А. Филипченко “Интеллигенция и таланты” и приведен в книге Н.Н. Медведева на с. 58. – *Примечание составителя.*

не говоря уже о том, что все трудные для генетики годы рассматриваемый рисунок и сама статья служили нам надежной защитой, как своего учителя, так и самих себя от бесконечных нападков мракобесов и фальсификаторов от науки.

Наконец, об объеме рукописи. Мне казалось, что этот вопрос давно решен, рукопись принята в представленных рамках. Однако, если редакция снова возвращается к этому вопросу, очевидно, имея к тому какие-то основания, то у меня нет уверенности в том, что очерк не предложат сократить уже в корректуре, когда отступать будет некуда. Этого положения я боюсь больше всего и потому предлагаю другое, более радикальное решение – не будет ли более благоразумным незамедлительно вернуть мне рукопись, и наш альянс считать не состоявшимся.

Прошу также принять во внимание, что моя переписка по поводу рукописи только с одним Э.Ш. Айрапетьянцем уже более чем вдвое превышает размер самого труда и лишь немногим меньше – переписка со всеми моими добровольными рецензентами и корреспондентами. Ни у меня, ни тем более у Э.Ш. Айрапетьянца, нет возможности без конца обсуждать одни и те же вопросы, не достигая в них никакого прогресса.

Неполучение от Вас прямого ответа на настоящее письмо, как то неоднократно имело место в прошлом, и разъяснений по затронутым вопросам я буду рассматривать как симптом неблагоприятный и в дальнейшем считать себя свободным от данных обязательств.

С искренним уважением

Н. Медведев

6 июня редакция отправила Н.Н. Медведеву письмо следующего содержания:

Уважаемый Николай Николаевич!

По существу Вашего письма главному редактору издательства ЛГУ могу сказать следующее.

Издательство не отказывается от издания брошюры о Ю.А. Филиппенко в объеме 5 листов (включая и рисунки). Но хотелось бы сказать определенно, что редакторская правка в Вашей рукописи неизбежна (как и в любой другой). И только Ваше категорическое возражение против какой-либо правки заставит нас отказаться от издания брошюры.

Очевидно, Эрванд Шамирович уже изложил суть нашего разговора в письме к Вам.

Зав. редакцией

Камилла Георгиевна Белявская

Конечно, Э.Ш. Айрапетьянц добросовестно и аккуратно “излагал” Н.Н. Медведеву суть разговоров по рукописи с редакцией издательства ЛГУ. Несмотря на полученные ранее положительные отзывы редакция начала предъявлять по рукописи не биологические, а идеологические претензии.

Разговор с издательством приобрел характер “политической” борьбы. Накал этой борьбы изложен в очередном письме

Э.Ш. Айрапетьянца. В отсутствие главного редактора замещающая его сотрудница коммунисту Айрапетьянцу на какое-то его несогласие с ними заявила: “Тогда придется нам с Вами идти с рукописью в обком” (для современного читателя – областной комитет компартии. – *Сост.*). Вот где в те годы могли определяться место и роль ученого в истории науки и решаться судьба книги о нем!

В частности, редакция категорически требовала изъять из рукописи даже малейшее упоминание о гнусной роли И. Презента в травле Ю.А. Филипченко, мотивируя это тем, что издательство “...имеет прямое указание не ворошить старое, т.е. никого не ругать, ни о ком плохо не вспоминать”.

Требование об изъятии ряда фотографий объяснялось, не столько плохим их качеством, сколько тем, что на них присутствовали живший в США Ф.Г. Добржанский, погибшие в заключении Г.А. Левицкий и Г.Д. Карпеченко, а также Ю.А. Филипченко на трибуне съезда генетиков и селекционеров.

Между тем Н.Н. Медведев безрезультатно ждал свою рукопись с замечаниями редакции и на полученное от 6 июня письмо 10 июня отправил К.Г. Белявской письмо следующего содержания.

Уважаемая Камилла Георгиевна!

Из Вашего письма с кратким изложением отношения издательства к моей рукописи, а также из более подробного письма Э.Ш. Айрапетьянца следует, что точки зрения сторон отнюдь не сблизились. Словесная же разница между Вашей прежней и теперешней позицией сводится к тому, что сейчас основу наших разногласий Вы усматриваете в так называемой редакционной правке. Вот соответствующие строки из Вашего письма: “И только Ваше (т.е. мое – *Н.М.*) категорическое возражение против какой-либо правки заставит нас отказаться от издания брошюры”.

Перед тем, как писать ответ я снова перечитал свое письмо от 19 мая и не нашел в нем ни одного слова, якобы говорящего о моей непримиримости с редакционной правкой. За подлинно конструктивную и, конечно, неизбежную во всяком труде правку нужно только благодарить редактора. Но, увы, правка бывает разная. Пока что я Вашей правки не видел (хотя, судя по письмам Э.Ш. Айрапетьянца, вычитка рукописи была начата еще в начале марта!) и потому обсуждать мое к ней отношение преждевременно. Когда эта работа будет закончена, тогда и подведем итоги. До тех же пор согласимся с Вами и будем называть эту работу “редакционной правкой”, невзирая на те неудобства, которые вытекают из этого весьма неточного понятия.

Итак, я жажду видеть Вашу редакционную правку как можно скорее.

Н. Медведев

Николай Николаевич так и не дождался своей рукописи с редакционной правкой.

22 сентября Э.Ш. Айрапетьянц писал Н.Н. Медведеву:

“⟨...⟩ Начинается сентябрь и где-то 10–15 сентября я получаю брошюру “Издательство Ленинградского университета. 1974 г. План выпуска литературы”. С радостью нахожу в разделе “Культура. Наука. Просвещение”, стр. 82 под номером 221: *Медведев Н.Н.* Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО. Под ред. проф. Э.Ш. Айрапетьянца. Л., Изд-во Ленигр. ун-та, 1974 (1 кв.). 5 л. 4000 экз. 50 коп.

И далее аннотация: 10 строчек – отличный гибрид из твоего, моего, издательского текстов. В конце аннотации сказано, что брошюра относится к серии “Выдающиеся ученые Ленинградского университета” и рассчитана на широкий круг читателей. С этим приятным чувством звоню Камилле Георгиевне, с которой я не беседовал 2½ месяца.

После обычных общих приветственных слов она вдруг холодным тоном заявляет:

“Но, Эрванд Шамирович, брошюра требует существенной редакции и основательной переработки. Издательство послало ее на повторную рецензию на кафедру генетики. Пожалуйста, переговорите с М.М. Тихомировой. Мы свои замечания написали на полях рукописи... Нет, нет, брошюра в нынешнем виде не может быть опубликована. Публиковать же мы будем, мы обязались публиковать, план утвержден министерством и объем такой, какой Вы требовали – 5 п. листов”. – “Сообщили ли Н.Н. Медведеву о Ваших требованиях?” – спрашиваю я. – “Нет, пока нет. После рецензии кафедры. Пусть отвечают за книгу Вы и кафедра, и Вы вместе с кафедрой и найдете общий язык с автором с учетом наших и кафедры замечаний”.

Я немедленно звоню Маргарите Михайловне. На следующий день приходит ко мне она с рукописью и напечатанной рецензией, полностью одобренной заведующим кафедрой Сергеем Георгиевичем Инге-Вечтовым. Рукопись полна карандашными изобильными замечаниями.

Рецензия М.М. Тихомировой краткая, на двух машинописных страницах, но с критическими замечаниями. Они касаются частью некоторых стилистических выражений, неудобных определений (вроде “на советской почве”, “в советских условиях”) и других пустяков. Однако с совпадением мнения с редакцией издательства о разделе, относящемся к евгенике. М.М. Тихомирова и кафедра настоятельно рекомендуют в какой-то мере исправить текст этого раздела и сократить всякие цитаты⁵.

⁵ Раздел книги, касающийся взглядов Ю.А. Филипченко на евгенику и наследственность у человека, написан по работам самого Юрия Александровича и его оппонентов-современников. Поэтому цитаты в нем были необходимы для сравнения взглядов разных сторон. Такая форма подачи материала была выбрана Н.Н. Медведевым совершенно осознанно, чтобы показать читателю, что ничего крамольного и тем более антигуманистического в евгенических работах Филипченко не было, и не за что было клеймить его как человеконенавистника или вдохновителя программы по “человеководству”. Антигуманистические настроения и взгляды скорее были присущи его оппонентам. – *Примечание составителя.*

Совершенно ясно, что М.М. относится к рукописи по-прежнему с доброй и высокой оценкой, однако твердо убеждена (также как и Сергей Георгиевич), что надо пойти на некие уступки редакции издательства (...)”.

К этому письму Э.Ш. Айрапетьянца была приложена написанная М.М. Тихомировой и одобренная кафедрой генетики и селекции ЛГУ рецензия – уже третья по счету! В первых двух ее (М.М. Тихомировой. – *Сост.*) рецензиях не содержалось никакой критики, а вот третья рецензия на ту же рукопись почему-то помимо небольшого перечня не совсем удачных авторских формулировок, чисто редакционного характера, содержала уже серьезные замечания по содержанию.

Собственно серьезные замечания по рукописи относились только к главе, касающейся евгенических взглядов Филипченко:

“(...) Много раз подчеркнуто, что талант это счастливое сочетание генов. Это еще рано писать в популярных брошюрах!

...В соответствии с объемом научной печатной продукции Ю.А. Филипченко слишком много места занимают в тексте рассуждения об евгенике, для восприятия которой аудитория не была готова не только в 30-40-е годы, но и сейчас (...)”.

Уже одно то, что в 70-е годы прошлого века такого рода замечания были сформулированы и одобрены учеными-генетиками и могли служить препятствием к опубликованию книги, кажется парадоксом даже для не очень посвященного в тонкости биологической науки читателя. В связи с этим возникает несколько вопросов.

Почему эти претензии не были высказаны М.М. Тихомировой ранее? Что вынудило М.М. Тихомирову отказаться от двух своих собственных положительных отзывов?

Почему, спустя полгода, М.М. Тихомирова и кафедра генетики и селекции, до тех пор не видевшие в рукописи изъянов, вдруг выявили некую “близорукость” автора и необходимость сокращения, а еще лучше изъятия из рукописи отдельных мест? Откуда шло давление?

Неужели работники издательства разбирались в рассматриваемых вопросах лучше автора и сотрудников профильной кафедры?

А между тем издательство, прикрываясь именно мнением профильной кафедры и непосредственно рецензента, требовало, чтобы их позицию занял и ответственный редактор книги Э.Ш. Айрапетьянц. Не издательство, а именно они – М.М. Тихомирова, кафедра и Э.Ш. Айрапетьянц – должны были довести до автора необходимость изъятия из рукописи отдельных разделов, т.е. попросту сами себя должны были высечь.

Печально, что в этой ситуации и рецензент, и родная кафедра, и в какой-то степени ответственный редактор забыли о главном – о том, чтобы впервые после смерти ученого, хотя бы ради исторической правды, рассказать о всем многообразии его научных работ, дав им соответствующую оценку, что собственно и было сделано Н.Н. Медведевым в его рукописи. И именно на эту объективную критическую оценку работ Ю.А. Филипченко, вокруг которых шли споры и сражения, данную самим автором книги, позднее обращали внимание другие ученые – рецензенты, вынужденные принимать участие в судьбе этой книги.

Можно ли было найти общее решение, которое в сложившейся ситуации удовлетворило бы все стороны?

Вот как оценивал ее Н.Н. Медведев в своем письме Э.Ш. Айрапетянцу 26 ноября 1973 г., когда тот настаивал на том, чтобы пойти на отдельные уступки издательству и вместе с кафедрой и его (Айрапетянца) участием попытаться выработать приемлемое совместное решение:

“{...} В выработке окончательной редакции рукописи мне противостоят, по крайней мере, четыре лица, разнообразным вкусам и требованиям которых, и в том числе зависящим от ситуаций, степени компетентности в вопросе и т.д., я должен удовлетворить. Согласись, что дело это действительно почти безнадежное. Я уж не говорю об энном числе возможных “теневых” консультантов, рецензентов и о других, еще более влиятельных лицах, о которых ты упоминал, в частности, в письме от 5 июня с/г. {...}”

Сказанное важно тем более, что речь в данном случае идет не о моем личном труде – это можно было бы и пережить – а о моем учителе. Его довольно терзали как при жизни, так и после смерти, и я никогда не простил бы себе малейшей оплошности, за которую было бы потом стыдно не только перед самим собой, но и перед своими товарищами.

Наконец, кратко еще раз к вопросу о перечне и объеме разногласий сторон.

В письме от 2 ноября ты писал мне, что редакция категорически отказывает в возврате рукописи на том основании, что имеющиеся в ней редакционные замечания суть неофициальные, частные мнения сотрудников издательства и что оно просит автора считаться с официальной рецензией М.М. Тихомировой – автор, дескать, сам поймет, где и что нужно исправить.

В письме от 10 ноября я уже отмечал мимоходом, что это любопытный документ, и я как-то не могу отделаться, от мысли, что моя благодетельница (М.М. Тихомирова. – *Сост.*) писала его под чью-то диктовку. Возьму из нее только одно замечание (параграф):

“В соответствии с объемом научной печатной продукции Ю.А. Филипченко слишком много места занимают в тексте рассуждения (!) об евгенике, для восприятия которой аудиторией не была готова не только

в 30-40-е годы, но и сейчас. С другой стороны, труды Филипченко по частной генетике растений и животных лишь упомянуты”. (...)

Труды Юрия Александровича по частной генетике растений и животных никто не критиковал, а если и критиковал, то не больше, чем любого другого генетика. (...) А вот критика его евгенических идей и связанных с ними работ по генетике человека была исключительно жестокой, с ярко выраженной политической направленностью. Об этом недобросовестные авторы зудя зудят и до сих пор!

Доколе...?

Автор рецензии, возможно, полагал раздел о евгенике низвести до 5-10 страниц, а может быть, и совсем выбросить – никакой предел им не указан. То же самое касается и отдельных сторон евгенических взглядов Ю.А. Филипченко. Нет, ничего из этого не выйдет. Напротив того, этот раздел следовало бы расширить в особенности в связи с нынешней ситуацией (автор, очевидно, имел в виду принятые в 1970-е гг. постановления правительства в рамках медицинской генетики. – *Сост.*).

Примерно в том же духе выдержаны почти все другие замечания рецензента. О чем писала М.М. Тихомирова в первой рецензии для издательства от 6 марта с/г мне неизвестно, она мне не была прислана. Но вот в ее “замечаниях” по рукописи, составленным 1-13 февраля 1972 г., нет решительно ни одного замечания по евгенической главе очерка. (...)

Мне остается подвести итоги всему сказанному:

1. Нигде во время нашей переписки я ни единым словом не возражал против так называемой редакционной правки, которую мне до сих пор не показали. При этом всюду речь шла об отношении к рукописи издательства и о тех разногласиях, которые возникли по согласованному с тобой окончательному тексту рукописи.

2. Твое условие о возврате рукописи и об ответственности за разрыв с издательством безоговорочно принимаю как вынужденное, но отнюдь не вытекающее из существа переписки с издательством и тобой.

3. Согласно твоему условию, уполномочиваю тебя незамедлительно изъять в редакции рукопись и все относящиеся к ней материалы и переслать мне. Последнее, конечно, редакция могла бы сделать и сама, но я потерял к ней всякое доверие.

4. Если ты будешь тянуть дело и дальше, то не позднее, чем через две недели я сделаю прямой запрос непосредственно главному редактору М.С. Куртыгину.

5. Могу тебя заверить самым искренним образом, что у меня нет какого-либо твердо принятого решения о разрыве с издательством, но весь тон переписки, и особенно запомнившаяся мне записка Белявской от 6 июня, говорят о том, что этот исход неизбежен. В сущности он, моему, уже давно состоялся, остается лишь внести в дело ясность (...)”

А между тем редакция категорически отказывалась вернуть Н.Н. Медведеву его рукопись. Позднее выяснилось, что анонимный для автора редактор издательства ЛГУ так “отредактировал” его рукопись, что редакция сама устыдилась такого “творчества”. И сейчас, когда ситуация перешла в состояние, не позволя-

ющее автору и издательству найти взаимоприемлемое решение, редакция испугалась вернуть автору его собственную ими “отредактированную” рукопись.

Вот такие нравы были в издательстве ЛГУ в те годы.

* * *

21 декабря 1973 г. Н.Н. Медведев был вынужден обратиться к директору издательства ЛГУ В.И. Саврасову:

Многоуважаемый тов. Саврасов!

Ввиду того, что мне не удалось согласовать с проф. Э.Ш. Айрапетьянцем и кафедрой генетики ЛГУ окончательный текст моей рукописи, посвященной профессору Ленинградского университета Ю.А. Филипченко, прошу Вашего распоряжения о возврате находящегося в редакции Вашего издательства первого экземпляра рукописи со всеми относящимися к ней фотографиями, а также приложенное на особой подклейке факсимиле росписи Ю.А. Филипченко, вырезанное мною из одной редкой фотографии.

С уважением к Вам,
доктор биологических наук

Н. Медведев

1974 год

Только в конце января 1974 г. по настоятельному требованию не только Н.Н. Медведева, но и Э.Ш. Айрапетьянца издательство возвратило автору его рукопись.

13 марта Н.Н. Медведев писал Э.Ш. Айрапетьянцу:

Дорогой Эрванд!

В последнем письме к тебе я обещал вернуться к причинам нашей неудачи с рукописью о Ю.А. Филипченко. В том же письме я упоминал также, что, несмотря на тщательную чистку, многие ремарки, особенно краткие и наиболее выразительные, можно легко прочесть. Из всей рукописи нетронутыми остались, дай Бог, полтора – два десятка страниц. Выразительные замечания пестрят даже напротив выдержек из трудов Филипченко!

У меня снова и снова возникает вопрос – на что ты рассчитывал, настаивая на моем приезде в Ленинград, неужели ты серьезно думал, что все эти многочисленные, в основном невежественные вопросы так легко можно было бы “снять” в редакции?

Отсюда тебе и ответ на твой вердикт – “таков уж капитан – все или ничего”.

Ставка, по-видимому, была сделана именно на “ничего”, на рожки да ножки от Юрия Александровича. (...)

Пишу все это не для того, чтобы снова ворошить пыль прошлых лет – отчасти я касался этого в предыдущих письмах, – а для того, чтобы отвести брошенный тобой упрек в моей несговорчивости – для этого не было почвы. (...)

Твой

Н. Медведев

* * *

Трудно сказать, сколько сил и нервов ленинградская эпопея отняла у автора и ответственного редактора, количество страниц переписки между которыми перевалило за две сотни. Оба они искренне желали добиться того, чтобы эта книга была выпущена издательством именно Ленинградского университета, но подход у каждого из них был несколько разным.

Э.Ш. Айрапетьянц не раз уговаривал Н.Н. Медведева идти на уступки редакции, “делать максимально возможную правку рукописи”, “идти на разумные компромиссы” и т.д. Вопрос был только в том, что считать разумным, допустимым, максимально возможным.

Впереди этой многострадальной рукописи предстоял еще долгий путь, а ее автору предстояло выслушать еще много раз упреки все в той же “несговорчивости”. Но каждый человек сам для себя проводит границу между несговорчивостью и принципиальностью.

И здесь еще раз хочется процитировать слова 75-летнего Николая Николаевича Медведева:

“(...) речь в данном случае идет не о моем личном труде – это можно было бы и пережить – а о моем учителе. Его довольно терзали как при жизни, так и после смерти, и я никогда не простил бы себе малейшей оплошности, за которую было бы потом стыдно не только перед самим собой, но и перед своими товарищами”.

* * *

29 марта 1975 г. на 70-м году оборвалась жизнь Э.Ш. Айрапетьянца. С описанными выше событиями драматически переключается описание последнего дня его жизни из письма, присланного Н.Н. Медведеву, В.Л. Балаксиной, его женой:

Дорогой Николай Николаевич!

Вернее нужно написать Коля Медведев, ибо так ты назывался в нашем доме, у нас с Эрвандом.

(...) Эрванд готовил конференцию, посвященную 100-летию А.А. Ухтомского. 28 марта пережил очередной взрыв, стресс, из-за

“проталкивания” в печать сборника, посвященного А.А. Ухтомскому. Нервничал, горячился, спорил с очередным “чиновником от печати”, каким-то работником Ленгоркома, приехал домой, возмущенный очередным бездушием и обманом; потом успокоился. <...>

Утром рано, не успев поднести ко рту чашку с водой, упал мне на руки и все <...>.

* * *

Только через три с лишним года Н.Н. Медведев смог послать В.Л. Балаксиной свою многострадальную книгу:

“...Может быть ты помнишь, что у меня с Эрвандом была длительная переписка по поводу возможности напечатания ее в трудах ЛГУ. К сожалению, она закончилась безрезультатно.

Эрванд прочитал бы ее с удовольствием. Теперь читай ты – как никак ты знала Ю.А. Филиппенко хорошо и, вероятно, слушала его лекции по генетике. <...>”.

* * *

На что уходили силы, годы, жизни!

“Московская Голгофа”⁶

Итак, “ленинградское дело” закончилось. Издательство Ленинградского университета не без содействия кафедры, созданной Ю.А. Филипченко, постаралось сделать все для того, чтобы спустя 40 с лишним лет после смерти ученого, книга о нем, не была издана, а сам он не попал в число “выдающихся ученых Ленинградского университета”.

Еще до завершения “ленинградского дела”, предвидя его исход, 25 сентября 1973 г. Н.Н. Медведев писал Э.Ш. Айрапетьянцу:

“... В заключение несколько слов о возможной дальнейшей судьбе рукописи. В одном московском издательстве рукопись берут к опубликованию также отдельной брошюрой, но при этом ставят два условия. Одно из них даже приятное, требующее некоторой дальнейшей работы над рукописью. Другое условие – изъять из нее все лирические отступления, касающиеся повседневной жизни кафедры, лаборатории, Петергофского института и т. д., а также все то, что связано с жизнью кафедры после смерти Ю.А. Филипченко и, в частности, с ее возрождением под руководством М.Е. Лобашева. Иначе говоря – выдержать очерк в строго академическом духе, как то может написать любой будущий историк науки, а не один из живых свидетелей ее успехов под руководством Филипченко. Это второе условие, с одной стороны, дало бы возможность с легкостью изъять из рукописи все те страницы, согласование которых стоило нам обоим больших совместных усилий, с другой стороны, придало бы очерку исключительно сухой, академический характер, что мне, понятно, не очень нравится.

Я пишу тебе и всем вам потому, что рассмотрение вопроса вступает сейчас в решающую фазу, и в этом смысле я не хочу делать никаких секретов. Копию настоящего письма я адресую М.М. Тихомировой для сведения ее и С.Г. Инге-Вечтомова”.

1974 год

Все надо было начинать сначала, теперь уже в Москве, в издательстве “Наука”.

И снова рукопись очерка, переработанную с учетом требова-

⁶ По материалам дневников Н.Н. Медведева “Diary”, “Day by day”, “Хождение по мукам с классиком под мышкой” и другим документам, отражающим историю издания его книги “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО” и переиздания трех книг Ю.А. Филипченко в издательстве “Наука”. – *Примечание составителя.*

ний серии “Научно-биографической литературы” издательства “Наука”, до представления в редакцию Николай Николаевич отдал на просмотр нескольким ведущим специалистам, и всеми она была одобрена. В частности, её одобрил Л.Я. Бляхер – член редакционной коллегии этой серии.

Ниже приведены фрагменты из отзывов рецензентов, касающиеся прежде всего тех разделов рукописи, вокруг которых в дальнейшем развернутся главные баталии.

Л.Я. Бляхер: “(...) Книга может быть рекомендована к изданию в “Научно-биографической серии” с учетом следующих замечаний. (...)”

Глава “У истоков генетической дискуссии (20-е годы)” написана хорошо. В ней, в частности, автор справедливо упрекает меня за недостаточное освещение взглядов Филиппенко в моей книге о наследовании приобретенных признаков. При публикации книги Н.Н. Медведева я прошу это место сохранить.

Очень подробно и правильно осветил автор работы Филиппенко по генетике человека и евгенике.

(...) дважды речь идет о Презенте. Сказать о нем то, что он заслуживает, конечно, нужно, но один раз и не в газетном стиле”.

И.И. Канаев: “Юрий Александрович Филиппенко (1882–1930) был одним из блестящих представителей отечественной генетики в нашей стране (в Петроградском университете), по его учебникам и статьям училось генетике несколько поколений молодежи. (...)”

В последние годы своей жизни Ю.А. Филиппенко и его труды подвергали несправедливой критике, а позже предали забвению.

Теперь, когда имя этого большого ученого реабилитировано, казалось бы, пришло время сообщить верные сведения о нем и его роли в развитии генетики в нашей стране. Но до сих пор такой работы еще не было, и вот, наконец, написан очерк о Филиппенко одним из его преданных учеников и сотрудников – Н.Н. Медведевым.

Юрия Александровича Филиппенко я знал в течение ряда лет, работая в его лаборатории, и это дает мне возможность в известной степени оценить труд Н.Н. Медведева – насколько верно он пишет о своем учителе. Мне приятно констатировать, что Медведев правдиво и честно, без преувеличений характеризует личность Филиппенко и его деятельность. Это очень важный момент для оценки книги Медведева – это свидетельство современника, в течение ряда лет общавшегося с Филиппенко. Уже многие ученики и сотрудники его ушли из жизни, и мало шансов, что кто-нибудь из оставшихся напишет о нем такую честную и обстоятельно составленную книгу как рецензируемая мною.

Читая книгу Медведева, иногда хочется упрекнуть ее автора за краткость. Однако, несмотря на это, в очерке Медведева фигура Филиппенко рисуется достаточно разносторонне. В этом очерке сконцентрирован большой и важный материал, благодаря чему Филиппенко оказывается все же сравнительно полно описанным.

На нескольких страницах автор характеризует ряд сотрудников и учеников Филиппенко. Это оживляет картину жизни лаборатории и

помогает лучше понять ее дух. Такое свидетельство очевидца, мне кажется ценным; этот раздел книги желательно бы расширить и дополнить, а местами улучшить с литературной стороны, избегая неудач фельетонного стиля.

Считаю, что книгу Н.Н. Медведева о Филипченко надо издать без сокращений и возможно скорее. Это будет очень ценный вклад в историю генетики в нашей стране <...>

А.А. Малиновский: <...> Ю.А. Филипченко является крупнейшим советским ученым и настоящая работа весьма ценна. Автор не только прекрасно знаком с биографическими фактами и научной деятельностью Ю.А. Филипченко, но и лично работал в контакте с ним, что увеличивает ценность книги. <...>

<...> необходимость вставки (уже в начале книги) относительно различных направлений в евгенике, поскольку в широких кругах читателей имеются весьма смутные и неточные определения. Но автор уже согласился с этим замечанием, и подобная вставка им была сделана.

Нужны, вероятно, некоторые, но небольшие сокращения из работ Ю.А. Филипченко по этой же проблеме и в описании причины ухода Ю.А. Филипченко из Ленинградского университета. Остальные замечания имеют чисто редакционный характер.

Считаю, что ценная и заполняющая важный пробел в истории нашей биологии книга Н.Н. Медведева "Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО" должна быть обязательно опубликована".

Н.П. Бочков: <...> Необходимость изданий биографий видных советских генетиков не вызывает сомнений. Такие книги будут способствовать воспитанию современных генетиков. Книга Н.Н. Медведева о профессоре Ю.А. Филипченко восполняет пробел в научно-биографической серии.

Ю.А. Филипченко первый из советских генетиков организовал кафедру генетики, написал учебник и тем самым заложил основы преподавания генетики. Ю.А. Филипченко многое сделал для распространения биологических и генетических знаний в своих многочисленных книгах и лекциях. Его работы по генетике пшениц и другим вопросам относятся к классическим.

Н.Н. Медведев написал объективную книгу о Ю.А. Филипченко и возможность ее публикации не вызывает сомнений <...>".

Редколлегия серии, направляя Н.П. Бочкову рукопись книги "Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО" на отзыв, просила его быть титульным редактором. В ответном письме, сопровождавшем положительный отзыв, Николай Павлович, в свою очередь, предложил на эту роль А.А. Прокофьеву. После этого она направила в редколлегию серии свое заключение.

А.А. Прокофьева: "Я ознакомилась с превосходной рукописью Н.Н. Медведева, посвященной жизни и научной деятельности профессора Ленинградского государственного университета Ю.А. Филипчен-

ко. Я считаю, что опубликование этой рукописи в виде книги более чем своевременно – она крайне желательна.

Ю.А. Филипченко – крупный ученый, создатель одной из первых кафедр генетики в нашей стране и первого учебника по генетике, по которому училось все старшее поколение генетиков.

Все это превосходно изложено Н.Н. Медведевым – одним из ближайших учеников Ю.А. Филипченко.

Я, как ученица Ю.А. Филипченко, буду считать за честь для себя быть ответственным редактором книги, ему посвященной и написанной таким хорошо всем известным ученым, как Н.Н. Медведев”.

Таким образом, до представления в издательство рукопись очерка Н.Н. Медведева “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” была одобрена известными учеными, имеющими прямое отношение к рассматриваемым в ней вопросам.

1975 год

29 января 1975 г. Н.Н. Медведев представил рукопись “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО” в редакцию научно-популярной литературы издательства “Наука” (зав. редакцией В.П. Лишевский) для издания в серии “Научно-биографическая литература”.

Ведущий редактор В.Н. Вяземцева тщательно изучала рукопись. На этапе издательского редактирования она потребовала от автора исключить из раздела, касающегося ухода Ю.А. Филипченко из Ленинградского университета, упоминание об И. Презенте и его роли в травле Ю.А. Филипченко, а также других сотрудников и студентов кафедры. Как известно, в 1920-е гг. профессор И. Презент начинал свою бурную карьеру в Ленинградском университете. В переписке Н.Н. Медведева с Э.Ш. Айрапетьянцем, очевидцев тех событий, этому вопросу было отведено немалое место.

Напомним, что в свое время издательство ЛГУ, помимо требования не касаться роли И. Презента в травле Ю.А. Филипченко, на что якобы имелось указание соответствующих органов, негативно относилось к главе по генетической дискуссии 1920-х гг., а также главе, касающейся евгенических работ Ю.А. Филипченко и работ по наследственности у человека. Эти главы требовалось сильно сократить, а еще лучше совсем исключить.

Требование редакции издательства “Наука” изъять упоминание об И. Презенте было столь категорично, что автор, помня о предшествующем ленинградском этапе, решил пожертвовать всем этим разделом, чтобы сохранить остальное – никаких претензий или вопросов по другим разделам рукописи у редактора не было. Все мелкие шероховатости по рукописи были сняты быст-

ро и легко, после чего редактор В.Н. Вяземцева уверенно заявила, что “дальше никто интересоваться рукописью не будет”.

Насколько искренне говорила и верила ли сама этим своим словам?

Последующее показало, что весьма наивно было не только говорить, но и думать так.

В конце августа рукопись, без раздела об уходе Ю.А. Филипченко из университета, была подписана автором в набор, а в ноябре из типографии была получена верстка книги, которую автор быстро проверил и передал на сверку.

Вся основная работа автора по книге была сделана.

Но ... не тут-то было!

Вскоре между автором и издательством началось и более двух лет продолжалось настоящее сражение за книгу, за имя Юрия Александровича Филипченко. В это сражение помимо автора оказались вовлеченными еще многие известные ученые!

* * *

От издания очерка о Ю.А. Филипченко никак нельзя отделить параллельно происходившее в том же издательстве “Наука” переиздание трех книг самого Филипченко: “Эволюционная идея в биологии” (1926), “Изменчивость и методы ее изучения” (1929) и “Генетика мягких пшениц” (1934). Оба эти процесса оказались тесно связанными друг с другом.

Инициатива о переиздании указанных выше книг Ю.А. Филипченко исходила от группы генетиков ленинградской школы, учеников Ю.А. Филипченко: Ю.Я. Керкиса, Н.Н. Медведева, А.А. Прокофьевой и И.А. Рапопорта⁷. Эти книги, по их мнению, представляли не только исторический интерес, но и до сих пор не потеряли своей научной ценности.

В марте 1975 г. это предложение обсуждалось на Научном совете по проблемам генетики и селекции АН СССР и Президиуме ВОГИС им. Н.И. Вавилова под председательством академика Д.К. Беляева. Из “московских” генетиков на заседании присутствовали С.М. Гершензон, С.И. Алиханян, В.В. Хвостова, А.А. Малиновский и П.Ф. Рокицкий. Заинтересованную сторону на Совете представляли Н.Н. Медведев и А.А. Прокофьева.

Обсуждение были бурным. Все “московские” генетики, за исключением П.Ф. Рокицкого, единодушно высказались против переиздания названных книг.

⁷ Иосиф Абрамович Рапопорт, выпускник кафедры генетики и селекции ЛГУ, учеником Ю.А. Филипченко может быть назван условно, так как поступил в университет в 1930 г., уже после его смерти. – *Примечание составителя.*

В частности, С.М. Гершензон “атаковал” книгу “Эволюционная идея в биологии”. По его мнению, Ю.А. Филипченко – безусловно, талантливый исследователь, много сделавший для распространения генетики, и в этом его заслуга неоспорима. Однако эта его книга содержит много ошибочных положений, в особенности его приверженность к автогенезу⁸, и т.д. Ко всем этим положениям нужно будет давать критические примечания. Поэтому он, Гершензон, опасается, что этими примечаниями будет лишь подорван и поврежден авторитет Ю.А. Филипченко.

Н.Н. Медведев не мог согласиться с мнением очень уважаемого им С.М. Гершензона в том смысле, что он сильно преувеличивает необходимость многих примечаний к “Эволюционной идее”. Что же касается автогенеза Ю.А. Филипченко, то, по мнению Медведева, в 1920-е гг. все были или автогенетиками, или ламаркистами, но после открытия Г. Мёллера (в 1927 г. Филипченко слышал доклад Г. Мёллера в Берлине) Филипченко изменил свою точку зрения и уже в последнее издание своей книги “Генетика” (1929 г.) внес в этот вопрос полную ясность.

Выступление В.В. Хвостовой касалось “Генетики мягких пшениц” и сводилось к тому, что к авторскому тексту надо дать столько примечаний, что они превьсят саму книгу.

С.И. Алиханян считал, что вряд ли кто в наше время будет читать труды (учебники) Ю.А. Филипченко, когда наука ушла на 50 лет вперед. Будет вполне достаточно составить очерк о жизни и деятельности его в научно-биографической серии. Этого вполне достаточно для увековечения памяти Филипченко.

Вопрос же был поставлен об издании именно трудов Ю.А. Филипченко.

После бурных дебатов все три книги были рекомендованы к переизданию.

Противникам переиздания было предложено подготовить к книгам Филипченко те самые примечания, о которых они говорили при обсуждении: в частности, к “Эволюционной идее...” – С.М. Гершензону, к “Изменчивости...” – П.Ф. Рокицкому, а к “Генетике мягких пшениц” – В.В. Хвостовой. Однако никто из них на это предложение не откликнулся.

⁸ Автогенез – идеалистическое учение, стремящееся объяснить эволюцию организмов действием только внутренних факторов. Элементы автогенеза имелись в теории Ж.Б. Ламарка; более последовательно идею автогенеза развивали (...) генетики Х. де Фриз и Ю.А. Филипченко. (...) Автогенез противопоставлялся материалистической теории эволюции на основе естественного отбора // БСЭ. Изд. 3-е. 1969. Т. 1. С. 330, 331.

В конечном итоге, только книга “Эволюционная идея в биологии” вышла с примечаниями, подготовленными Н.Н. Медведевым. Другие книги были переизданы вообще без примечаний.

Из “московских” генетиков участие в переиздании книг Ю.А. Филипченко принимал только П.Ф. Рокицкий. О его роли в этом процессе речь пойдет чуть ниже⁹.

Окончательное решение о переиздании книг Ю.А. Филипченко было утверждено в конце сентября на заседании РИСО Биологического отделения АН СССР.

После этого была создана редколлегия избранных трудов Ю.А. Филипченко в составе: Ю.Я. Керкис, В.Ф. Любимова, Н.Н. Медведев, П.Ф. Рокицкий (главный редактор), А.А. Прокофьева (заместитель главного редактора) и И.А. Рапопорт и распределены обязанности по подготовке рукописей каждой из книг.

На редколлегии были решены и другие вопросы по переиздаваемым книгам Ю.А. Филипченко. В частности, помимо примечаний каждую из них было решено сопроводить послесловием – давать предисловие члены редколлегии сочли слишком претенциозным. Кроме того, в первой из книг предполагалось поместить полный список трудов Ю.А. Филипченко. Хотя этот список был в уже набранном очерке Н.Н. Медведева “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”, редколлегия сочла целесообразным продублировать его, учитывая, что он не публиковался с 1930 г., а тиражи книг будут небольшими.

Были назначены и ответственные за подготовку переиздаваемых книг.

Ответственным редактором “Эволюционной идеи в биологии” был назначен Н.Н. Медведев. Он должен был подготовить для издательства ее рукопись и написать к ней послесловие. Подготовку рукописи книги “Изменчивость и методы ее изучения” должна была обеспечить А.А. Прокофьева, а ответственный редактор ее П.Ф. Рокицкий – написать к ней послесловие. Ответственным редактором третьей книги “Генетика мягких пшениц” была В.Ф. Любимова как специалист, ближе всех других членов редколлегии стоящий к вопросам генетики и селекции сельскохозяйственных растений. Она же должна была обеспечить подготовку и рукописи, и послесловия.

⁹ Вопрос о зачислении Ю.А. Филипченко группой генетиков московской школы в автогенетики был главной причиной осложнений при переиздании книги “Эволюционная идея в биологии”. Особенно упорно настаивал на этом П.Ф. Рокицкий, который, изначально хотя и поддержал переиздание, позднее сильно осложнил дело. – *Примечание составителя.*

Уже после того, как все организационные вопросы на заседании редколлегии были решены, Н.Н. Медведев обратился к П.Ф. Рокицкому с вопросом о том, насколько искренне было его выступление на заседании Научного совета. В частности, не содержит ли, с его точки зрения, книга “Изменчивость...” каких-либо серьезных ошибочных положений, которые могли бы послужить препятствием к ее переизданию. Надо сказать, что в 1973 г. была опубликована книга П.Ф. Рокицкого “Введение в статистическую генетику”. Поэтому его мнению о книге “Изменчивость...” придавалось большое значение.

П.Ф. Рокицкий снова отозвался о книге Ю.А. Филипченко в самых благожелательных выражениях. При этом он подчеркнул, что со времени опубликования данной книги прошло 50 лет. За эти годы наука о статистических закономерностях в генетике обогатилась рядом новых положений и методов, и, несмотря на все это, написанное в книге Ю.А. Филипченко совершенно правильно. Книга не утратила своего значения до сих пор и как учебник по вариационной статистике, и как монография, содержащая ряд важных оригинальных идей автора. Такой отзыв о данной книге был очень важен – он придавал уверенность в том, что уж при ее опубликовании серьезных трудностей быть не должно.

Переиздаваемые труды Ю.А. Филипченко должны были выйти под грифом Института цитологии и генетики СО АН СССР, директором которого был академик Д.К. Беляев. Позднее он тоже окажется активным участником “филипченковской эпопеи”.

* * *

Первой должна была идти в работу книга “Эволюционная идея в биологии”. Николай Николаевич начал готовить рукопись на свой страх и риск, за свой счет (от расклейки книги издательство категорически отказалось из-за слишком пожелтевшей бумаги), не дожидаясь еще окончательного решения РИСО.

Послесловие к “Эволюционной идее...” Николай Николаевич готовил особенно тщательно, полагаясь не только на свое видение, свою оценку научных взглядов и работ Ю.А. Филипченко, которые, по его мнению, зачастую неправильно, искаженно трактовались. Примером того могло служить предисловие И. Презента к книге Ю.А. Филипченко “Экспериментальная зоология”, а также упомянутая выше статья в БСЭ, где он, единственный из отечественных генетиков, зачислен в число автогенетиков.

Поэтому прежде чем представить рукопись в издательство, свое послесловие к “Эволюционной идее...” Н.Н. Медведев от-

правил на отзыв С.М. Гершензону и Ю.И. Полянскому. Наиболее важным для него было мнение С.М. Гершензона, который при обсуждении целесообразности переиздания этой книги высказывал свои сомнения.

От подготовки примечаний к тексту Ю.А. Филипченко Сергей Михайлович отказался из-за занятости своим учебником по генетике, поручив это дело Николаю Николаевичу, но само послесловие к “Эволюционной идее...” по просьбе Николая Николаевича просмотрел даже дважды.

Отправляя 6 декабря 1975 г. свое заключение Медведеву после вторичного просмотра, Сергей Михайлович писал:

“...Ваше послесловие к книге Ю.А. Филипченко в теперешнем виде мне нравится, ничего в нем не требует изменений... (...) Очень хорошо Вы справились с трудной задачей освещения взглядов Ю.А. Филипченко о макро- и микроэволюции и о роли внешних условий в возникновении мутаций: точно, корректно и исчерпывающим образом, исключая возможность недоброжелательного толкования.”.

30 декабря Н.Н. Медведев представил рукопись книги “Эволюционная идея в биологии” вместе со своим послесловием в ботаническую редакцию издательства “Наука” (заведующая редакцией Л.Н. Кузьмина). Теперь с издательством Н.Н. Медведев был связан еще одной книгой.

Он даже и представить себе не мог, какие преграды ожидают его и на этом пути.

* * *

Сразу отметим, что основные сложности при переиздании книг Ю.А. Филипченко возникли именно вокруг книги “Эволюционная идея в биологии” и, точнее, вокруг послесловия Н.Н. Медведева к ней. Изначально замечаний по нему у редакции не было. Они появились сразу же, как только начались осложнения с его очерком “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”.

Параллельная работа одновременно с двумя редакциями сильно осложняла положение автора. Трудности, возникающие с книгой в одной редакции, зачастую определяли позицию соседней редакции на другую книгу – издательство откровенно использовало прямой шантаж для давления на автора.

К большому огорчению Н.Н. Медведева, и члены редколлегии избранных трудов не только не всегда были едины в оценке притязаний издательства, но даже, понимая их несостоятельность, помогали издательству оказывать давление на своего коллегу.

Однако это будет позднее, а пока что рукопись книги Ю.А. Филипченко “Эволюционная идея в биологии” с послесловием Н.Н. Медведева без каких-либо замечаний была принята издательством в работу.

Наступал 1976 год.

1976 год

6 января Н.Н. Медведев неожиданно от заведующего редакцией В.П. Лишевского узнает по телефону, что на верстку(!) его очерка “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” получен отрицательный отзыв. Тот просит приехать в издательство и ознакомиться с ним. Отзыв не анонимный – написан кандидатом философских наук И.Н. Смирновым, по словам В.П. Лишевского, “рецензентом от ЦК”.

С этим документом полезно познакомиться читателям, прежде всего будущим биологам, чтобы понять, кто вершил дела в биологии не только во времена разгула лысенковщины, но и в гораздо более поздние годы.

Отзыв на рукопись Н.Н. Медведева “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО”

Если не принимать во внимание двух глав, посвященных вопросам возникновения генетической дискуссии и проблемам евгеники, книга в целом может быть рекомендована к печати. Однако наличие в ней этих глав приводит к выводу о нецелесообразности ее публикации, по крайней мере в том виде, в каком в настоящее время находится рукопись (на самом деле верстка книги. – *Сост.*).

Несколько соображений по этому поводу.

Представляется совершенно неубедительным на стр. 34 зачисление в философы тех биологов, “которые, не обладая специальными знаниями в генетике, в своих нападках на ее представителей предпочитали пользоваться философскими понятиями и категориями и потому могли быть отнесены к философам”. Очевидно, следует быть более конкретным в отношении представителей других наук. Навряд ли поиску истины будет способствовать борьба “за честь мундира”.

Непонятно, для чего вообще приводятся выдержки из статей М.В. Волоцкого, якобы необходимые для подтверждения взглядов Филипченко в вопросе о наследовании приобретенных признаков. Непонятно также назойливое обращение к евгенике без приведения необходимых комментариев и анализа. Неясным остается также и приводимые возражения из работ Филипченко (стр. 35–36 и далее). Эти цитаты не дают полного представления о проблеме, а лишь запутывают ее. Зачем все это надо автору? Тем более, что на стр. 38 Н.Н. Медведев сам признает, что уклонился от темы, “перейдя от общего вопроса о наследст-

венности приобретенных свойств к специальному – приложению его к человеческим отношениям”.

На стр. 40 третий абзац нуждается по крайней мере в стилистической доработке. Хотя специалист (биолог и философ) при желании разобраться в методологических аспектах рассматриваемых вопросов и сможет уяснить для себя, о чем идет речь; непосвященному читателю будет очень трудно самостоятельно разобраться в предлагаемом материале. Позиция автора, его выводы и оценки (несмотря на то, что понятна его искренняя заинтересованность, и в общем он прав) формулируются небрежно и расплывчато (см. например, выражения типа “оргвыводы” и пр.). Тем более это досадно, так как от подобной недоработки страдает оценка роли работ Филиппченко в связи с упоминанием дискуссии по генетике.

О главе, посвященной евгенике.

Представляется совершенно недостаточной оценка причин возрождения евгеники в 20-е годы. Автор поверхностно подходит к социальным аспектам, отдельные высказывания его, хотя и немногочисленные, по рассматриваемым вопросам страдают примитивизмом и характеризуются непрофессиональным подходом.

Вообще фрагментарность и недостаточная связность всей работы особенно проявляются в главах, посвященных дискуссии по генетике и проблемам генетики человека.

Например, проблема генетического груза показывается односторонне. При этом можно было бы использовать материалы “круглого стола” журналов “Вопросы философии” и “Журнала общей биологии”, посвященного проблемам генетики человека.

По этим главам требуется более серьезная и глубокая работа автора и редактора. Это – важные самостоятельные проблемы, растопыренной рукой их не возьмешь.

В отличие от книги, посвященной Н.К. Кольцову¹⁰, изложение этих сложных вопросов в настоящей рукописи дается слабее и может способствовать появлению неразрешаемых вопросов.

Благородная задача – познакомить широкого читателя с оригинальными работами Филиппченко – не достигает цели. Тем более, что в том виде, в котором приводятся цитаты из его произведений, они вызывают целый ряд вопросов методологического характера, обусловленных неточностью, двусмысленностью и неопределенностью (см. стр. 57); аналогии с человеческим обществом слишком схематичны, а иногда и неверны, все это навряд ли пойдет на пользу неподготовленному читателю.

Рассуждения Филиппченко о деклассировании и по другим вопросам отдают биологизаторским подходом, поэтому предлагаемые выдержки

¹⁰ Речь идет здесь о книге Астаурова Б.Л. и Рокицкого П.Ф. “Н.К. КОЛЬЦОВ”. М.: Наука. 1976. Эта книга параллельно проходила по той же редакции, что и книга Медведева Н.Н. “Ю.А. ФИЛИППЧЕНКО” только немного раньше (она была подписана в печать 11.11.75). Обе книги вел один и тот же редактор В.Н. Вяземцева, по всей видимости и рецензировали их одни и те же специалисты-философы. – *Примечание составителя.*

из его работ без глубокого, повторяем, комментария нецелесообразно делать достоянием широкого круга читателей.

Необходим специальный анализ, в ходе которого нужно вскрыть все стороны многогранной проблемы генетики человека. Голое цитирование ничего хорошего не даст, а вызовет лишь ненужные новые нарекания вокруг имени Филиппченко, а его творчество наряду с признанием несомненных заслуг нуждается в добросовестной критике.

Предлагаемая рукопись не дает правильной, в необходимых случаях, критической оценки творчества Ю.А. Филиппченко.

ВЫВОД: рукопись нуждается в доработке (дать более широкие, более связные оценки с адекватной формулировкой заключений) или в купировании указанных глав.

Поскольку рукопись находится на последней стадии подготовки перед выходом в свет, скрупулезное рецензирование, очевидно, нецелесообразно.

Имеют место неустраненные и незамеченные опечатки: стр. 8, 11 и др. Непонятно, что это за Биологическое отделение АН СССР в Москве: стр. 9.

На стр. 12, 13 и др. упоминается фамилия Ф.Г. Добржанского. Очевидно, не следует быть нейтральным информатором в этом вопросе. Надо хотя бы сказать, где в настоящее время находится Добржанский, если не даются никакие оценки.

Ученый секретарь

Отделения философии и права АН СССР,

кандидат философских наук

И.Н. Смирнов

Напомним, что рукопись очерка Н.Н. Медведева “Ю.А. ФИЛИППЧЕНКО” была представлена в издательство в январе 1975 г. с официальными положительными отзывами ведущих специалистов в области генетики: академика Н.П. Бочкова, чл.-корр. АМН А.А. Прокофьевой, докторов наук Л.Я. Бляхера, И.И. Канаева, А.А. Малиновского и Ю.И. Полянского¹¹.

Прошел почти год. Рукопись уже превратилась в верстку, была подписана автором на сверку. Никаких вопросов по ней до сих пор не возникало.

И тут сразу же уместно задать вопрос о том, кто был инициатором нового рецензирования уже подготовленной к изданию книги, на рукопись которой до того было получены положительные отзывы авторитетных ученых, тем более уже на этапе верстки? Издательство? Но ведь издательство имело возможность

¹¹ В архиве Н.Н. Медведева не удалось обнаружить копии отзыва Ю.И. Полянского на рукопись книги “Ю.А. ФИЛИППЧЕНКО”, хотя о нем он неоднократно упоминает. – *Примечание составителя.*

всесторонне сколько угодно раз оценить и переоценить рукопись с любой стороны, причем сделать это, не затрачивая средств на ее предварительный набор, чтобы потом его ломать.

* * *

Разговор Н.Н. Медведева с В.П. Лишевским по поводу отзыва на верстку его книги состоялся в издательстве 7 января.

Всего три фразы из отзыва И.Н. Смирнова:

“Если не принимать во внимание двух глав, посвященных вопросам возникновения генетической дискуссии и проблемам евгеники, книга в целом может быть рекомендована к печати. Однако наличие в ней этих глав приводит к выводу о нецелесообразности ее публикации, по крайней мере в том виде, в каком в настоящее время находится рукопись (верстка книги. – *Сост.*) (...) Непонятно также назойливое обращение к евгенике без приведения необходимых комментариев и анализа (...)”.

Простейшим решением вопроса о пригодности книги философ считал купирование, а еще лучше исключение, глав о генетической дискуссии 1920-х гг. и о евгенике.

У стражей “идеологического порядка” упоминание самого слова “евгеника” сразу вызывало отрицательное отношение к рукописи, независимо от того, в каком контексте оно было употреблено. По их понятиям евгеника могла предстать перед читателем только в “идеологических наручниках”.

Полностью отвергая рецензию И.Н. Смирнова по смыслу, выраженному в первом ее абзаце, Н.Н. Медведев пришел к выводу – рецензия философа настолько целеустремленна, что бессмысленно пытаться найти общий язык с ее автором. Основываясь только на ней одной, следует сделать единственный вывод – на этом свои отношения с редакцией закончить. Это свое решение он и сообщил редакции 9 января.

В.П. Лишевский советовал автору не принимать скоропалительных решений и хорошенько все обдумать, даже обещал повлиять на рецензента, указав ему, что он “слишком хорошо справился с данным ему поручением”, и вообще, “Смирнов даст новую рецензию”. Под конец разговора В.П. Лишевский порекомендовал Н.Н. Медведеву самому обратиться к И.Т. Фролову – главному редактору журнала “Вопросы философии”, который в то время активно занимался вопросами идеологии в биологической науке, в частности в генетике.

Неизвестно, с кем советовалась редакция научно-популярной литературы в поисках пути выхода из затруднения, но 16 января В.П. Лишевский снова пригласил Н.Н. Медведева в издательство

и предложил продолжить работу над очерком “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” на следующих условиях:

1) глава о генетической дискуссии 1920-х гг. в книге останется без изменений;

2) главу о евгенике автору необходимо полностью переписать – изложить ее содержимое кратко своими словами (“в духе терпимости!”), исключив цитаты;

3) книга будет прокомментирована примечаниями от редакции или И.Н. Смирнова.

На этих условиях Николай Николаевич согласился продолжить работу с издательством по своей книге. Он счел, что хорошо было уже хотя бы то, что главу по генетической дискуссии не трогают; плохо, что надо полностью перерабатывать главу о евгенике. Последнее условие редакции он особенно приветствовал – чем больше будет примечаний в книге (от кого угодно!), тем лучше.

Позднее, редакция сообщила автору, что в его книге будут не постраничные примечания, а единое послесловие, на что Н.Н. Медведев сразу же согласился.

Тут же автору был вручен для переделки экземпляр верстки. Предстояло практически полностью срочно переделать 30 страниц набранного текста главы по наследственности и евгенике, не говоря о дополнительных небольших купюрах по остальному тексту.

Критику надо было наводить и в предисловии А.А. Прокофьевой, ответственного редактора книги. Редакция требовала в самом начале книги, в предисловии к ней, обратить внимание читателей на “неправильные” работы ученого. В результате в предисловии появился следующий абзац:

“Особое место занимают труды Ю.А. Филипченко по наследственности человека и евгенике. Автор сознавал исключительную важность раскрытия объективных условий и предпосылок, при которых становится возможной реализация подлинного богатства человеческой природы. Но в обсуждении проблемы в целом Ю.А. Филипченко остановился на полпути – только на биологической ее стороне, оставив вне поля зрения роль и значение общественных отношений в новых социальных условиях, при которых становятся возможным наиболее полное и всестороннее развитие человека. Поэтому выдвинутые им евгенические идеи не нашли и не могли найти дальнейшего развития”.

В отличие от Н.Н. Медведева, пытавшегося противостоять напору издательства, А.А. Прокофьева свою роль как ответственного редактора книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”, а потом и при переиздании его книг, видела главным образом в том, чтобы призывать Н.Н. Медведева идти на уступки издательству. Предста-

вители издательства постоянно ставили ему в пример сговорчивость Прокофьевой.

К большому огорчению Николая Николаевича, принимая участие в “филиппенковской эпопее”, она меньше всего думала о спасении и воскресении из забвения имени ученого и, не стесняясь, заявляла: “Я думаю прежде всего о себе, а не о Филиппенко!”.

В числе названных в предисловии А.А. Прокофьевой ученых – воспитанников Ю.А. Филиппенко – была Раиса Львовна Берг, которая на тот момент уехала в США. Издательство усомнилось в целесообразности ее упоминания в книге. Когда Н.Н. Медведев сообщил об этом А.А. Прокофьевой, та сразу же заявила: “Изывать нельзя – мало ли кто уезжает за границу!”. Каково же было удивление Н.Н. Медведева на другой день, когда та же А.А. Прокофьева вдруг коротко выпалила: “Да, Берг надо изъять!”. Вот так иногда вела себя ученица Ю.А. Филиппенко.

27 января верстку вместе с рукописью переработанной главы по евгенике Н.Н. Медведев передал в редакцию. Из 30 страниц набранного текста евгенической главы нетронутыми остались отдельные фрагменты общим объемом примерно 10 страниц. Остальные 20 страниц набора были заново переписаны “своими словами в духе терпимости” и уместились на 9 машинописных страницах.

Редакция тщательно изучала переделанную автором главу по евгенике. Только на согласование отдельных мест и снятие по ней новых вопросов, в основном направленных на изъятие текста или его переделку опять же “в духе терпимости”, автору в течение двух недель пришлось 8 раз (!) приехать в издательство. Убедившись, что теперь указанные в отзыве И.Н. Смирнова “фрагментарность и недостаточная связность”, особенно проявлявшиеся в главах по генетической дискуссии и проблемам генетики человека, устранены (это в тексте, сокращенном почти в 4 раза! – *Сост.*), редакция передала все материалы на повторный просмотр своему, “проверенному” рецензенту И.Н. Смирнову.

К откорректированной верстке книги 12 февраля И.Н. Смирнов написал общее послесловие на девяти машинописных страницах (!), под которым, однако, не захотел поставить свою фамилию.

Из-за этого у редакции – новая “головная боль”.

В то время как редактор В.Н. Вяземцева продолжала выискивать опасные места в верстке, не разрешая автору исправлять отдельные редакционные ошибки даже в цитатах Ю.А. Филиппенко, В.П. Лишевский был озабочен послесловием – и слишком велико, и слишком рыхло, а главное – без подписи. Все попытки

В.П. Лишевского уговорить Смирнова поставить фамилию под собственным произведением успеха не имели. Давать же послесловие от себя редакция боялась, но в конце концов согласилась.

Весь февраль ушел на согласование в переделанной верстке отдельных мест между редакцией, автором и рецензентом. Попутно можно заметить, что редакция требовала от автора не только переделки собственного текста, но даже перепечатки послесловия И.Н. Смирнова “От редакции”.

И как тут не вспомнить слова А.Т. Твардовского из “Василия Тёркина”, очень любимого Н.Н. Медведевым:

“...И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идет, кровавый,
Страшный бой не ради славы,
Ради жизни на земле”.

Эти знаменитые строки чуть ли не в буквальном смысле отражали ситуацию с книгой о Ю.А. Филипченко и ее автором. Не ради собственной славы шел автор на этот бой, а буквально ради той самой “жизни на земле”, о которой в своих работах размышлял Ю.А. Филипченко.

Однако главный бой “не ради славы” был еще впереди, когда на помощь одинокому автору пришла “тяжелая артиллерия” в лице академиков В.А. Энгельгардта, А.Л. Яншина, П.Н. Федосеева, А.А. Баева, М.С. Гилярова, члена-корреспондента И.Т. Фролова.

А пока, переделанная по требованию редакции верстка очерка Н.Н. Медведева “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” с послесловием “От редакции”, написанным И.Н. Смирновым, в конце февраля была отправлена в типографию на сверку.

Приведенное ниже послесловие, созданное по “единственно верной методологии” на основе марксистско-ленинской философии, было своеобразным “щитом”, которым редакция надеялась обезопасить себя.

От редакции

История науки требует объективного, принципиального подхода в оценке результатов всякого научного исследования, деятельности каждого ученого, истинное значение которых наряду с проверкой временем, практикой и опытом в значительной мере подтверждается методологическим анализом. Требование такого рода следует выдерживать и в книгах, посвященных деятельности ученых.

Автор книги “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО” по специальности биолог. В силу этого в книге не рассматривались вопросы, выходящие за рамки биологической науки. Поэтому редакция сочла целесообразным сопроводить книгу послесловием, где дается оценка неко-

торым спорным сторонам исследований Ю.А. Филипченко, к которым, прежде всего, относятся проблемы наследственности у человека, их социальные и философские аспекты.

В общем виде эти вопросы составляют сложную и разноплановую проблему соотношения биологического и социального¹². Проблема наследственности человека как в прошлом, так и в наши дни, привлекает внимание многих исследователей, чьи научные интересы находятся в различных, подчас совершенно не связанных между собой сферах науки.

Единственно верной методологией, способной дать адекватные методы и способы изучения любой проблемы, является марксистско-ленинская философия. История науки и современность свидетельствуют, что всякие попытки создания социальной биологии на основе идеалистической философии приводили и приводят к антигуманистическим, реакционным выводам (социальный дарвинизм, мальтузианство и прочие биологизмы). Классики марксизма – Маркс, Энгельс, Ленин, – философы-марксисты и естествоиспытатели, стоящие на диалектико-материалистических позициях, доказали порочность подобных теорий. Вот почему марксистско-ленинская философия играет такую важную роль в решении проблемы соотношения биологического и социального, в вопросах формирования личности и развития общества.

В этой книге наряду с многими специальными биологическими проблемами рассматриваются взгляды Ю.А. Филипченко по вопросу наследственности у человека. Признавая пионерский характер его исследований, следует отметить, что некоторые выводы из них, прежде всего обращенные в область общественных отношений, социальной природы человека, содержат неверные представления. Пример, еще раз подтверждающий справедливость ленинского положения, что естествоиспытатель, не обладающий необходимой философской базой, неминуемо попадает в ошибку и оказывается в плену заблуждений, если он пытается результаты своих исследований экстраполировать на общественные отношения. Неумение выявить пределы того или иного метода исследования, вызванное зачастую незнанием или поверхностным, односторонним знакомством с философскими принципами познания – причина того, что ученый бессилён разрешить противоречия в наблюдаемых им явлениях.

Ю.А. Филипченко не избежал такого рода ошибок. Его заблуждения по вопросам евгеники, ее роли в системе наук, ее социальной функции обусловлены прежде всего недиалектическим подходом, отсутствием последовательной диалектико-материалистической методологии и незнанием марксистско-ленинских работ о природе классового общества, о социальной сущности человека.

¹² Подробнее об этом см.: Лисеев И.К., Шарев А.Я. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы // Вопросы философии. 1970. № 7–8; Социальные и биологические факторы развития человека // Вопросы философии 1972. № 9; Философские проблемы биологии. М., 1973; Соотношение биологического и социального в человеке. (Материалы симпозиума в Москве, сентябрь 1975 г.). М., 1975.

Говоря об исследованиях Ю.А. Филипченко в области генетики человека, следует хотя бы кратко остановиться на истории евгеники и ее судьбе. Родоначальником евгеники является Гальтон, который перенес точный статистический метод биолога и математика Кетле в область учения о наследственности. Евгеника мыслилась как наука, которая ставит перед собой задачу изменения и улучшения человека в целом. Сторонники евгенических исследований исходили из гуманистической идеи соответствия способностей человека и выполняемой им работы. Вместе с тем они считали, что личность определяется только генотипом человека, что принципиально неверно, поскольку при этом игнорируется роль социальных факторов: среды, воспитания, общественных отношений и т.д. Идя дальше, представители евгеники считали, что генотип целиком определяет и формы социального поведения.

В начале XX в. в евгенике происходит выделение двух направлений.

С одной стороны, представители гуманного, научного направления, исходя из факта многочисленных наследственных заболеваний у человека, отстаивали идею о необходимости борьбы с наследственными заболеваниями, выступали за пропаганду генетических знаний, за поиски соответствующих методов образования и воспитания. В результате чего возникла и развивается генетика человека, медицинская генетика и другие разделы биологии и медицины.

С другой стороны, возникло реакционное, антигуманное направление евгеники, питавшее различные расистские идеологические концепции, которые использовались и используются в интересах правящей верхушки буржуазного общества. Представители этого направления, получившего наиболее пышное развитие в нацистской Германии, проповедовали идею о неполноценности отдельных рас человечества и необходимости гегемонии “выдающихся” рас. Для нацистской Германии это была немецкая раса, для государств, имеющих колонии – белая раса.

Таким образом, используя результаты естественно-научных исследований в своих политических, идеологических целях, представители реакционного направления евгеники дискредитировали и опорочили само слово и принципы евгеники. Это следует принимать во внимание потому, что до сих пор отголоски, связанные с различного рода евгеническими утопиями, имеют место в современной буржуазной пропаганде.

Поэтому более правильным и с фактической, и с методологической точек зрения будет употребление понятий генетика человека, медицинская генетика, если речь идет о вопросах, связанных с наследственностью у человека¹³.

Безусловно Ю.А. Филипченко в своих работах исходил из гуманной задачи способствовать разрешению проблем, связанных с наследственностью у человека, способствовать биологическому и интеллектуаль-

¹³ В научной литературе довольно широкое распространение в настоящее время получило понятие “биология человека”, см. *Малиновский А.А. Биология человека. М., 1973.*

ному развитию человека. Результаты его исследований, лежащих в области естественно-научных вопросов, сыграли важную роль в развитии русской и советской науки. Однако несомненно и другое: незнание природы социальных закономерностей, непонимание ведущей роли социальных факторов в развитии и формировании человеческой личности привели его к одностороннему пониманию роли и социальной функции евгеники.

Пропагандируя мысль о просветительном значении евгеники, Ю.А. Филипченко явно переоценивает эту просветительскую роль. Конечно, пропаганда научного знания – благородная и важная задача, стоящая перед учеными и в наши дни. Но без соответствующих социальных, революционных преобразований невозможно достигнуть идеалов, какими бы высокими и гуманными они ни были. Ориентация на то, что именно с помощью пропаганды евгеники общество сможет избавиться от наследственных заболеваний и более того – повысить свой интеллектуальный уровень, была одной из ошибок Ю.А. Филипченко. Недооценка естественно-исторического процесса развития общества, преимущественное акцентирование внимания на генетической, биологической природе человека – следствие методологической необеспеченности его исследований.

Полную беспомощность обнаруживает Ю.А. Филипченко особенно в вопросах, касающихся социальной структуры общества.

Показательны в этом отношении его рассуждения относительно проблемы интеллигенции. Это сложная проблема, над решением которой работают многие ученые: философы, социологи, экономисты. Широко известны высказывания классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу.

Руководствуясь данными статистики, механически применяя биологические методы, Ю.А. Филипченко приходит к чрезвычайно примитивной и наивной схеме, показывающей место интеллигенции в классовом обществе. По мнению Ю.А. Филипченко, интеллигенция – это результат счастливого сочетания “наследственных зачатков”, а не результат общественных отношений. Следует подчеркнуть, что явление роста интеллигенции – прежде всего социальное явление, а не только и не столько биологический процесс. Ю.А. Филипченко не учитывал и такого факта, как пролетаризация интеллигенции, имеющая место в капиталистическом обществе и продолжающаяся в современном буржуазном мире.

Все это свидетельствует об ошибочности выводов, к которым приходит Ю.А. Филипченко, решая вопросы социальной функции евгеники, вопросы социального и биологического в природе человека. Приведенные замечания должны способствовать правильной, критической оценке этих исследований Ю.А. Филипченко, уяснению и пониманию его места в истории отечественной биологической науки. Заслуга Ю.А. Филипченко в том, что он, почувствовав и осознав важность проблем наследственности у человека, в меру своих личных возможностей и возможностей его времени попытался наметить пути их решения и привлек к ним внимание научной общественности.

За прошедшие годы наука совершила грандиозный скачок в области познания законов и механизма наследственности. Вместе с тем перед учеными возникло множество новых проблем, остается много нерешенных, только еще поставленных вопросов¹⁴. Несомненно, что новые результаты будут получены на основе творческого союза естествознания и марксистско-ленинской философии, которая выступает единственно верной методологической основой развития науки.

Послесловие “От редакции” приведено полностью, чтобы не забывали будущие поколения о том, как носителям этой “единственно верной методологии” было дозволено унижать классиков отечественной науки, размахивая над их светлыми головами марксистско-ленинской идеологической дубинкой. Правда, иногда и на них находилась управа.

Почти через год, 6 января 1977 г. главный редактор журнала “Вопросы философии”, член-корреспондент И.Т. Фролов так напишет о книге Н.Н. Медведева и о послесловии “От редакции”:

“...Я хотел бы еще раз подтвердить высказанное мной в беседе с Вами (с академиком А.Л. Яншиным. – *Сост.*) свое полное одобрение текста книги Н.Н. Медведева. Полагаю, что книга должна быть издана в самое ближайшее время, так как она соответствует, на мой взгляд, всем необходимым требованиям – в том числе по линии методологической, социально-философской.

Отрицательные замечания рецензентов по этой линии являются, на мой взгляд, необоснованными, и мне грустно, что и проводимая мной на протяжении ряда лет работа, целью которой было – объективно, без нашивания ярлыков, но и критично исследовать историю советской генетики – наверное, мало дала результатов, по крайней мере, в среде философов. (...)”

К сожалению, текст послесловия “От редакции” написан, мне кажется, в не совсем приемлемой форме. Многие формулировки, призванные “исправлять” Ю.А. Филипченко, сами требуют большой и основательной правки. Легче было бы, конечно, написать заново это послесловие, но я взял на себя труд отредактировать его. Не буду перечислять все несуразности, которые надо было устранить: сама стилистика послесловия не является во многих случаях научной. Такой стиль мы стараемся изживать, но, увы”.

Но это будет сказано потом, почти через год, а пока ...

19 апреля из типографии была получена сверка книги. На другой день Н.Н. Медведев подписал ее в печать и стал ждать готовую книгу.

¹⁴ Об актуальных проблемах генетической науки и проблемах наследственности человека см.: *Фролов И.Т.* Перспективы человека // *Вопросы философии*. 1975. № 7–8; *Баев А.А.* Генетическая инженерия; *Фролов И.Т.* Социально-этические проблемы генетической инженерии // *Природа*. 1976. № 1.

Следует отметить еще один факт, касающийся книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”. Объявленная в плане выпуска на 1976 г., она собрала 63 тыс. заявок. Однако тиражная комиссия снизила ее тираж до 10 тыс. экз.

* * *

Между тем в издательстве во всю шла работа с книгой “Эволюционная идея...”. В начале мая, находясь в ботанической редакции по делам именно этой книги, Н.Н. Медведев от зам. главного редактора И.Б. Ветровой неожиданно узнал, что сверка его очерка “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” “застряла в идеологической сфере”. Зав. редакцией В.П. Лишевский в это время находился в поездке по ГДР. Возможно поэтому, до его выхода на работу об осложнении с книгой Н.Н. Медведеву ничего и не сообщалось.

С В.П. Лишевским Николай Николаевич встретился 17 мая. По его словам, теперь причиной “застревания” стали места евгенической главы, где были изложены взгляды Ю.А. Филипченко на интеллигенцию. До сих пор никаких вопросов ни у кого по ним не возникало.

И это несмотря на то, что на сверку книги рецензент И.Н. Смирнов дал новое положительное (!) заключение.

Дополнение к рецензии
на рукопись Н.Н. Медведева “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”

Первоначальный вариант рукописи после значительной авторской и редакционной работы претерпел изменения. Прodelанная работа показывает, что автор и редакция с должным пониманием отнеслись к высказанным замечаниям и приложили большие усилия (учитывая, что доработку приходилось осуществлять на стадии верстки) к их устранению.

Автор уточнил и конкретизировал ряд разделов, дававших основание для критических замечаний. Устранены неточности, устаревшие положения.

Настоящее состояние рукописи позволяет рекомендовать ее к изданию.

Кандидат философских наук
17.05.76 г.

И.Н. Смирнов

Казалось бы, философ удовлетворен – он уже заклеил “полную беспомощность” классика биологии в своем анонимном послесловии “От редакции”. С таким “щитом” редакции издавать книгу вроде бы не страшно и не опасно.

И тем не менее, какие-то еще более бдительные блюстители из неведомых “сфер” продолжали задавать новые вопросы.

А вопросы, как известно, можно задавать до бесконечности, особенно, если задающая их сторона нацелена вовсе не на получение ответа.

Поставьте себя, читатель, на место автора ...

* * *

Одновременное издание двух книг – очерка о Филиппченко и “Эволюционной идеи...” – давало издательству удобную возможность двойного или перекрестного, как угодно, давления на автора. Этого представители издательства не только не пытались скрыть, а скорее наоборот, – откровенно демонстрировали эти свои возможности.

К началу мая 1976 г. относится эпизод, записанный Н.Н. Медведевым со слов А.А. Прокофьевой. Зав. ботанической редакцией Л.Н. Кузьмина советовала ей как ответственному редактору и Н.Н. Медведеву как автору очерка “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” максимально пойти навстречу редакции научно-популярной литературы, вплоть до исключения из очерка евгенической главы. В противном случае, по мнению Кузьминой, “наше несогласие может повлиять на прохождение переиздаваемых книг Ю.А. Филиппченко”.

Это был уже прямой шантаж со стороны сотрудников издательства.

“Прокофьева, по-видимому, с этим согласилась” – записал Н.Н. Медведев. К большому его огорчению А.А. Прокофьева на протяжении всей работы с издательством добросовестно исполняла роль ревностного представителя интересов именно издательства.

* * *

27 мая Н.Н. Медведев был вызван в ботаническую редакцию и воочию увидел, что та решимость, с которой Л.Н. Кузьмина после повторного просмотра перечеркала его послесловие к “Эволюционной идее...”, по которому у издательства до сих пор не имелось никаких замечаний, была первым шагом к действию после ее предупреждающего разговора с А.А. Прокофьевой.

Не следует забывать, что послесловие к книге “Эволюционная идея...” предварительно получило одобрение весьма авторитетных рецензентов и самой редколлегии, не говоря уже о том, что и Н.Н. Медведев был не новичок в рассматриваемых вопросах. Ничего “неправильного” не видел в рукописи послесловия академик Д.К. Беляев – под грифом руководимого им института

шло переиздание книг Ю.А. Филипченко. Да и у редакции не было по нему изначально никаких вопросов, пока не “застряла в идеологической сфере” книга самого Н.Н. Медведева.

И снова встает множество вопросов. Неужели работники издательства знали обсуждаемые проблемы лучше, чем известные ученые? Да и какое суждение о работах Ю.А. Филипченко могла иметь заведующая редакцией Л.Н. Кузьмина, если, по ее собственным словам, она никогда не слышала имени Ю.А. Филипченко и что в стране был такой ученый узнала только благодаря переизданию его книг! Кто был не заинтересован в выходе очерка о Ю.А. Филипченко? Кому было нужно оставить ученого с клеймом автогенетика?

Что было делать Н.Н. Медведеву в ситуации, когда его собственная книга “застряла” и начинались осложнения с другой?

К счастью, 1 июня у него появилась возможность встретиться и обсудить положение с книгой “Эволюционная идея...” с находившимся в Москве академиком Д.К. Беляевым. На случай, если по какой-либо причине их встреча могла не состояться, Н.Н. Медведев оставил ему в гостинице письмо следующего содержания.

Дорогой Дмитрий Константинович!

Нижеследующее имеет целью пояснить то, что я может быть не успею изложить при встрече.

1. Моя книга о Ю.А. Филипченко вот уже шесть месяцев пребывает на стадии верстки, переработки, сверки и т.д. и ей никак не вынесут окончательный приговор. Думаю, однако, что книга не увидит свет. Причину неудачи отнесут на счет несговорчивости автора, на отказ выбросить из нее все то, без чего Филипченко – не Филипченко. Но это только прелюдия, хотя к моей просьбе – я в этом уверен – она имеет прямое отношение.

2. Работа по подготовке рукописи Ю.А. Филипченко “Эволюционная идея в биологии”, ответственным редактором которой я числюсь, шла нормально, полностью закончена и сегодня – завтра ее нужно было сдавать в набор.

3. Затруднения начались с просмотра (повторного! – *Сост.*) моего послесловия. Заведующая редакцией ботаники вернула его в таком виде, что из 18 страниц машинописи нетронутыми остались 4–5. Очевидно, что на этой почве мы не достигнем соглашения – мы говорим на разных языках. У меня есть данные – наше взаимное “непонимание” связано с моей книжкой о Ю.А. Филипченко (см. п. 1).

4. Я сделал следующее заявление: или рукопись пойдет в набор с моим, может быть несколько сокращенным послесловием, или я уйду от дальнейшего участия в издании книги и буду просить Председателя Научного совета, т.е. Вас, поручить написание послесловия любому другому лицу. Повторять историю с книгой я не хочу.

5. Пожалуйста, просмотрите послесловие и Вы. Однако мое решение останется неизменным даже в том случае, если его забракуете и Вы. От Вас не требуется никакого письменного отзыва, кроме того, что Ваше мнение придаст мне уверенность в принятии решения.

Если не успеете просмотреть рукопись в Москве, возьмите ее с собой, но, пожалуйста, верните с обратной почтой.

Искренне Ваш

Н. Медведев

Встреча Н.Н. Медведева с Дмитрием Константиновичем Беляевым 1 июня состоялась. Узнав о состоянии дел с очерком “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”, тот выразил готовность оказать содействие для вмешательства в судьбу этой книги зам. председателя редколлегии научно-биографической литературы академика А.Л. Яншина, под патронажем которого находилась эта серия.

Н.Н. Медведев оставил ему на просмотр свое послесловие к “Эволюционной идее...”, но тот сразу просмотреть его, как намеревался, не успел и увез с собой.

А ботаническая редакция требовала от Николая Николаевича скорейшего принятия решения – рукопись “Эволюционной идеи...” надо было отправлять в набор. Опасаясь дальнейших осложнений и с этой книгой, он согласился с правкой Л.Н. Кузьминовой и 8 июня отвез сокращенный ею вариант своего послесловия.

В тот же день он встретился и с В.П. Лишевским, который “обрадовал” его тем, что в очерке выявились дополнительные “непроходимые места”.

Напомним, что начиная с мая месяца, невзирая на второй, уже положительный отзыв философа И.Н. Смирнова и его “щит” “От редакции”, издательство возобновило свои наскоки на автора. До сих пор все претензии, вся критика были направлены против единственной главы очерка “Исследования по наследственности у человека. Евгеника”. Теперь же, кроме дополнительного сокращения и без того уже сокращенных разделов, касающихся евгенических работ Ю.А. Филипченко, редакция требовала целиком исключить главу по генетической дискуссии 1920-х гг. (*in toto* – в целом, как записал Медведев), хотя ранее не собиралась трогать ее. Это было одним из условий, предложенных самой редакцией, на которых Н.Н. Медведев согласился продолжить работу над очерком!

Этому непрекращающемуся потоку требований по сокращению все новых и новых частей очерка не было видно конца. На вопрос “Была ли сверка в Главлите?”, В.П. Лишевский ответил “Нет, не была!”.

Последний разговор с В.П. Лишевским и новые претензии по книге заставили Н.Н. Медведева отправить главному редак-

тору издательства “Наука” А.И. Чугунову письмо следующего содержания.

Многоуважаемый Александр Иванович!

В моей последней встрече с заведующим редакцией В.П. Лишевским (08.06 с/г) в сверке моей книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” мне были указаны, по крайней мере, два места (в сумме составляющие десять страниц), которые с его точки зрения подлежат изъятию.

Отношение руководства издательства к данному вопросу было в то время еще не ясно и дальнейших сведений ко мне не поступало. Кроме того, по полученным от В.П. Лишевского сведениям, сверка еще не была просмотрена Главлитом, со стороны которого также могут последовать аналогичные рекомендации.

Для Вашего сведения напомним также, что исполнилось два месяца со дня получения из типографии переработанного и переверстанного текста и месяц – со дня получения от рецензента И.Н. Смирнова заключения о пригодности текста для опубликования. В первоначальном же виде рукопись была набрана еще в ноябре прошлого года.

Учитывая вышеизложенное и в соответствии с § 10 издательского договора, согласованное и окончательное решение руководства и возможные указания Главлита в отношении купюр прошу сформулировать и прислать мне в письменном виде. Ввиду наступления отпускного периода прошу Вашего вмешательства в скорейшее решение этого не в меру затянувшегося вопроса.

С уважением к Вам
16 июня 1976 г.

Н. Медведев

* * *

Заключение Д.К. Беляева на свое послесловие Н.Н. Медведев получил только в конце июня. В письме от 20 июня Дмитрий Константинович, извиняясь за задержку, писал:

“⟨...⟩ Ваше послесловие к книге я прочел внимательно и не нашел в нем ничего такого, что требовало бы изменения, серьезной корректировки или, тем более, изъятия. Все очень хорошо, и я надеюсь, что напряжение в Ваших отношениях с издательством возникло как какое-то недоразумение и будет снято естественным ходом дела.

Тем не менее, прошу Вас держать меня в курсе событий; я не вижу никаких причин менять автора послесловия и готов всячески способствовать в успешном завершении издания работ Ю.А. Филипченко.

С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями

Ваш

Д. Беляев”

Получив такую поддержку, Н.Н. Медведев почти сразу же описал Д.К. Беляеву всю эпопею с обеими филиппченковскими книгами в издательстве “Наука”.

В этом объемистом письме Н.Н. Медведева (11 машинописных страниц) были и крик о помощи, и надежда не только услышать сочувствие, но и получить содействие. Такие письма пишутся в состоянии одинокого отчаяния. Много из того, о чем писал он Д.К. Беляеву, в основном уже сказано выше, а потому приводим это письмо с сокращениями.

1 июля 1976 г.

Дорогой Дмитрий Константинович!

Ваше письмо от 20.06.1976 г. и рукопись я получил 28.06 и приношу Вам искреннюю благодарность. Ваше письмо было для меня единственным светлым пятном на фоне тех осложнений с издательством “Наука”, которые преследуют меня вот уже восемь месяцев. Вдобавок, сейчас мне решительно не с кем посоветоваться: А.А. Прокофьева – в своем “родовом имении” в Псковской губернии, Ю.Я. Керкис – в Новосибирске. Правда, вся их предыдущая помощь в моих затруднениях сводилась к единственному совету – спасать все, что можно, ценой любых уступок издательству. Но это не нашло бы одобрения прежде всего того человека, с памятью которого связаны мои усилия, о которых идет речь.

Я с удовлетворением принял также к сведению Ваше пожелание держать Вас в курсе дальнейших дел с издательством. Оно-то и вдохновляет меня написать Вам все нижеследующее. Помимо всего прочего, Вам как административному лицу, будет не бесполезно иметь представление об издательской атмосфере. (...)

Итак, обо всем по порядку. Для полного уяснения сложившейся ситуации я должен начать с прохождения моего очерка (на 120 печатных страниц) о жизни, научной и литературно-педагогической деятельности своего учителя, замечательного ученого, педагога и автора многочисленных печатных трудов – учебников, монографий и т. д. Помимо всего прочего, Ю.А. Филипченко – сын агронома Орловской губернии, был истинно русским человеком и гуманистом в лучшем значении этого слова. Но, увы, он писал и пропагандировал идеи евгеники, хотя и здесь он сохранил свою неповторимую индивидуальность. Несмотря на всю остроту дискуссии 1920-х гг. по вопросам генетики, и особенно евгеники, и нападки на него со стороны тогдашних так называемых марксистов-биологов, Ю.А. Филипченко ни в чем существенно не погрешил даже в вопросах евгеники, как то приключилось, например, с А.С. Серебровским и Н.К. Кольцовым. Поэтому писать о нем было не легко, если, конечно, писать правдиво, а не по готовому сценарию. Именно поэтому свой небольшой труд о нем я обдумывал и вынашивал несколько лет. К сожалению, меня ограничили всего пятью печатными листами, и это ограничение не могло не отразиться на его содержании. (...)

...с середины апреля и по сей день, верстка (точнее, сверка очерка. – *Сост.*) все еще находится в издательстве. Ее читают кому надо и не надо, изучают, возможно шлют на сторону. (...)

Таким образом, прошло уже восемь месяцев как в типографии заморожен шрифт, набор, металл – случай, казалось бы, в наши дни совершенно невозможный. Что будет дальше – предугадать трудно, но не-

сомненно одно: дальнейшие осложнения с издательством, на сей раз уже с книгой Ю.А. Филипченко “Эволюционная идея...”, точнее – с моим послесловием к ней, какими-то нитями связаны с вышеизложенным.

* * *

Теперь о самой этой книге (“Эволюционной идее...” – *Сост.*). При первом чтении рукописи заведующей ботанической редакцией Л.Н. Кузьминовой рукопись была одобрена со всех точек зрения. Было даже сказано, что поскольку рукопись не превышала отпущенного лимита, то я, дескать, мог бы несколько расширить послесловие. (Мы совещались с П.Ф. Рокицким и нашли более уместным давать ко всем трем переиздаваемым книгам Ю.А. Филипченко послесловия, а не предисловия, что было бы несколько претенциозно). <...>

В конце мая рукопись должна была быть сдана в набор, и для этого всё было готово. Замечу, что этот срок как раз совпал с наиболее острым периодом прохождения моего очерка о Ю.А. Филипченко. И тут снова началось нечто непонятное.

После второго чтения моего послесловия Л.Н. Кузьмина не тронутила оставила лишь несколько страниц; все прочие пестрели неквалифицированными замечаниями, вопросительными знаками и т.д., и т.п. Именно под впечатлением этого “разноса” я и писал Вам ту записку в гостинице 1 июня.

Скорого ответа я от Вас не получил, и передо мной встала дилемма:

1) отвергнуть все замечания редакции по послесловию и, стало быть, еще больше обострить отношения и тем самым поставить под вопрос издание самой книги;

2) учитывая создавшуюся обстановку, найти компромисс, что было, конечно, нелегко.

Я пытался пойти по второму пути. <...>

Список трудов Ю.А. Филипченко я приложил к рукописи с общего одобрения членов редколлегии – ведь он был опубликован один-единственный раз¹⁵ в некрологе А.А. Заварзина в 1930 г. в “Известиях бюро по генетике”, т.е. в издании, которое ныне можно достать лишь в таких библиотеках, как Ленинка и немногих других.

Спустя несколько дней, мне по телефону сообщили, что “У них возникло сомнение в возможности включения “Списка” в данную книгу – на это у них нет соответствующего разрешения РИСО АН СССР!”.

Вот и сижу я на телефоне уже вторую неделю в попытках связаться с ученым секретарем РИСО Е.С. Лихтенштейном и пока совершенно безрезультатно: время летнее, и никому, а тем более пожилому Лихтенштейну, не хочется торчать в конторе и выслушивать докучливых просителей. Все же не теряю надежды встретиться с ним, но в успехе далеко не уверен, в особенности, если он предупредомлен звонком из редакции. <...>

¹⁵ Для справедливости следует заметить, что список трудов Ю.А. Филипченко помимо 1930 г. еще дважды публиковался в 1932 г. в работах [117] и [152], на что сам Н.Н. Медведев указывает на с. 111 настоящего издания. – *Примечание составителя.*

Как видите, я не пожалел ни времени (своего и Вашего), ни бумаги для описания сложившейся ситуации. Из нее остается сделать выводы.

Мое послесловие читали и одобрили известные Вам Ю.И. Полянский, С.М. Гершензон (он, кстати, уклонился от участия в работе по переизданию этой книги, препоручив это дело мне), А.А. Прокофьева, Ю.Я. Керкис и ряд других достаточно компетентных лиц, которых Вы, возможно, не знаете. По Вашему письму я рад был убедиться, что и Вы не усмотрели в послесловии никаких промахов.

Просить о том же москвичей бесполезно: по понятным причинам все они в таких случаях отнекиваются, приводя один дежурный аргумент – они не знают трудов Ю.А. Филипченко и потому не могут говорить, а тем более писать, компетентно. Поэтому они попросту везде и всюду обходят его молчанием. В течение полстолетия это умолчание имени Ю.А. Филипченко стало общим местом во всех отечественных сводках по истории биологии и генетики. Обращали ли Вы внимание на это обстоятельство? Если нет, то я могу прислать Вам список, по крайней мере, шести сводок такого рода.

По здоровом и длительном размышлении и с учетом всего вышесказанного я намерен:

1. Вернуться к первоначальному варианту послесловия, учтя, может быть, лишь очень немногие замечания Л.Н. Кузьминой.

2. Если в каком-то виде мой очерк о Ю.А. Филипченко все же увидит свет, а вместе с ним и список его трудов, тогда я не буду настаивать на его дублировании в книге “Эволюционная идея...”.

3. Если же набор (книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”. – *Сост.*) будет сыпан, в чем я почти не сомневаюсь, и к чему психологически давно себя подготовил, тогда я поставлю обязательным условием включение “Списка” в “Эволюционную идею”. Печатать же книгу голенькой я не хочу – замалчивали ее автора почти 50 лет; ну, что же, пусть замалчивают и дальше – это лучший способ предать забвению талантливых ученых. В этом случае, т.е. если во включении “Списка” будет отказано, то, как я писал Вам в записке от 1 июня, я устранюсь от участия в дальнейшей работе над книгой, и моя фамилия не должна фигурировать в выходных данных книги. Это мое решение я прошу Вас, Дмитрий Константинович, рассматривать не как какой-то каприз, несговорчивость и т.д., а как невозможность найти с издательством общий язык.

(...) Ну вот, что называется – сказал и душу облегчил. Не уверен, хватит ли у Вас терпения дочитать мое послание до конца, не говоря о чем-либо другом. Здесь я ничего не преувеличил, не сгустил краски. Напротив того, многое здесь недосказано, но это уже для дневника.

С искренним уважением к Вам

Н. Медведев

Видимо только благодарная память о своем учителе, уважение к нему и несправедливое отношение многих к его огромным научным заслугам придавали силы Николаю Николаевичу в его уже весьма почтенном возрасте. К сожалению, много этих сил уходило на то, чтобы преодолевать сопротивление не только из-

дательства, но и собственных коллег, часто занимавших соглашательскую позицию. Иногда на преодоление этого сопротивления их уже не хватало, о чем свидетельствуют драматические события с “Эволюционной идеей...”, развернувшиеся в середине августа, и их итог, о чем речь пойдет ниже.

* * *

Реакция издательства на письмо Н.Н. Медведева, отправленное 16 июня главному редактору издательства А.И. Чугунову, была довольно скорой – 2 июля был дан ответ:

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

При работе над корректурой Вашей книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” выявилась необходимость в ее дополнительном рецензировании. Результаты рецензирования будут Вам сообщены.

Главный редактор

Главной редакции естественно-научной
и технической литературы

Л.Е. Черняк

“Результаты” подоспели через месяц. 9 августа редактор В.Н. Вяземцева по телефону приглашает Н.Н. Медведева приехать в издательство для разговора о его книге – на сверку получена отрицательная рецензия и книга снимается с производства. Он попросил выслать ему рецензию по почте.

11 августа Н.Н. Медведев пишет письмо Д.К. Беляеву.

Дорогой Дмитрий Константинович!

Мои взаимоотношения с “Наукой” по линии очерка о Ю.А. Филиппенко подошли к концу: позавчера мне сообщили звонком по телефону о получении на верстку (на сверку. – *Сост.*) отрицательного отзыва и о снятии книги с производства. Рецензию мне обещали выслать по почте. Будет ли она прислана анонимной, каково ее содержание и т.д. – пока не знаю.

На очереди “Эволюционная идея в биологии”. Мое решение в отношении этой книги, точнее “Списка опубликованных трудов Ю.А. Филиппенко” и моего к ней послесловия было изложено в той записке, которую я передал Вам в гостинице 31 мая и в письме от 1 июля с/г. О дальнейшем буду держать Вас в курсе событий.

Искренне Ваш

Н. Медведев

13 августа, не дождавшись рецензии по почте, Н.Н. Медведев поехал в издательство. Представили отрицательную рецензию, на этот раз анонимную. В.П. Лишевский пытается уверить его, что фамилия рецензента ему самому неизвестна. Чтобы окончательно решить вопрос с книгой, руководство издательства теперь уже само намерено обратиться с письмом к академику А.Л. Яншину, заместителю председателя РИСО АН.

Беда, как правило, не приходит одна.

16 августа Н.Н. Медведев узнает, что рукопись книги “Эволюционная идея...” отправлена в производство мало того, что с сокращенным его послесловием, на что он был вынужден ранее согласиться, но к тому же без списка опубликованных трудов Ю.А. Филипченко. Он просит редакцию задержать дальнейшее ее продвижение.

Поясним возникшую ситуацию. Список трудов Ю.А. Филипченко Н.Н. Медведев приложил к рукописи с общего одобрения членов редколлегии. Но, чтобы поместить список трудов в книгу, редакция незадолго до описываемых событий, как всегда внезапно, потребовала от Н.Н. Медведева получить на это специальное разрешение Ученого секретаря РИСО Е.С. Лихтенштейна. Получите-ка его летом, когда все в отпусках! Опять бесконечные звонки, многократные поездки, бумажная волокита... – очередной барьер. Но и этот барьер был преодолен – разрешение было получено, а итог – рукопись отправлена в набор без списка.

После получения на очерк “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” отрицательной анонимной рецензии значительно возросло значение послесловия Н.Н. Медведева к “Эволюционной идее...”. Теперь это было единственное место, где имелась хоть какая-то возможность сказать не только об этой книге, но и о самом Ю.А. Филипченко.

После того, как в мае очерк застрял в “идеологической сфере”, у Н.Н. Медведева все еще оставалась некая надежда увидеть его изданным. Именно поэтому он и шел на уступки ботанической редакции в купировании своего послесловия к “Эволюционной идее...”. Но теперь, когда шансы на выход очерка приблизились к нулю, особое значение приобретала публикация списка работ Ю.А. Филипченко и послесловия.

Эти соображения Н.Н. Медведев изложил в письме заведующей ботанической редакцией Л.Н. Кузьминовой:

“⟨...⟩ Отрицательное решение вопроса об издании моего очерка “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” вынуждает меня вернуться к тем двум условиям, при соблюдении которых я нахожу возможным дальнейшее участие в подготовительной работе по изданию книги Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО “Эволюционная идея в биологии”. Условия эти следующие.

1. Включение в нее “Списка опубликованных трудов” автора книги ⟨...⟩

2. Возврат к первоначальной авторской редакции моего послесловия к этой книге, может быть, с учетом лишь некоторых, немногих Ваших замечаний. С Вашими купюрами в свое время я был вынужден согласиться лишь потому, что не исключал возможности опубликования

моего очерка об авторе. Поскольку ожидание это не оправдалось, я вынужден вернуться к первоначальной редакции послесловия, в котором хотя бы кратко, но правдиво представить читателям автора “Эволюционной идеи в биологии” (...).”

Получив это письмо, ботаническая редакция ищет выход из ситуации и 17 августа собирает совещание в составе: главный редактор Л.Е. Черняк, его заместитель И.Б. Ветрова, заведующая редакцией Л.Н. Кузьмина, А.А. Прокофьева и Н.Н. Медведев.

После длинных дебатов было решено, что список трудов Ю.А. Филипченко в книге “Эволюционная идея...” поместить все-таки надо¹⁶. Дальнейшие осложнения с книгой начались из-за послесловия к ней. Главным источником осложнений стало не столько его сильное сокращение редакцией, сколько привнесенное в него П.Ф. Рокицким примечание, о наличии которого Николай Николаевич впервые узнал на этом совещании. Выяснилось, что редакция отправляла сокращенный ею вариант послесловия на просмотр П.Ф. Рокицкому, и тот сделал в нем свою вставку-примечание.

В своем дневнике Николай Николаевич писал:

“...на середину 1976 г. пришелся наиболее острый момент моих отношений с издательством на почве несогласия с ним по поводу бесконечных переделок моего очерка. Поэтому, отправляя П.Ф. Рокицкому мое послесловие для ознакомления и апробации, редакция в сопроводительном письме, очевидно, нашла нужным указать на мою несговорчивость по егеническим вопросам, содержавшимся в моем очерке о Ю.А. Филипченко. (...)”

П.Ф. Рокицкий “добросовестно” выполнил директиву издательства и в соответствующем месте снабдил рукопись следующим примечанием:

“В 1920-х гг. некоторые генетики высказывали мнение, что причины возникновения мутаций являются внутренними, т.е. заложенными в самом организме. Сторонников этой точки зрения называли автогенетиками, а самую теорию – автогенезом. Автогенетиком был и Ю.А. Филипченко. Фактическим основанием для автогенеза были неудачи ранних авторов по искусственному вызыванию мутаций в лаборатории Т. Моргана в США и в Институте экспериментальной биологии в Москве. Как известно, ошибочность автогенеза была позднее доказана экспериментально”.

Я, конечно, не мог согласиться с такой, ставшей своего рода “традиционной” трактовкой научных взглядов Ю.А. Филипченко московскими генетиками, о чем и поставил в известность Ботаническую редакцию”.

¹⁶ В конечном итоге по распоряжению П.Ф. Рокицкого в книгу был помещен список только основных трудов Ю.А. Филипченко. – *Примечание составителя.*

На совещании в издательстве 17 августа о полном несогласии с примечанием П.Ф. Рокицкого заявили не только Н.Н. Медведев, но и А.А. Прокофьева. Прочитав это примечание, она, обычно стоявшая на стороне П.Ф. Рокицкого, в присутствии заведующей ботанической редакцией Л.Н. Кузьминовой заявила: “Рокицкий тут не прав!”.

По просьбе редакции П.Ф. Рокицкий несколько изменил формулировку своего примечания, но и второй вариант примечания, по мнению Медведева, по-прежнему зачислял Ю.А. Филипченко в автогенетики. Теперь Рокицкий в своем примечании писал:

“Из цитаты, приводимой автором послесловия Н.Н. Медведевым и взятой из последней книги Ю.А. Филипченко “Генетика” (1929), *все же* видно, что Ю.А. Филипченко *по-прежнему* придавал основное значение в появлении мутаций *внутренним причинам* (*курсив сост.*), некоторые же внешние факторы могут, по его мнению, лишь влиять на направление и частоту наследственных изменений”.

“Примечаемая” цитата касалась изменения представлений генетиков о причинах мутационной изменчивости после опубликования результатов работ Г. Мёллера, вызвавшего рентгеновскими лучами большое число мутаций у дрозофилы. Чтобы обратить внимание читателя на искажение П.Ф. Рокицким ее смысла, приведем цитату из книги Ю.А. Филипченко “Генетика” полностью:

“Повидимому, эти данные Мёллера находят себе теперь подтверждение и у других исследователей, почему в настоящее время приходится изменить прежнюю точку зрения на факторы, обуславливающие появление мутаций, и признать, что при этом всегда происходят известные *внутренние изменения* (*курсив сост.*) и перегруппировки в наследственном веществе (хроматине) половых клеток, но на направление и частоту этих изменений могут влиять некоторые сильные внешние агенты (...)”

Видно, что в самой цитате из “Генетики” говорилось о “внутренних изменениях”, а это вовсе не одно и то же, что “внутренние причины”. От последних же до “автогенетика” рукой подать.

То есть, не мытьем, так катаньем (обратим внимание на устойчивые “все же” и “по-прежнему”), пусть другими словами, пусть с искажением смысла цитаты, но Ю.А. Филипченко все равно “автогенетик” со всеми вытекающими “оргвыводами”, как выражались во времена недалекого прошлого.

С таким взглядом на Ю.А. Филипченко, в очередной раз вы-

сказываемым представителем московской школы генетиков, Н.Н. Медведев никак не мог согласиться.

Дело было не в том, что делалось все это закулисно, без ведома автора послесловия – с точки зрения Н.Н. Медведева, да и А.А. Прокофьевой, примечание П.Ф. Рокицкого было неверно по существу.

Еще раз напомним, что текст послесловия к книге “Эволюционная идея...” еще до представления его в редакцию был одобрен С.М. Гершензоном, Ю.И. Полянским, самой редколлегией по переизданию книг Филипченко, а позднее еще и академиком Д.К. Беляевым.

Напомним, что писал Сергей Михайлович Гершензон Н.Н. Медведеву, прочтя его послесловие:

“Очень хорошо Вы справились с трудной задачей освещения взглядов Ю.А. Филипченко о макро- и микроэволюции и о роли внешних условий в возникновении мутаций: точно, корректно и исчерпывающим образом, исключая возможность недоброжелательного толкования...”.

Позиция Н.Н. Медведева в освещении этих трудных вопросов была оценена высоко. Взгляд специалиста безошибочно определил ту самую мишень, в которую, вопреки его благожелательному прогнозу, и были направлены стрелы “недоброжелательного толкования”.

Да и у самой ботанической редакции по его послесловию изначально не было никаких вопросов к автору. И только когда в соседней редакции возникли проблемы с бесконечными требованиями о переделке и сокращении очерка о Ю.А. Филипченко, с чем автор столь же бесконечно соглашаться не мог, дружественная редакция издательства организовала ей “скорую помощь” (см. ниже подтверждение этого в письме самого П.Ф. Рокицкого от 1.11.1976 г. насчет “резких писем” ему из редакции “Науки”).

Это было в очередной раз откровенное давление издательства на Н.Н. Медведева за его “несговорчивость”.

Однако А.А. Прокофьева, заявив, что П.Ф. Рокицкий не прав (едва ли не единственный раз заняв сторону Н.Н. Медведева!), свое несогласие с ним открыто ему высказать не захотела, в очередной раз заняв позицию “умиротворения” путем бесконечных уступок, и всячески пыталась убедить Медведева, что с сокращенным редакцией послесловием согласится и И.А. Рапопорт. А Иосиф Абрамович полностью одобрил намерение Н.Н. Медведева дать в книге именно первоначальный авторский вариант его.

Будучи в принципе согласна с содержанием восстановленного послесловия, А.А. Прокофьева ищет способ угодить П.Ф. Ро-

кицкому. Для этого предлагает тривиальное решение – исключить его неправильное примечание путем исключения текста автора (Н.Н. Медведева), к которому оно относится¹⁷.

Этот путь Н.Н. Медведев категорически отклонил – примечание П.Ф. Рокицкого затрагивало содержание более половины послесловия и “кусоч” текста, который надлежало выкинуть в этом случае, должен был составить более 10 страниц из 18.

На помощь А.А. Прокофьева решила призвать И.А. Рапопорта. На совещании “тройки” речь шла только о примечании П.Ф. Рокицкого. Договорились, что Н.Н. Медведев составит от имени всех членов редколлегии письмо П.Ф. Рокицкому, которое, после одобрения его членами редколлегии, будет отправлено ему в Минск.

Такое письмо Н.Н. Медведев подготовил. Главным в этом письме был следующий пункт:

“⟨...⟩ Члены редколлегии считают необходимым исключить Ваше примечание (второй из приведенных выше вариантов. – *Сост.*) на основании следующих соображений. Это примечание само по себе не включает ничего предосудительного для автора “Эволюционной идеи”.

Однако в отечественной литературе с давних пор стало традицией всякий выраженный крен в сторону внутренних факторов связывать с автогенезом и далее – с идеализмом, что и делает, например, Л.Я. Бляхер в статье “Автогенез”, напечатанной в третьем издании БСЭ (1969. Т. 1. С. 330). В статье Л.Я. Бляхера Ю.А. Филипченко представлен читателям как единственный советский автогенетик-идеалист, с чем никак нельзя согласиться, ни тем более – давать повод к таким выводам на будущее.

Абзац о неправомерности таких выводов в отношении Ю.А. Филипченко был включен автором в первый вариант послесловия, но в настоящем варианте им был опущен по настоянию редакции.

В книге “Эволюционная идея...” действительно можно найти такие места, где ее автор пользовался понятиями “внутренние” и “автогенетические” факторы как синонимами. Однако было бы, по крайней мере, опрометчиво на этом основании приписывать ему идеализм.

Все другие отечественные генетики тех лет и современности придерживались и придерживаются аналогичной точки зрения на “внутренние” факторы с той лишь разницей, что всячески избегают понятия “автогенез”. Не удивительно поэтому, что и самый этот термин в настоящее время вышел из употребления. ⟨...⟩”.

Обратим внимание современного читателя на то, что в этом пункте подчеркивается установившаяся в советской идеологии неразрывная связь между чисто научным термином “автогенез”, не содержащим ничего предосудительного, и философским тер-

¹⁷ Что собственно позднее и сделал П.Ф. Рокицкий. – *Примечание составителя.*

мином “идеализм”. А вот последний в условиях господства “едино-
ственно правильного материалистического учения” представлял
уже некий ярлык, который, будучи навешен на ученого, означал
вычеркивание его из перечня достойных людей, а уж тем более
из числа заслуживающих уважения классиков.

Поэтому описываемая борьба выходила далеко за рамки на-
учных дискуссий и приобретала характер борьбы за существова-
ние, причем в данном случае – борьбы за существование имени
ученого.

Письмо П.Ф. Рокицкому должны были подписать все члены
редколлегии. По-разному отнеслись к нему И.А. Рапопорт и
А.А. Прокофьева, когда Н.Н. Медведев сообщил им о его готов-
ности.

Иосиф Абрамович Рапопорт, как только узнал о том, что
письмо составлено, не стал дожидаться получения его по почте, а
9 сентября в 22³⁰ приехал к Н.Н. Медведеву домой и, быстро про-
читав его, тут же и подписал.

И только А.А. Прокофьева не торопилась подписывать пись-
мо, выражая настойчивое беспокойство, как бы коллективное
письмо не показалось Петру Фомичу обструкцией, что было бы
хорошо, чтобы письмо Рокицкому пошло за двумя подписями
Н.Н. Медведева и И.А. Рапопорта, а еще лучше, если бы его под-
писал только один Н.Н. Медведев.

В конце концов, письмо в Минск было отправлено.

Когда именно А.А. Прокофьева отправляла в Минск
П.Ф. Рокицкому на просмотр восстановленный вариант после-
ствия с коллективным письмом, подписывала ли она его или
нет, что она ему дополнительно писала, в архивных материалах
Н.Н. Медведева сведений, конечно же нет.

Письмо “четырёх” вместе с восстановленным послесловием
было отправлено и в Новосибирск Ю.Я. Керкису. Юлий Яковле-
вич полностью согласился с Н.Н. Медведевым.

Всю переписку П.Ф. Рокицкий вел только с А.А. Прокофье-
вой. О получении восстановленного послесловия Н.Н. Медведева
и письма “четырёх” он сообщал ей в письме, где автор послесло-
вия и ответственный редактор книги “Эволюционная идея в био-
логии” Н.Н. Медведев упоминался в третьем лице с нелестными
замечаниями.

18-IX-1976 г.

Дорогая Александра Алексеевна!

Получил, к своему большому сожалению, как Вы правильно пише-
те, целое “дело” в связи с книгой “Эволюционная идея в биологии”.
Очень ведь простое дело – выпустить перепечатку книги классика, но

оно обросло кучей споров, мнений и т.д. За многие годы своей писательской и редакционной деятельности впервые встречаюсь с такой ситуацией. Неужели нельзя было окончательно сговориться с редакцией издательства обо всем? Если бы меня не сделали отв. редактором¹⁸, мне бы умыть руки, а теперь надо все начинать сначала.

Присланный мне вариант послесловия, очевидно не тот, который был у меня. Прочел его бегло и вижу, что он хуже прежнего, в нем много лишнего, что вообще не следует помещать в послесловие, а есть и путаница понятий. Ведь ген и хромосома – не фактор мутационного процесса, а субстрат, в котором он протекает¹⁹. Сам же мутационный процесс вызывается какими-то причинами. Они могут быть внешними (многочисленные мутагенные факторы) и внутренними (внутриклеточные метаболиты и всякие иные внутриклеточные вещества, ошибки в репликации, вызванные различными, подчас неизвестными микрособытиями и т.д.). Признание только внутренних причин, т.е. автогенез применительно к мутациям, никакой не идеализм, оно вполне правомерно, хотя и неправильно, и об этом надо писать. Совсем другой вопрос – автогенез применительно к эволюции, тут уж может быть идеализм.

В моих глазах Ю.А. Филипченко всегда был законченным материалистом, так что своим примечанием я совсем не собирался умалять общепризнанных достоинств Ю.А. Филипченко. Но новый текст Н.Н. Медведева я должен основательно посмотреть уже не в качестве советчика (к сожалению Н.Н. Медведев не способен воспринимать

¹⁸ Ответственным редактором книги, о которой идет здесь речь, был Н.Н. Медведев. – *Примечание составителя.*

¹⁹ Никакой “путаницы понятий” в послесловии Н.Н. Медведева, конечно же не было. Две фразы в нем вызвали недоумение П.Ф. Рокицкого: “...под внутренними факторами организма Ю.А. Филипченко понимал не что иное, как зародышевые клетки с заключенными в них наследственными факторами, генами” и “...для Ю.А. Филипченко были совершенно ясны те внутренние факторы, или тот материальный субстрат – хромосомы, в результате изменения которых возникают мутации”.

Создается впечатление, что П.Ф. Рокицкому было неизвестно использование слова **фактор** в смысле **субстрат**. Медведев же употреблял его в полном соответствии с принятыми нормами, практически цитируя это понятие по книге Ю.А. Филипченко “Генетика” (1929): “...свойство, наследственная единица или **фактор есть та внутренняя сущность**, которая находится в яйце или в живчике каждого организма в виде недоступного нашему наблюдению **зачатка, или гена** (...)” (С. 161).

С другой стороны, слово **фактор** вовсе не исключало употребления его в смысле **причины**. В книге “Эволюционная идея в биологии” (1926) тот же Ю.А. Филипченко писал: “...основным **фактором эволюции** приходится признавать явление мутаций (...)” (С. 212).

Ясно, что в первом случае речь идет о факторе – носителе наследственных свойств организма, т. е. субстрате, а во втором случае фактор означает причину эволюции.

Этот случай лишний раз давал Н.Н. Медведеву возможность убедиться в незнании московскими генетиками трудов Ю.А. Филипченко, о чем он и писал в письме Д.К. Беляеву 1 июля 1976 г. – *Примечание составителя.*

советы), а ответственного (подчеркнуто П.Ф.Р. – *Сост.*) за выпуск книги, хотя в эту роль я совсем не добивался и сделал все возможное, чтобы преодолеть сопротивление тех, кто возражал против выпуска сочинений Ю.А. Филиппенко (помните, на совете выступали против Алиханян, Гершензон и Хвостова). По-видимому через какое-то время (сейчас я очень занят весьма срочной работой) вернусь к послесловию и пришлю Вам правленный мною текст. Если Н.Н. Медведев не согласится с моими исправлениями, его дело, пусть окончательно решает редакция.

Относительно технических вопросов. Не понимаю, как можно отрывать список работ от биографического очерка. Можно помещать биографию без списка работ (как это было сделано в одной из книг А.С. Серебровского), но нельзя помещать список работ без биографии (тем более, что в каждой из книг есть другой список работ, на которые ссылается автор). Мое предложение – поместить вместе портрет, биографию и список работ (он не обязательно должен быть полным, это ведь не серия биобиблиографическая АН СССР) в той книге, которая выйдет первой. Если это “Эволюционная идея”, то там. Если “Изменчивость”, то в ней.

К сожалению, я не знаю, какие изменения в послесловии были предложены в редакции и к какому, в конце концов, варианту – тому, который был у меня ранее или присланному теперь.

После внимательного прочтения послесловия я напишу и отправлю письмо в издательство (вернее Ветровой и Кузьминовой).

Всего Вам лучшего.

Ваш

П. Рокицкий

Пока велась приватная переписка между А.А. Прокофьевой и П.Ф. Рокицким, а судьба восстановленного послесловия решалась внутри редколлегии, редакция, чтобы усилить нажим на Н.Н. Медведева, направила его на просмотр еще и М.С. Гилярову, академику-секретарю Биологического отделения АН СССР.

Послесловие с правкой академика М.С. Гилярова Н.Н. Медведев получил из редакции 2 октября. В сопроводительном письме Л.Н. Кузьминовой его правка именовалась “правкой Отделения общей биологии”. Меркурий Сергеевич вычеркал более двух третей текста, отнюдь не заботясь о какой-либо логической связи между нетронутыми фрагментами, но с одобрением примечания П.Ф. Рокицкого. Это было, конечно, очередное давление издательства на автора.

Узнав от Н.Н. Медведева о получении правки М.С. Гилярова, Александра Алексеевна на другой день поехала в издательство, забрала ее и тут же по своей инициативе отправила ее в Минск П.Ф. Рокицкому, предупредив его об этом по телефону.

О своем разговоре с П.Ф. Рокицким она в тот же день рассказала Николаю Николаевичу. По поводу письма “четырех” Рокицкий, по ее словам, сказал, что:

- 1) текст послесловия не трогает, за исключением тех мест, которые, по его мнению, не имеют отношения к книге;
- 2) вычеркивает все примечания, в том числе и свое;
- 3) решительно против полного списка работ Ю.А. Филипченко – мелкие работы изъять;
- 4) список работ, биографию и портрет – в одну книгу.

После окончания работы над послесловием, все придет.

На вопрос: “Зачем она посылала правку М.С. Гилярова П.Ф. Рокицкому?”, та, не смущаясь, заявила: “Но это же ему надо было учесть”. На что Н.Н. Медведев ей прямо высказал, что это дело редакции, а ей незачем было устраивать ему очередную “подножку”, да еще по своей инициативе.

О “биографии и портрете” будет сказано позднее.

* * *

Окончив свою работу над послесловием Н.Н. Медведева, 9 октября П.Ф. Рокицкий отправил его в издательство со следующим письмом:

Уважаемая тов. Ветрова!

Проф. А.А. Прокофьева переслала мне текст послесловия к книге Ю.А. Филипченко “Эволюционная идея в биологии”, написанный Н.Н. Медведевым (по-видимому последний вариант), который вызвал ряд замечаний со стороны редакции. Учитывая создавшуюся противоречивую ситуацию, я взял на себя смелость переработать текст послесловия, значительно сократив его и внося исправления с учетом поправок академика М.С. Гилярова. Думаю, что в этом переработанном виде послесловие уже не вызовет сомнений и может быть направлено в печать.

Так как правку текста я делал в черновике, проф. А.А. Прокофьева передаст Вам уже перепечатанный текст, который прошу считать утвержденным мной и идущим от имени редколлегии, если Н.Н. Медведев не согласится с этим текстом.

Академик Белорусской Академии наук

П.Ф. Рокицкий

Заметим, что в первом из двух предыдущих писем говорится “пусть окончательно решает редакция”, а во втором, категоричное – “текст, который прошу считать утвержденным мной и идущим от имени редколлегии, если Н.Н. Медведев не согласится с этим текстом”.

Расчет был верен. Медведеву оставалось только не согласиться! Сам тон писем не оставлял ему иного выбора.

Когда 17 октября Н.Н. Медведев получил правленное П.Ф. Рокицким послесловие, то увидел, что его злополучное при-

мечание действительно снято, но кроме этого на 18 страницах рукописи пометка “снять” встречалась еще 43 раза, что означало фактическое уничтожение послесловия. Собственно говоря, на деле было реализовано предложение А.А. Прокофьевой, о котором она говорила Н.Н. Медведеву перед отправкой рукописи на просмотр П.Ф. Рокицкому с письмом “четырёх”.

Считать оставшиеся от своей рукописи останки “переработанным” послесловием к книге, пусть даже идущим от имени редколлегии, Николай Николаевич был не согласен. Но прежде чем принять окончательное решение, он хотел увидеть письмо П.Ф. Рокицкого в издательство и, ознакомившись с ним, 22 октября написал И.Б. Ветровой:

Многоуважаемая Ирина Борисовна!

По ознакомлении с теми сокращениями, которые внесены в рукопись моего послесловия к книге Ю.А. Филипченко “Эволюционная идея в биологии” М.С. Гиляровым и П.Ф. Рокицким, а также с копией письма П.Ф. Рокицкого на Ваше имя от 9.10. с/г, которую я получил сегодня, я вынужден сделать следующее заявление:

1. Я слагаю с себя обязанности ответственного редактора этой книги и как члена редколлегии по изданию двух других книг того же автора (“Изменчивость и методы ее изучения” и “Генетика мягких пшениц”).

2. Прошу Вас предостеречь П.Ф. Рокицкого от его намерения опубликовать мое весьма урезанное послесловие от имени редколлегии – этот шаг выходит за пределы его полномочий; в этом случае ему надо будет написать свое послесловие.

3. В тексте подготовленной мною рукописи по настоянию Л.Н. Кузьминовой допущены три купюры. Это обстоятельство прошу иметь в виду при передаче дальнейшей работы над этой книгой другому редактору.

С уважением к Вам

Н. Медведев

Так закончилось ответственное редактирование Н.Н. Медведевым книги “Эволюционная идея в биологии”. Да, Николай Николаевич всегда был очень ответствен: и во время решения всех организационных вопросов, связанных с ее переизданием, и при подготовке рукописи, и при составлении примечаний, и при написании послесловия. И именно эта ответственность не позволила ему оставить в книге изрезанные остатки своих мыслей, от чьего бы имени они ни шли.

Запись в дневнике Н.Н. Медведева: “О своем решении я известил также Д.К. Беляева и просил его назначить ответственным редактором книги другое лицо. Никакого назначения, конечно, не последовало и в создавшейся ситуации А.А. Прокофьева ста-

ла ответственным редактором книги, в подготовке которой, и тем более послесловия к ней, она непосредственно никакого участия не принимала”.

1 ноября 1976 г. Петр Фомич Рокицкий счел все же нужным написать Н.Н. Медведеву.

Дорогой Николай Николаевич!

Очень мне больно и грустно, что так получилось с книгой “Эволюционная идея в биологии” и с Вашим послесловием. И говорят, что Вы на нас обижены и на меня, в частности. Но, ради Бога, не надо обижаться, все мы к Вам хорошо относимся и высоко ценим Вас, как ученого и высоко принципиального человека.

Однако ситуация сложилась очень тяжелая. Длительная задержка со сдачей книги в печать ставила под угрозу ее публикацию, а это могло сказаться и на других книгах Ю.А. Филипченко. Надо было что-то делать.

Давая очень скромную добавку “От редакции” (в которой не было ни слова “автогенез”, ни “идеализм”), я хотел спасти Ваше послесловие, надеясь, что эта “кость” удовлетворит редакцию “Науки” (откуда получал довольно резкие письма). Но я знал по другим каналам (о чем Вы не знали), что против издания книг Ю.А. Филипченко есть значительная оппозиция (вспомните заседание Научного совета).

Каким-то образом материал дошел до М.С. Гилярова, что еще более ухудшило положение. Вы же поправлять по Гиляровским отметкам отказались. Вот почему пришлось нам втроем – Александре Алексеевне, Иосифу Абрамовичу и мне – написать очень краткое (3,5 стр.) послесловие только по двум вопросам, которые были затронуты и Вами. В.Ф. Любимова еще кое-что подправила.

Вообще говоря, можно было более детально остановиться на чисто эволюционных вопросах, материала в книге Ю.А.Ф. для этого достаточно, но уже поздно. Это надо было сделать несколько месяцев тому назад.

Теперь к книге “Эволюционная идея в биологии” прилагаются: портрет, полностью отредактированная биография (4,5 стр.), послесловие (3,5 стр.) и список основных работ Ю.А. (полный давать не имеет смысла). В редакции мы втроем плюс два работника издательства вывели весь список и вычеркнули мелочи и повторы.

Вот как обстоят дела.

Дорогой Николай Николаевич! Во-первых, еще раз прошу не обижаться (дело надо было кончать во чтобы то ни стало) и, во-вторых, большая просьба от всех нас остаться в составе редколлегии. Вы еще не раз понадобится для наших общих генетических дел и хотелось бы вновь вернуться к книге об Ю.А. Филипченко. Мне кажется, что ее надо бы написать в новой редакции Вам втроем, вместе с Александрой Алексеевной, Иосифом Абрамовичем (перерабатывал же Л.Н. Толстой “Войну и мир” 8 раз).

Крепко жму руку.

Искренне Ваш

1 ноября 1976 г.

П. Рокицкий

Чьи и какие заказы содержались в “резких письмах” редакции, которые надо было удовлетворять “спасительными костями”? Почему главный редактор не считал нужным делиться с ответственным за книгу коллегой информацией, получаемой по “другим каналам”? Почему Петр Фомич был уверен, что у Н.Н. Медведева не выйдет очерк о Ю.А. Филипченко? С чьей подачи возникло у него предложение о “тройственном” авторе?

Вопросы, вопросы, вопросы...

А может быть – жизнь, как она есть?

* * *

Несколько слов о “портрете и полностью отредактированной биографии”, упомянутых в письмах П.Ф. Рокицкого и А.А. Прокофьевой Н.Н. Медведеву.

Еще в декабре 1975 г. А.А. Прокофьева попросила у Медведева материалы очерка Ю.А. Филипченко, о чем в его дневнике записано:

“У А.А., по-видимому, зародилась мысль увековечить свое имя в книге “Изменчивость...”. Если последняя пойдет только с послесловием П.Ф. Рокицкого, а “Эволюция...” – моего, то ее имя останется втуне”.

Напомним, что с самого начала совместной работы редколлегии по переизданию книг Ю.А. Филипченко их ответственными редакторами были утверждены Н.Н. Медведев, П.Ф. Рокицкий и В.Ф. Любимова. Имя же А.А. Прокофьевой оставалось как бы в тени. Ее участие в общем деле, помимо роли заместителя главного редактора редколлегии, сводилось к чисто технической работе по подготовке рукописи книги “Изменчивость и методы ее изучения”, ответственным редактором которой был П.Ф. Рокицкий...

Когда очерк Н.Н. Медведева, крепко “застрял в идеологической сфере”, А.А. Прокофьева решила выйти вперед в “мемориальной сфере” – вставить биографическое предисловие в “Эволюционную идею...”, которая из трех переиздаваемых книг должна была выйти первой. К тому же биографический очерк Медведева был у нее в руках как у ответственного редактора.

Вопреки всем предварительным договоренностям – не давать в переиздаваемых книгах никаких предисловий (слишком претенциозно!), а только послесловия, она настойчиво принялась реализовывать эту свою идею. Кольнувшая как-то Н.Н. Медведева ее фраза: “Я больше думаю о себе, чем о Филипченко”, вполне соответствовала ее действиям.

От Л.Н. Кузьминовой, между делом, как уже само собой разумеющееся, Н.Н. Медведев, ответственный редактор книги “Эволюционная идея...”, узнает, что А.А. Прокофьева уже готовит для этой книги, к которой она непосредственного отношения не имела, не только биографическое предисловие, но и портрет Ю.А. Филипченко, взятый из очерка Н.Н. Медведева. Такие закулисные действия со стороны коллеги для Николая Николаевича, увы, уже не были неожиданными. При этом редакция будет требовать от Н.Н. Медведева, как ответственного редактора книги, разрешение РИСО на помещение в книгу этих новых элементов.

Последующее развитие событий показало, что А.А. Прокофьева достигла своей цели, оказавшись в результате и автором “биографического предисловия” к “Эволюционной идее ...” и ее ответственным редактором.

* * *

Записи самого Николая Николаевича после письма 22 октября, адресованного И.Б. Ветровой, завершают историю с “Эволюционной идеей...”:

“... Все последующие события вокруг данной книги происходили уже без моего участия. О них я узнавал лишь по осведомительным телефонным звонкам А.А. Прокофьевой, терпеливо выслушивал ее и всё.

Достоверно знаю лишь следующее. Мое предупреждение П.Ф. Рокицкому о недопустимости публикации от лица Редколлегии “отредактированного” послесловия не осталось без его внимания. Судя по сведениям, полученным опять же от А.А. Прокофьевой, П.Ф. Рокицкий пытался представить свой, совсем куцый проект послесловия (на 3–4 стр.), который уже не удовлетворял редакцию. После этого были рассмотрены и также отвергнуты два проекта послесловия И.А. Рапопорта. Далее велись переговоры с А.Е. Гайсиновичем по этому же вопросу, которые не получили развития ввиду того, что А.Е. Гайсинович соглашался написать послесловие лишь при условии, если ему будет прислано специально на этот счет предложение (или заказ) от издательства.

Наконец, последний выбор (не знаю по чьей инициативе) выпал на А.В. Яблокова, послесловие которого от лица редколлегии и было напечатано. Перед сдачей своего текста в редакцию А.В. Яблоков присылал его мне для осведомления и спрашивал меня (по телефону), не несусь ли я к нему недоброжелательно. Я заверил его в том, что ничего не имею против текста, ни тем более против его участия на заключительном этапе работы над книгой. Попутно я кратко рассказал ему историю вопроса, с которой он в общем был уже знаком, и выразил пожелание, чтобы книга, наконец, увидела свет.

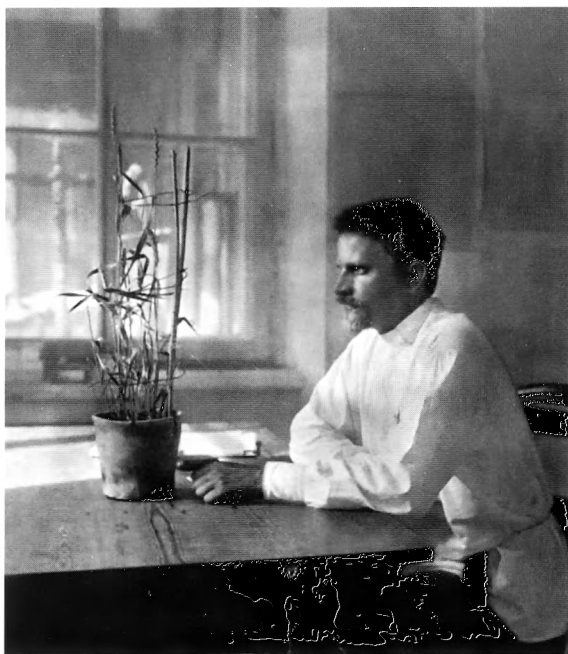
**Ю.А. Филипченко.
1900 г.**



**Н.Я. Федорова и Н.Н. Медведев – первые два студента,
принятые на кафедру генетики в 1922 г. 1927 г.**



**Ю.А. Филипченко
среди посевов пшениц.
1929 г.**



**Ю.А. Филипченко
в лаборатории.
1929 г.**



Надежда Павловна Филипченко (жена Юрия Александровича) с сыном Глебом. Ориентировочно 1922 г. Оба умерли в блокадном Ленинграде
(Фото из архива истории генетики Музея Н.И. Вавилова. Предоставлено Т.Б. Авруцкой).

Бюро.

1921

3/II

Беседа с А.И. Фреманом, подполковника
Японской К.И.В.С.

14/II

Заседание Совета К.И.В.С. - посвященное
об организации Бюро [по Европе]

28/II

Служба А.И. Фреману для переезда в Бюро
.. 2-го класса эскадрона

⊗

Лекция об эскадронах и эскадронных
разделах в Японии

14/IV

Посещение Бюро в дом А.А. Боровко -
заведующий отделом эскадронных дел в Бюро
Информационного

15, 21/IV

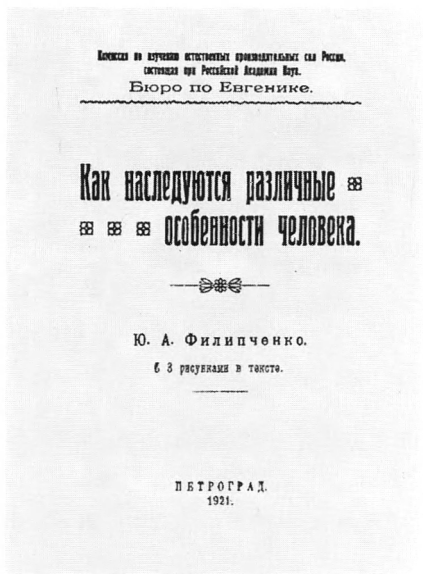
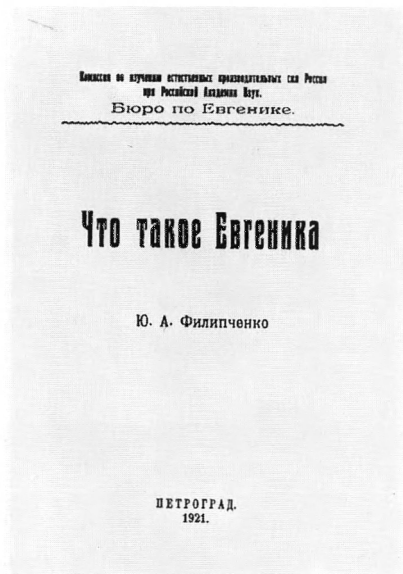
⊗ Лекция по эскадронам на Курае по
охране имущества и молодежи от
Советского Китая. Восточная

16/V

Служба Т.П. Блоку для переезда в Бюро
.. Как эскадронный разведчик эскадронных дел
- Равно о разведке Д.В. Давидова



Ю.А. Филипченко с сотрудниками лаборатории. 1923 г.
 Слева направо: сидят – И.А. Киселев, С.Л. Дрюбина, Ю.А. Филипченко,
 А.В. Швейер, В.М. Исаев; стоят – Я.Я. Лус, В.Ф. Дельвиг, Т.К. Лепин,
 А.И. Зуйтин, И.И. Канаев



Титульные листы научно-популярных книг Ю.А. Филипченко

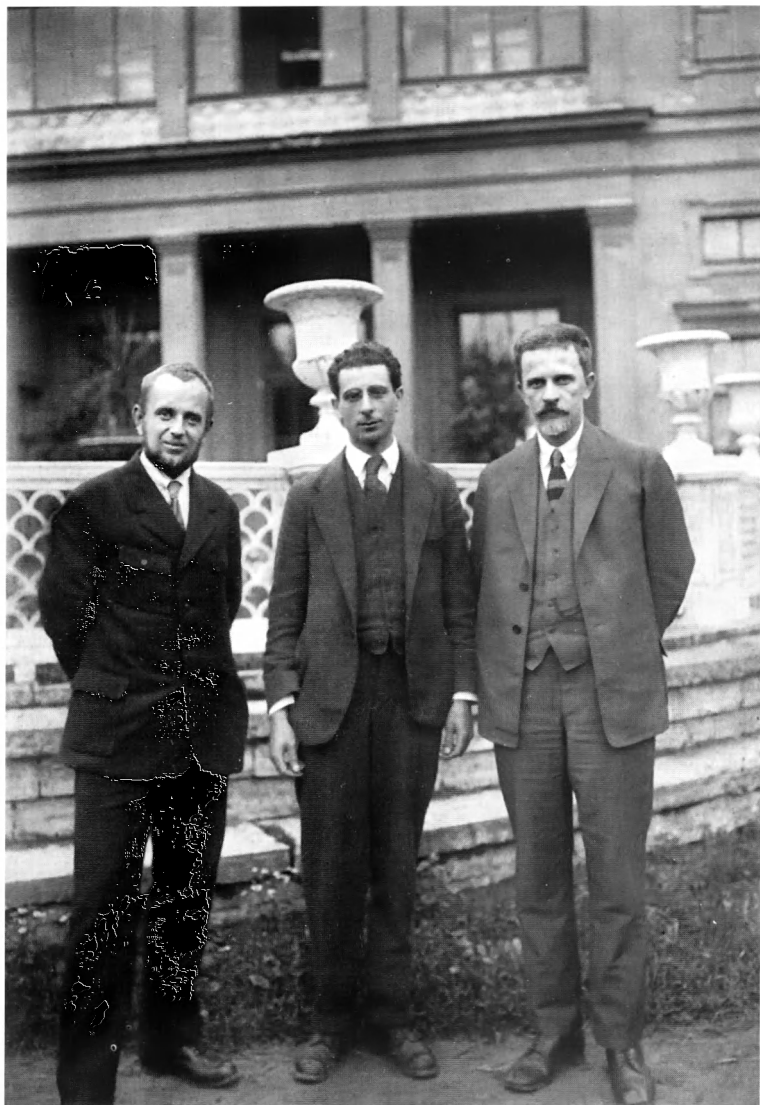


Ю.А. Филиппенко с сотрудниками и студентами в Петергофе. 1925 г.

Слева направо: в первом ряду – Н.Н. Медведев, (?), (?), Ю.А. Филиппенко, Н.Я. Федорова; во втором ряду – И.Ф. Бордзю, А.И. Зуётин, Т.К. Лепин, (?), Ф.Г. Добржанский, В.И. Савельев, И.И. Канаев, Н.П. Сиверцева-Дображанская, Я.Я. Лус; в третьем ряду – Г.М. Пхакадзе



Сотрудники и студенты кафедры генетики Ленинградского университета. 1930 г.



**Ф.Г. Добржанский, (?) и Ю.А. Филипченко у здания ПЕНИ в Петергофе.
1925 г.**



Ю.А. Филипченко с сотрудниками и студентами, отъезжающими в первую экспедицию в Казахстан. 1926 г.

Слева направо: сидят Ф.Г. Добржанский, Ю.А. Филипченко, Я.Я. Лус; стоят В.И. Савельев, Н.Н. Медведев



Участники первой экспедиции с местными жителями. Талды-Курган. 1926 г.

Слева направо: на переднем плане – Н.Н. Медведев, Я.Я. Лус,
Ф.Г. Добржанский; во втором ряду – второй В.И. Савельев



Участники экспедиции с местными жителями в их обстановке.

Справа от девочки Н.Н. Медведев, за девочкой во втором ряду
Ф.Г. Добржанский и В.И. Савельев (справа). Средняя Азия. Урочище Тюбет.
Госплемсовхоз “Догерес”. Май 1926 г.



Участники экспедиции отправляются в поход

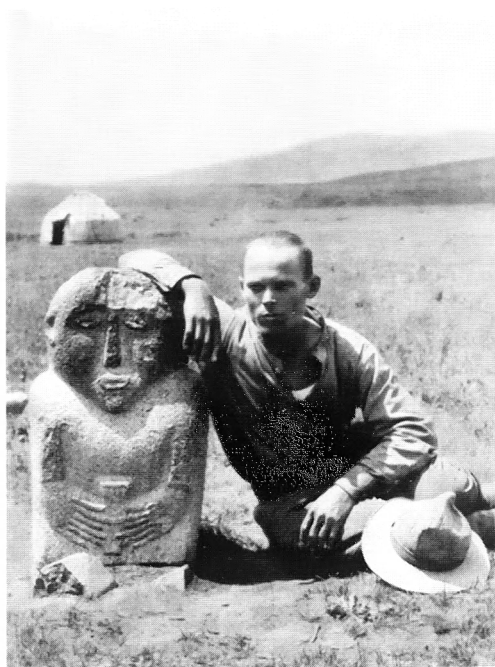
Слева направо (на конях): Н.Н. Медведев, Ф.Г. Добржанский, (?), (?),
В.И. Савельев, (?). Средняя Азия. Урочище Ой-Джайляу, Копальского уезда.
Июнь 1926 г.



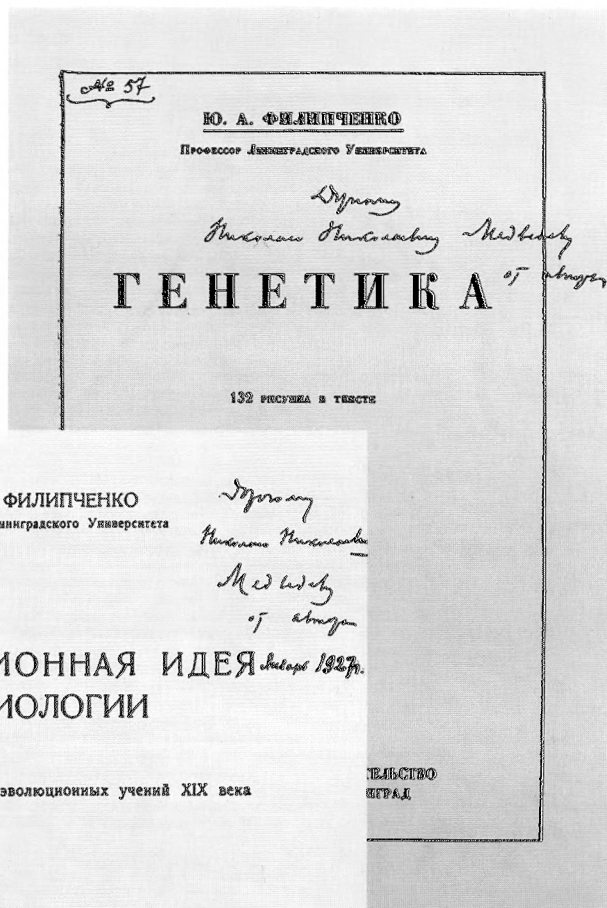
Переправа через реку Тургенъ

Возглавляет группу всадников Ф.Г. Добржанский. Средняя Азия. Джеты-Су.
Август 1926 г.

**Н.Н. Медведев у каменного
“стража” казахстанских
степей. 1926 г.**



**Н.Н. Медведев.
1976 г.**

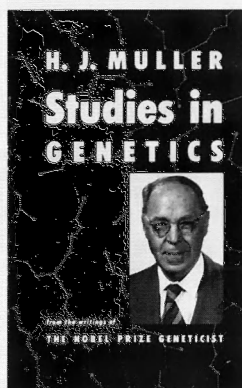


Автографы Ю.А. Филипченко на титульных листах книг
из библиотеки Н.Н. Медведева

Совсем верно! (99)
И. Дзедз

Так в сверке книги "Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО" выглядели страницы написанного И.Н. Смирновым послесловия "От редакции" (см. с. 174–178) после прочтения их И.Т. Фроловым

После такой правки редакции не оставалось ничего иного, как снять это послесловие



Studies in GENETICS

Николаю Николаевичу и Платонке
и теще Герману Николаевичу,
Сердечно приветствую с новым годом,
1963,
с ~~памятью~~ средним пор
и надеждой ~~лучших~~ пор
от Германа Германовича

Автограф Г.Г. Мёллера на авантитуле сборника "Studies in GENETICS",
присланного Н.Н. Медведеву. Это из него были вырезаны страницы со
статьей "Science in Bondage" ("Наука в рабстве")

Дорогой Николай Николаевич!
Благодарю Вас за поздравление и со своей
стороны горячо желаю Вам в наступающем новом
году здоровья и бодрости, успешно продолжать
Ваш интересные исследования по истории биологии.
Надеюсь, что Вы найдете возможность приложить в
книжечке вид написанную Вами биографию
Филиппенко.
3 января 1979. Ваш А. Яншин

Художник А. Любезнов.

5-1495. II, 3 к.
Т. 2 000 000
КПК, З. 1569
3114311
© Издательство «Изобразительное искусство», Москва, 1979

80205-355 БЗ № 41-7-78
024(01)-78

Пересылке по почте в от-
крытом виде не подлежит.

Академик А.Л. Яншин – Н.Н. Медведеву.
после выхода книги о Ю.А. Филиппенко

Следует еще раз остановиться на том месте моего заявления И.Б. Ветровой, в котором шла о моем выходе из состава редколлегии. По этому поводу И.Б. Ветрова в телефонном разговоре заявила, что этого сделать нельзя – для этого якобы требуется специальное решение Научного совета. Справедливость этих слов оставляю на совести собеседника. Уверен, однако, что никакого специального постановления о введении в редколлегию А.В. Яблокова, конечно, не было, хотя его фамилия и числится в ее составе. Скорее всего это было сделано, если не по единоличному распоряжению И.Б. Ветровой, то в лучшем случае при содействии той же Л.Н. Кузьминовой, а может быть и А.А. Прокофьевой. То же самое можно сказать и об А.А. Прокофьевой в качестве ответственного редактора книги.

В заключение стоит вернуться к письму П.Ф. Рокицкого на мое имя от 01.11.1976 г. Оно написано явно в примирительном тоне. По-видимому он понял, что в данном случае перестарался и этим письмом пытался (? пропущено слово. – *Сост.*) то впечатление, которое у него осталось от всей этой канители. По этой же причине его послесловие к книге “Изменчивость и методы ее изучения” выдержано в более доброжелательном тоне.

Теперь, слава Богу, все тревожения и хлопоты позади (...).

Нам неизвестно, почему фамилии А.В. Яблокова не оказалось под написанным им послесловием к книге “Эволюционная идея в биологии”, но мы с благодарностью хотим отметить корректное и уважительное отношение Алексея Владимировича к Николаю Николаевичу.

“Эволюционная идея в биологии” была подписана к печати 11 апреля 1977 г. и вышла в 1977 г. Ее открывают портрет Ю.А. Филипченко и его краткая биография, написанная, в чем нетрудно убедиться, по материалам очерка Н.Н. Медведева “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО членом-корреспондентом АМН СССР, его ответственным редактором А.А. Прокофьевой-Бельговской.

* * *

Вернемся к многострадальному очерку Н.Н. Медведева “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”. Мы расстались с ним в августе, когда на него была получен анонимный, отрицательный отзыв и издательство сообщило автору, что его книга снимается с производства. Получение такого известия совершенно по иному заставило взглянуть на роль и значение переиздаваемых книг самого Ю.А. Филипченко и, прежде всего первой из них, “Эволюционной идеи в биологии”, где можно было хоть немного рассказать об ученом. Чем это все закончилось – описано выше.

Чем же был так озабочен анонимный рецензент, читая сверку очерка “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”?

О рукописи Н.Н. Медведева
“Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО”

Автор собрал богатый материал об известном отечественном исследователе наследственности и изменчивости, большом организаторе науки, страстном пропагандисте биологических знаний, блестящем организаторе и педагоге, каким был профессор Ленинградского университета и заведующий первой кафедры генетики в России Ю.А. Филипченко. Являясь его учеником, автор рукописи поставил перед собой сложную задачу – осветить многогранную деятельность своего учителя. В этой связи Н.Н. Медведевым проведена большая работа по упорядочению материалов из жизни и деятельности Ю.А. Филипченко. Однако эта работа еще далека от завершения и совершенства.

К сожалению, здесь не обошлось и без идеологических издержек. Например, автор глубоко заблуждается, утверждая на стр. 66, что официальной философской доктриной у нас в середине 1930-х гг. был лamarкизм. Вместе с тем общеизвестно, что философской основой марксистско-ленинской идеологии всегда был диалектический материализм. В разделе “Исследования по наследственности у человека” автор ограничился по существу пересказом егенических идей Филипченко.

Особые нарекания вызывает биологизация концепции интеллигенции, фактически игнорирующая ее обусловленность общественными отношениями. Именно здесь в наибольшей степени проявилась теоретическая беспомощность как Ю.А. Филипченко, так и Н.Н. Медведева, который не смог раскрыть значение передовой марксистско-ленинской теории в решении этого социального вопроса. Вообще говоря, эта часть рукописи, посвященная егенике, оказалась фрагментарной, конспективной.

Не получилось и глубоко продуманного анализа, так как автор, очевидно, профессионально не владеет методом материалистической диалектики, а без него утрачивается стратегия научного поиска и как следствие – появляется опасность прийти к тривиальным биологизированным выводам.

А стоит ли акцентировать внимание на заблуждениях и ошибках Филипченко? Ведь они имеют исторический, преходящий характер. Если же и делать это, то на мой взгляд, необходимо помещать солидный комментарий с учетом современных данных как естественных, так и общественных наук. В противном случае книга может превратиться в пропаганду чуждых нашей идеологии идей, чем не замедлят воспользоваться антикоммунисты, специализирующиеся на отыскании наших недостатков.

Думается, что автор не прав, когда сводит содержание отечественной литературы по егенике во времена Филипченко, главным образом, к узким рамкам политической борьбы с расизмом и фашизмом (стр. 50).

Станным кажется высказывание Н.Н. Медведева (стр. 39) о том, что методологическая направленность дискуссии в генетике 1920-х гг. сыграла отрицательную роль. Как раз наоборот, она позволила рассмотреть действительно сложные проблемы генетики в более широком контексте, всесторонне.

Порой автора берут в плен эмоции, и тогда он лестно отзываясь о Добржанском в советский период его жизни и ничего не говорит о дея-

тельности Добржанского после переезда в США или почему-то говорит лишь о ламаркистских тенденциях в СССР, которые якобы не были преодолены до 1964 г. (стр. 40). Однако, как показал И.Т. Фролов (“Генетика и диалектика”, М., 1968), дело обстояло значительно сложнее.

Трудно согласиться с автором, указывающим на недостаток евгенической программы Филипченко, заключающийся в том, что она опиралась на мероприятия государства, которые составляли основу конституции (стр. 54). Напротив, именно в этом, на мой взгляд, была ее сильная сторона.

Наверное, рукопись могла бы быть сокращена за счет общих мест или текста, не имеющего прямого отношения к Ю.А. Филипченко. Например, нужны ли страницы 60–63 и другие?

В итоге можно заключить, что рукопись нуждается в большой авторской работе и в таком виде не может быть рекомендована к публикации. Хотелось бы видеть книгу о крупном отечественном ученом в форме анализа его творчества, а не пересказа научного вклада. Она должна объяснять не только достижения, но и вскрывать причины заблуждений.

Я позволю себе высказать еще одно пожелание. Целесообразно создать коллектив авторов для всестороннего освещения жизни и богатого творческого наследия Ю.А. Филипченко. Сюда должны войти биологи, историки науки, генетики, философы. Желательно видеть соавтором и Н.Н. Медведева. Это придаст книге теплоту воспоминаний благодарного ученика о своем учителе. Хорошо было бы приурочить выход книги к 100-летию со дня рождения Ю.А. Филипченко (1982 год)²⁰.

Без подписи

Прокомментируем лишь три “гвоздя”, забиваемых в распинаемого автора и его главного героя:

“{...} Именно здесь в наибольшей степени проявилась теоретическая беспомощность как Ю.А. Филипченко, так и Н.Н. Медведева, который не смог раскрыть значение передовой марксистско-ленинской теории в решении этого социального вопроса”.

“Порой автора берут в плен эмоции, и тогда он лестно отзываясь о Добржанском в советский период его жизни и ничего не говорит о деятельности Добржанского после переезда в США... (после такого многозначительного предупреждения бдительный читатель уже не ждет от этой деятельности ничего хорошего. – *Сосн.*)”.

“...Целесообразно создать коллектив авторов для всестороннего освещения жизни и богатого творческого наследия Ю.А. Филипченко.

²⁰ К 100-летию Ю.А. Филипченко оказалась “приуроченной” статья А.А. Прокофьевой “У истоков отечественной генетики” в журнале “Природа”, № 2, 1982. Статья целиком посвящена именно Ю.А. Филипченко. Однако книга Н.Н. Медведева о нем, ответственным редактором которой была А.А. Прокофьева, ни в тексте статьи, ни в рекомендованной литературе не упомянута ни словом.

Технология “неупоминания” распространялась теперь и на самого Н.Н. Медведева. – *Примечание составителя.*

Сюда должны войти биологи, историки науки, генетики, философы. Желательно видеть соавтором и Н.Н. Медведева. Это придаст книге теплоту воспоминаний благодарного ученика о своем учителе. Хорошо было бы приурочить выход книги к 100-летию со дня рождения Ю.А. Филипченко (1882 год)".

Начнем с "беспомощности". Штампованные ярлыки, если и блещут, то отнюдь не разнообразием, а потертостями от многократного употребления. В послесловии "От редакции", написанном И.Н. Смирновым, Ю.А. Филипченко приписывалась "полная беспомощность", теперь его же, а заодно и автора, бичуют "теоретической беспомощностью".

Перейдем к деятельности Ф.Г. Добржанского после переезда в США. Она была хорошо известна Н.Н. Медведеву, который к 1975 г. уже 13 лет переписывался с Феодосием Григорьевичем, о чем свидетельствует сохранившаяся их переписка. В августе 1975 г., за четыре месяца до смерти, Ф.Г. Добржанский писал: "Если Вы напишете биографию Филипченко, то очень бы хотел такую прочитать". Медведев отвечал: "Свой краткий очерк о жизни и научной деятельности Ю.А. Филипченко я рассматриваю сугубо предварительным; в дальнейшем предполагаю написать о нем более обстоятельный труд". И написал бы, если бы не мешали...

Только через полтора десятка лет в журнале "Природа" (№ 3 за 1990 г.) к 90-летию Ф.Г. Добржанского (еще советская власть!) появилась статья Я.М. Галла и М.Б. Конашева "Классик" с портретом, на котором, видимо, для правильной ориентации читателей было напечатано "Наш Добржанский" (был не наш, а теперь наш!).

Из этой статьи читатели узнали, наконец, "о деятельности Ф.Г. Добржанского после переезда в США":

"Добржанский всегда был рад встречам с советскими учеными на международных конгрессах или в период их пребывания в научных командировках в США. Он постоянно следил за развитием генетики в СССР, да и вообще за всем, происходящим на родине. Превосходно зная советскую литературу по генетике и эволюционной теории, он активно пропагандировал достижения советской научной мысли, в чем можно убедиться, даже взглянув на библиографии в его основных монографиях по теории эволюции".

Пожалуй, действительно, для восприятия такой информации в 1976 г., "аудитория не была готова" (где-то мы уже что-то подобное встречали, не правда ли, читатель?).

Время все-таки – наиболее надежный судья!

Что касается "теплой" заботы рецензента о "благодарном ученике", уже 77-летнем, то это хорошо прочувствовал тоже немолодой академик В.А. Энгельгардт, заметивший позже в своем отзыве:

“Можно сказать рецензенту спасибо, что он не предложил, например, год 2003 – пятидесятилетие открытия вещества наследственности”, (тогда уж точно не дойдет дело до “теплоты воспоминаний” благодарного ученика. – *Сост.*)

Отзывом анонима уже вполне могла быть поставлена точка в затянувшейся повести о вторичной попытке издать книгу о великом русском генетике Ю.А. Филипченко. Тем более что слишком уж неравными были силы весьма пожилого автора книги и поддерживаемого государственной машиной идеологического спрута, внедрившегося во все сферы жизни, в том числе, и в научную и издательскую деятельность.

И все же это еще был не конец эпопеи ...

8 сентября, разговаривая с зам. главного редактора И.Б. Ветровой по делам “Эволюционной идеи...”, Николай Николаевич поинтересовался и своей книгой. Оказалось, что набор ее еще не ссыпан. Издательство находилось в ожидании ответа от зам. председателя РИСО академика А.Л. Яншина, которому по поводу очерка было отправлено письмо.

И вдруг в тот же день, неожиданно раздался звонок Наталии Владимировны Энгельгардт, дочери академика В.А. Энгельгардта:

“Владимир Александрович узнал о положении с книгой “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” и хотел бы помочь. Он просит дать ему текст книги и другие материалы по ней, чтобы с ними ознакомиться. Хотя он почти ничего не слышит – объясняться с ним можно на бумаге”.

Неизвестно, каким образом дошли до Владимира Александровича сведения о положении с очерком о Филипченко, но несомненно одно – на фоне сплошных неудач это неожиданное участие и поддержка возродили у Николая Николаевича надежду довести до конца дело, в которое было вложено столько сил, причем уже не только его одного. И прочитав в десятый, а может быть в сотый раз разгромный приговор своему труду, вынесенный безымянным “спецом”, он 12 сентября 1976 г. написал на него свой отзыв и отправил его в издательство И.Б. Ветровой.

Многоуважаемая Ирина Борисовна!

Со дня получения рецензии (13.08.1976 г.) на верстку (точнее на сверку. – *Сост.*) моего очерка о жизни и научной деятельности Ю.А. Филипченко прошел уже месяц. Вообще говоря, на эту рецензию можно было бы и не реагировать, пережив некоторое разочарование и приобщив ее к другим таким же неопубликованным рукописям. Однако все это время меня не покидала другая мысль, а именно – поразительная общность этой рецензии с тем, с чем приходилось сталкиваться в 1930–1940-е гг. Эта мысль и послужила стимулом для того, чтобы поделиться краткими замечаниями по существу рецензии, о которой идет речь.

Я вполне отдаю отчет в том, что на издательство “Наука”, как наиболее авторитетное и в своем роде уникальное в Союзе, возложены оп-

ределенные обязанности и в том числе и не в последнюю очередь – борьба за чистоту методологических принципов в научных трудах. Казалось бы, что отсюда должна была следовать и другая, столь же ответственная задача и обязанность издательства – осуществлять этот контроль на уровне, действительно достойном Академии наук. Между тем рецензия на мой труд, увы, – набор стандартных фраз человека, некомпетентного не только в биологии, но также и в вопросах философии, специалистом в которой он себя мнит, противопоставляя себя автору очерка, по его мнению, “профессионально не владеющему методом диалектического материализма”.

Обычно считается нескромным выставлять напоказ свою компетентность в той или иной области науки. Однако, игнорируя в данном случае это неписаное правило, я должен признаться, что отнюдь не испытываю над собой какого-либо превосходства моего оппонента в вопросах философии, если судить по тому, что им написано в отзыве на мою книгу. Более того, рецензент толком не знает даже те философские источники, на которые ссылается в подтверждение своей точки зрения.

Так, например, к “идеологическим издержкам” (?) и “глубоким заблуждениям” рецензент относит мое утверждение о том, что “ламаркизм в середине 1930-х гг. был признан у нас официальной биологической и философской доктриной” (стр. 66 верстки), противопоставляя его диалектическому материализму со ссылкой на книгу И.Т. Фролова “Генетика и диалектика” (М.: Наука, 1968). Ну что же, обратимся к первоисточнику. Анализируя позицию одного из философских лидеров тех лет, академика Митина, И.Т. Фролов пишет:

“Перечислив научные и практические заслуги Т.Д. Лысенко, Б.М. Митин подчеркнул, что положения, выдвинутые им, “не только находят в согласии с учением Дарвина, но являются дальнейшим развитием целого ряда положений дарвинизма и идут по линии проникновения метода диалектического материализма в биологическую науку” (стр. 92).

А еще десятью страницами ниже, подводя итоги “проникновению диалектического материализма в биологическую науку” на базе “трудов” Лысенко, Фролов пишет:

“В философских работах по вопросам биологии этого периода господствовало комментаторство взглядов Т.Д. Лысенко, которые все более трансформировались по линии механоламаркизма (точнее было бы сказать – идеализма. – Н.М.), фактического противопоставления их дарвинизму. В них нашла свое предельное выражение вульгаризация творческого и многостороннего метода материалистической диалектики в его применении к решению проблем генетики. Это сопровождалось общим снижением уровня рассмотрения философских вопросов биологии, его трансформацией по линии натурфилософских и позитивистских подходов” (стр. 106, подчеркнуто мною. – Н.М.).

Приведенный пример – один из многих в книге Фролова, показывающий, что официальный диалектический материализм тех лет и такой же материализм наших дней, увы, – далеко не одно и то же. Под флагом диалектического материализма тех лет “хотели на великую науку надеть шутовской колпак” (И.Т. Фролов, там же, стр. 80).

“Особые нарекания, – пишет далее рецензент, – вызывает биологизация концепции интеллигенции, фактически игнорирующая ее обусловленность общественными отношениями. Именно здесь в наибольшей степени проявилась теоретическая беспомощность как Ю.А. Филиппенко, так и Н.Н. Медведева, который не смог раскрыть значения передовой марксистско-ленинской теории в решении этого социального вопроса”.

Смысл этой выдержки из рецензии кратко сводится к следующему: по признаку одаренности интеллигенция стоит на одном уровне с рядовыми рабочими, колхозниками и представителями всех других, неинтеллигентных профессий. Логически продолжая эту мысль, то же самое можно сказать далее о профессорах, академиках и о всех высоко одаренных личностях в той или иной сфере человеческой деятельности – всё определяется общественными взаимоотношениями и ничем больше.

Философ Г.В. Платонов в книге “Проблема способностей” именно так и пишет. По его мнению, задача воспитания новых Бетховенов проста: для этого надо было бы лишь в точности, до мельчайших подробностей воспроизвести тот комплекс условий и общественных взаимоотношений, в которых воспитывался и формировался этот музыкальный гений.

Действительность, однако, говорит не в пользу этой точки зрения. Необходимо прежде всего подчеркнуть, что представители интеллигентных профессий воспитываются в современном мире в условиях, которые, пожалуй, мало отличаются в лучшую сторону от тех, в которых воспитываются представители неинтеллигентных профессий, если не сказать больше. Тем не менее, в начальной и средней школе всегда были, есть и будут успевающие и неуспевающие. В высшей школе эта дифференциация выступает еще нагляднее, несмотря на то, что роль социальной среды на этой стадии развития и формирования личности и способностей становится еще меньше.

Наконец, о том же говорят всевозможные спецшколы, конкурсы, теле- и радиопередачи под лозунгом “Мы ищем таланты”, всевозможные тесты на пригодность испытуемых к разным профессиям и т.д. Таковы действительность и факты, которые рекомендуют нам выбросить, как чуждые и несовместимые с диалектическим материализмом как основой марксистско-ленинской идеологии. Иначе говоря, автор рецензии снова ориентирует нас на диалектический материализм 1930-х гг. с той лишь разницей, что в те годы он процветал в угоду Лысенко, а теперь – снова как следствие переоценки социальных, т.е. тех же внешних по отношению к человеку, условий и игнорирования биологической природы самого человека. Истина здесь лежит на середине и должна решаться не по принципу или только внутренние, или только внешние факторы, а в духе диалектического взаимодействия тех и других. Заметим попутно, что сама эта проблема представляет собой прекрасный пример развития диалектической логики на основе взаимодействия и борьбы противоположностей и не только в индивидуальном развитии и формировании способностей человека, о чем идет речь в данном случае, но в эволюционном развитии живого мира вообще.

Вместе с тем, рецензент озабочен тем, что “акцентирование внимания на заблуждениях и ошибках Филипченко, имеющих лишь исторический, преходящий интерес, как бы превратилось в пропаганду чуждых нашей идеологии идей, чем не замедлят воспользоваться антикоммунисты...” и т.д. Вот уж детская болезнь левизны наизнанку. На днях я ознакомился с очередной отечественной сводкой по вопросам эволюции (Я.М. Галл. Борьба за существование как фактор эволюции. М. Наука, 1976, Ленинградское отделение). Эта сводка – по крайней мере восьмая по счету в отечественной литературе, в которой, как и во всех предыдущих, имя Филипченко не упоминается ни разу. Поэтому надо ли удивляться тому, что имя Филипченко и его роль в науке совершенно неизвестны молодому поколению биологов. Неизвестно оно и в редакциях издательства “Наука”, как то недавно выяснилось, например, в беседе с Л.Н. Кузьминовой, правда, уже в несколько иной связи. С другой стороны, нельзя не отметить, что заявки книготоргов на мой, казалось бы столь незначительный очерк собирали баснословно высокий тираж – 63 тыс. экземпляров, который тиражной комиссией был низведен до 10 тыс.

Можно, конечно, и дальше следовать установившейся традиции – умолчание есть лучший способ предать забвению имя этого выдающегося ученого. Однако нам доподлинно известно, что несколько зарубежных историков биологии интересуются трудами Филипченко на фоне полного отсутствия о нем каких-либо сведений в отечественной литературе и не исключено, что к очередному международному генетическому конгрессу, который состоится в Москве менее, чем через два года, мы будем иметь возможность ознакомиться с его трудами в освещении уже зарубежных генетиков-историков.

Я был бы признателен рецензенту, если бы он мог указать мне литературные источники времен Филипченко, в которых (разумеется, за вычетом трудов самого этого автора) евгеника рассматривалась бы с позитивной точки зрения, а не только как орудие политической борьбы с надвигавшимся тогда расизмом и особенно – фашизмом. Мне такие труды неизвестны.

Удивление вызывает также положительная оценка рецензентом генетической дискуссии 1920-х гг. В таком случае, сказавши А, надо бы сказать и Б, и В и т.д., т.е. что дискуссия 1930-х гг., одним из главных и показательных результатов которой было смещение Н.И. Вавилова с поста созданной им Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, и августовская сессия той же ВАСХНИЛ, очевидно, также имели положительное значение!

Кратко об эмоциях и, в частности, – о Ф.Г. Добржанском. Я вовсе не уклонялся от того небольшого, что можно и, по-моему, нужно сказать о его работе в США. Но мое предложение было в редакции отклонено, мне было разрешено отметить только дату его смерти, последовавшей во время прохождения верстки в редакции. Зарубежные некрологи и отклики на его смерть публикуются в зарубежных изданиях и до сих пор, и специально для сведения моего рецензента присовокупляю, что в одном из зарубежных некрологов Добржанский рассматривается как Дарвин XX века – таковы его научные заслуги.

Единственной положительной стороной евгенической программы Филипченко рецензент считает ее преемственную связь с конституцией. Вопрос этот сложный и для того, чтобы досконально выяснить, что чему предшествовало, и что из чего вытекало, нужно было бы детально ознакомиться с основными правительственными постановлениями первых лет революции вплоть до VIII съезда, на котором была принята ныне действующая конституция Союза. Я не имел возможности подробно заняться этим вопросом, поскольку данная глава прорабатывалась мною в спешке, уже на стадии верстки. И ради справедливости надо признаться, что фраза, о которой идет речь, была подсказана мне редактором Вяземцевой, которой нужно было, во что бы то ни стало, дать критику евгенической программы Филипченко. Поэтому и этот единственный комплимент рецензента я отношу исключительно на счет редактора. Кстати сказать, по опыту своей работы с Вяземцевой могу не без основания сказать, что с составлением подобной рецензии она справилась бы, пожалуй, не хуже, а может быть даже лучше анонима.

Коротко о замечании рецензента о том, что стр. 60–63 верстки, где речь идет об организации в стране медико-генетических консультативных кабинетов, якобы не имеет к тексту прямого отношения и что их без ущерба можно сократить. На этих страницах я старался показать, что тезис Филипченко об ограничении рождаемости наследственно неполноценными членами общества (разумеется, на добровольных началах), за которые автор подвергался ожесточенной и несправедливой критике еще при жизни, так и после смерти, получил в наши дни официальное признание и выражение в приказе министра здравоохранения Союза: в том случае, если родители почему-либо сомневаются в рождении у них полноценного потомства, они могут обратиться за советом в соответствующую медико-генетическую консультацию; там им дадут совет, как поступить в каждом конкретном случае. Решение вопроса о том, взаимосвязаны ли эти два события или нет, зависит уже от вкуса и точки зрения, и здесь на этом нет надобности останавливаться, кроме ссылки на текст верстки. Но при всех обстоятельствах несомненно другое – рецензент или не вчитался в эти страницы или просто их не понял и что редактор Вяземцева разбиралась в этом и других вопросах более компетентно.

Наконец, если социальный и философский аспекты проблемы способностей действительно требовали критики и квалифицированного анализа главы по наследственности человека и евгенике, то спрашивается – почему это не было сделано своевременно, если только руководство издательства почему-либо не удовлетворяло послесловие философа И.Н. Смирнова? Я ведь заранее был согласен со всем тем, что могло быть написано и действительно было написано по этому поводу И.Н. Смирновым, тем более, что в редакции мне было сказано, что его кандидатура на амплу рецензента моей верстки апробирована отделом науки ЦК.

Трогательно сформулирован заключительный абзац рецензии. В нем речь идет о том, что для всестороннего освещения жизни и богатого наследия Ю.А. Филипченко необходимо написать книгу, приурочив ее вы-

ход к 100-летию со дня его рождения. Для этого, по мнению рецензента, “целесообразно создать коллектив авторов, куда должны войти биологи, историки науки, генетики, философы. Желательно видеть соавтором и Н.Н. Медведева. Это придаст книге теплоту воспоминаний благодарного ученика о своем учителе”. К этому остается добавить, что от Медведева, по-видимому, требуется только “теплота”; во всем остальном следует положиться на компетенцию соавторов упомянутых специальностей.

Таковы мои по необходимости самые краткие замечания по существу анонимной рецензии, вставшей на пути опубликования моего очерка о Ю.А. Филипченко. Цель будет достигнута, если они будут прочитаны до конца и послужат Вам поводом для размышлений на тему улучшения Вашей работы на будущее.

Прошу ознакомить с этим письмом В.П. Лишевского и В.Н. Вяземцеву.

С уважением к Вам

Н. Медведев

Современному читателю сопоставление рецензии анонима и ответа на него Н.Н. Медведева лишний раз поможет понять в каких условиях постоянного марксистско-ленинского “цыкания” приходилось работать тогда ученым, причем любых направлений науки. Ведь только оборонный характер ведущих научных разработок спас в свое время физику от такого же разгрома, каким была сессия ВАСХНИЛ для биологов. Сценарий этой вакханалии был уже подробно разработан.

Для обнаружения псевдонаучного уровня такого цыкания Медведеву оказалось достаточно заглянуть в ту самую книгу, которой аноним пытался его запугать. Еще бы, ведь автором этой книги был не кто иной, как сам главный редактор органа ЦК, журнала “Вопросы философии” Иван Тимофеевич Фролов. И что же оказывается? В этой же книге высокопоставленный идеолог с сожалением констатирует, что официальный философ Митин умудрялся с легкостью благословлять диалектическим материализмом “научные и практические заслуги Т.Д. Лысенко”, в чем, по словам И.Т. Фролова, “нашла свое предельное выражение вульгаризация творческого и многостороннего метода материалистической диалектики”.

Увы, в лучшем случае поверхностный, а часто и безграмотный стиль таких одергиваний был попросту рассчитан на запугивание и безответность “не владеющих методом диалектического материализма”. Как видно, иногда дать ответ можно было и без глубокомысленных методов.

“Конечно, я согласен с Н.Н. Медведевым, хорошо опровергающим рецензентов, ссылающихся на мою книгу “Генетика и диалектика”, которая утверждает совсем другое” – напишет позже сам И.Т. Фролов в отзыве на книгу Н.Н. Медведева.

Свой отзыв на сверку книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” В.А. Энгельгардт отправил в редколлегия серии “Научно-биографическая литература” 11 октября, а через пару дней и самому Н.Н. Медведеву передал оригинал и четыре ксерокопии своего отзыва. Какой предусмотрительный человек – мало ли еще где автору может пригодиться его отзыв!

О книге Н.Н. Медведева
“Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО”

Для меня нет ни малейшего сомнения в том, что книга Н.Н. Медведева об Ю.А. Филипченко представляет собою ценный труд и бесспорно заслуживает опубликования. Прискорбно, что вследствие получения одной неблагоприятной, – но от начала до конца необоснованной и тенденциозной, – рецензии, выход книги задержался на целый год.

Рецензия, вызвавшая эту задержку, содержит одну фразу в две строки положительной оценки работы Н.Н. Медведева (“Н.Н. Медведевым проведена большая работа по упорядочению материалов из жизни и деятельности Ю.А. Филипченко”). Вся остальная часть (две страницы текста) посвящена уничтожающему разбору одной из семи глав, посвященной наследственности человека. Стилль этой “критики” таков, что создается впечатление, словно она написана в кулуарах недоброй памяти сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Н.Н. Медведеву приписываются все возможные смертные грехи: непрофессионализм во владении материалистической диалектикой; фрагментарность текста; отсутствие продуманности; тривиальность выводов; нахождение во власти эмоций (!); утрата “стратегии научного поиска”; коренная ошибочность недооценки якобы положительной значимости генетической дискуссии раннего послереволюционного периода и пр. Голословность и явная предвзятость этих выдуманных обвинений настолько очевидна, что бесполезно тратить время на их опровержение.

На самом деле следует признать, что в главе, которую рецензент инкриминирует автору книги, дается очень обстоятельный, объективный анализ несомненных достоинств и наряду с этим некоторых неудачных формулировок и оценок евгеники, содержащихся в статьях и брошюрах Ю.А. Филипченко. В несколько более развернутой форме это сделано в примечании “От редакции” и тем самым главный упрек рецензента совершенно утрачивает силу.

Рецензент, в заключение, рекомендует выпустить книгу в 1982 г., т.е. через шесть лет, приурочивая к 100-летию со дня рождения Филипченко. Можно сказать рецензенту спасибо, что он не предложил, например год 2003, пятидесятилетие открытия природы вещества наследственности.

Книгу безусловно следует выпустить в самое непродолжительное время.

В. Энгельгардт

Между тем в ситуацию с книгой “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” включился академик А.Л. Яншин. Напомним, что к нему, как к заместителю председателя РИСО АН СССР, обратилось само издательство после получения отрицательной анонимной рецензии на ее сверку.

Роль Александра Леонидовича в спасении книги оказалась решающей.

Чтобы определить дальнейшую судьбу очерка Н.Н. Медведева редколлегия серии “Научно-биографической литературы” поручила сначала двум рецензентам И.Т. Фролову и М.С. Гилярову, а несколько позднее и третьему – академику А.А. Баеву – дать на него официальные заключения. От их оценок зависело, продолжит ли издательство работу с книгой или на ней будет поставлен крест. В неопределенном и слишком затянувшемся положении с очерком заключения рецензентов желательно было получить до конца 1976 г., до утверждения плана издательства на следующий год.

Для работы официальных рецензентов Н.Н. Медведеву пришлось приготовить целое “дело” – написать справку о прохождении рукописи книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” в “Науке”, изготовить копии ее сверки, рецензий И.Н. Смирнова, рецензии анонима и собственного ответа на нее. В середине октября Н.Н. Медведев отвез эти материалы З.К. Соколовской, ученому секретарю редколлегии серии “Научно-биографической литературы”, для передачи А.Л. Яншину.

1 ноября А.Л. Яншин направил в издательство на имя ВРИО главного редактора И.В. Штрома следующее письмо, копию которого он передал и Н.Н. Медведеву:

Глубокоуважаемый Исаак Владимирович!

2 сентября с/г Вы направили в адрес редколлегии “Научно-биографическая литература” на мое имя письмо № 10217-675, Уч-17, в котором сообщали, что сверка книги Н.Н. Медведева “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО” посылалась издательством на дополнительное рецензирование и получила отрицательный отзыв, что “издательство разделяет мнение рецензента” и потому ставит вопрос об исключении работы Н.Н. Медведева из плана выпуска.

Меня почти два месяца не было в Москве, что задержало мой ответ на Ваше письмо. За эту задержку я приношу Вам свои извинения. В то же время я выражаю глубокое сожаление в связи с тем обстоятельством, что издательство разделяет мнение своего безвестного рецензента, а не крупных ученых, которые давали положительную оценку работы Н.Н. Медведева.

Как ни прискорбно это обстоятельство, Ваше письмо заставляет меня принять дополнительные меры по оценке работы Н.Н. Медведева. С ее сверки сняты ксерокопии, которые разосланы для получения заключений разным лицам и учреждениям. Заключение от академика В.А. Энгельгардта уже получено. Он с возмущением пишет о той рецензии, которую получило издательство, и требует немедленного опубликования книги Н.Н. Медведева.

Однако я понимаю, что академик В.А. Энгельгардт в вопросах биологии для издательства не авторитет и потому ожидаю отзывов о сверке книги Н.Н. Медведева от нескольких официальных учреждений. Если хотя бы один из них окажется отрицательным, то я обращусь к академику П.Н. Федосееву, председателю РИСО, с просьбой исключить из плана работу Н.Н. Медведева. Но, если все они будут положительными, то я доложу ему все эти отзывы и попрошу его дать указание издательству о немедленном выпуске работы Н.Н. Медведева.

В связи со сказанным прошу Вас принять меры к тому, чтобы набор книги Н.Н. Медведева до окончательного решения вопроса не был рассыпан. Иначе издательству, возможно, придется повторять ее набор, что вряд ли для издательства будет выгодно.

Заместитель Председателя РИСО АН СССР

Академик

А.Л. Яншин

С этого момента началось медленное воскрешение приговоренной книги.

Опуская многие подробности о том, как непросто было в сжатые сроки организовать взаимодействие очень занятых людей, оказавшихся вовлеченными в эту историю, отметим, что все они с большим пониманием отнеслись к судьбе книги – их отзывы были получены своевременно. Огромную организационную помощь в этом деле оказала Зинаида Кузьминична Соколовская. Выражение “мир не без добрых людей” как нельзя лучше отражает ее участие в этой сложной истории. При этом не только Н.Н. Медведеву, но и А.Л. Яншину не раз приходилось исполнять роли и почтальона, и курьера.

И все же кое-что об этом периоде противостояния издательства и автора с участием в качестве коллективного арбитра виднейших представителей ученого мира мы кратко расскажем.

Вмешательство в судьбу книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” руководства РИСО и привлечение к ее оценке заведомо авторитетных ученых лишь на время приостановили, но не прекратили атаки издательства на автора – процесс его распытия продолжался.

К концу года возобновились требования об изъятии все новых и новых частей книги.

Так, 18 ноября В.П. Лишевский звонит Н.Н. Медведеву и сообщает, что книгу “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” издать можно, если исключить из нее теперь уже всю главу о генетической дискуссии

1920-х гг. и еще кое-что из других глав. На что Н.Н. Медведев ответил, что прежде, чем принимать какое-то решение, намерен получить заключение по своей книге прежде всего И.Т. Фролова, которому сверка ее уже передана и который тоже считает, что дело совсем небезнадежно.

2 декабря З.К. Соколовская сообщила Николаю Николаевичу, что в РИСО на сверку его книги поступил отзыв академика М.С. Гилярова.

Глубокоуважаемый Александр Леонидович,

по Вашей просьбе я внимательно просмотрел ксерокопию набранного текста биографии Ю.А. Филипченко (текст Н.Н. Медведева). Конечно, замечаний можно сделать довольно много. С моей точки зрения, несколько в отрыве от конкретной эмбриологической работы по изотопам стоят общие рассуждения об эмбриологии начала XX века – правильные, но не относящиеся к работе Ю.А. Филипченко. В списке литературы не указано, что книга Филипченко “Экспериментальная зоология” (1932) издана под ред. И.И. Презента с его предисловием, в котором приведены данные о Ю.А. Филипченко – это предисловие следовало бы включить в библиографию о Филипченко. Кстати, насколько я помню, книга у меня пропала, в предисловии Презент писал, что признание наследования приобретенных признаков противоречит диалектическому материализму (правда, это мое воспоминание, которое может оказаться неверным), но предисловие с прекрасным отзывом о Ю.А. Филипченко – факт, который, чтобы быть объективным, Медведеву стоит учесть и внести в книгу²¹. В биографии нет (снова полагаюсь на память) книги Исаева “Пересадки и сращивания”, насколько помню, под редакцией и с предисловием Ю.А. Филипченко.

²¹ Приходится только сожалеть, что столь уважаемый рецензент, как академик М.С. Гиляров, коснулся оценки книги Ю.А. Филипченко “Экспериментальная зоология” таким “специалистом” в области биологии как И.И. Презент, полагаясь только на свою память.

Н.Н. Медведев прекрасно знал не только о таком “вкладе” И.И. Презента в биологическую науку, как упомянутое “предисловие с прекрасным отзывом о Ю.А. Филипченко”, но и о его многочисленных примечаниях в посмертном издании книги “Экспериментальная зоология”. В исключенном издательством фрагменте рукописи Н.Н. Медведев давал этому “вкладу” такую оценку: “... В выборе “методов” дискредитации Ю.А. Филипченко Презент не гнушался ничем. В частности, пользуясь беспрепятственным и даже безнаказанным доступом к рукописи книги “Экспериментальная зоология”, когда она находилась в печати, он снабдил ее чудовищным, от начала до конца клеветническим пасквильным предисловием на 23 печатных страницах – случай, своего рода, беспрецедентный не только в советской, но, вероятно, и в мировой науке и литературе. Отложите, читатель, на один вечер все ваши очередные дела и ознакомьтесь с этим документом – он даст вам полное представление о той обстановке, в которой Ю.А. приходилось работать на кафедре университета. Без этого и им подобных литературных “памятников” из недавнего прошлого нашей науки генетикам будущих поколений было бы невозможно представить, что так оно и было в действительности!”. – *Примечание составителя.*

Есть неудачное выражение – на стр. 48 “при большом скоплении народа” – лучше “стечения”. Стр. 53 – “в своих представлениях на наследственность” – надо “о наследственности”. На стр. 38 нужно “Б.С. Кузин”.

Я рекомендую на стр. 57 снять слова “так и особенно интеллигенции”, а на стр. 58, 5-й абзац сверху – исключить слова “интеллигенция по причине своей неприспособленности” – это не стоит делать обобщением. Нелепо на стр. 63 “по той же причине он с 1923 г. занимался пшеницами”.

Это мои замечания.

В целом же не вижу причин, чтобы не печатать эту книгу о Филипченко. Тем более после того, как она уже одобрена и набрана. Могла бы быть лучше, но это можно сказать о любой книге.

Я понимаю, что у кого-то вызывает опасение то, что в биографии уделено много внимания работам Филипченко по евгенике. Евгеника как наука об улучшении человеческой природы имела много аспектов и среди них те, которые ненавистны всему прогрессивному человечеству – на евгенику ссылались человеконенавистники – оголтелые гитлеровцы-расисты, на нее ссылались ку-клукс-клановские американские расисты и т.д. Так получилось, что слово “евгеника” получило и не свойственный ей “душок”, навязанный спекулирующими псевдонаукой учеными.

Но в приводимых в биографии Филипченко высказываниях этого генетика нет и тени подобных элементов. Местами его высказывания звучат наивно для нас (надо помнить 50 лет бурного социалистического развития и роста науки, отделяющих нас от писаний Филипченко), а местами его высказывания отвечают необходимости заботы о здоровье человечества – тем мерам медицинской генетики, которые сейчас осуществляются у нас. Тезис о генетической неоднородности любого вида, не вызывает сомнений. У Филипченко нет никаких высказываний о тех насилиях, к которым призывали фашисты, в какой-либо мере их одобряющих; он клеймит подобные методы – его забота о генетическом здоровье человека предусматривает разумную пропаганду генетических знаний и в книге Медведева подчеркивается, какие надежды Ю.А. Филипченко возлагал на те масштабы доступа к образованию широких масс, которые открыла советская действительность.

Я считаю, что в книге “Ю.А. Филипченко” нет ничего, что препятствовало бы опубликованию, и задержка ее выхода – непонятная мне перестраховка. Тем более, что в послесловии (“От редакции”. – *Сост.*) еще лучше, чем в биографии, показана исторически обусловленная ограниченность ряда положений Филипченко.

Филипченко был крупным советским ученым, оставившим след в зоологии и генетике, и познакомить с ним читателей, интересующихся историей науки, надо. По-моему, книга должна выйти по плану.

С искренним к Вам уважением
25.XI.76

М.С. Гиляров (академик)

В научном мире Меркурий Сергеевич Гиляров считался весьма строгим рецензентом, поэтому полученный от него благожелательный отзыв был еще одной хорошей поддержкой в деле спасения книги.

В течение ближайших дней нужно было получить отзывы А.А. Баева и И.Т. Фролова.

Самым неуволвимым и труднодоступным в те дни оказался И.Т. Фролов. Напомним, что Иван Тимофеевич Фролов был в то время главным редактором журнала “Вопросы философии” и занимался философскими проблемами естествознания, в частности, генетики.

Иван Тимофеевич, получив сверку книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”, взял с ее автора обещание написать статью о Филипченко для журнала “Вопросы философии”. Н.Н. Медведев при очередной личной встрече намеревался показать проект этой статьи. Однако назначаемые И.Т. Фроловым встречи по разным причинам им же самим несколько раз отменялись. У Н.Н. Медведева в какой-то момент даже сложилось впечатление, что Иван Тимофеевич сознательно избегает встреч. Позднее такие подозрения исчезли – их личное общение оставило у Н.Н. Медведева самое благоприятное впечатление об этом человеке.

Однако 7 декабря, после очередной несостоявшейся встречи, Н.Н. Медведев отправил И.Т. Фролову следующее послание.

Многоуважаемый Иван Тимофеевич!

К моему большому сожалению, наша встреча сегодня снова не состоялась. Поэтому сразу по возвращении домой пишу Вам эту пояснительную записку, в которой считаю необходимым привести те замечания, которые я предполагал сделать лично, и прежде всего по поводу рукописного проекта статьи, о которой шла речь в телефонных беседах. Я не переписывал рукопись на машинке только потому, что отнюдь не был уверен в том, что она найдет одобрение. В противном случае это может быть сделано быстро.

Во-вторых, если на основании знакомства с главой по наследственности человека Вы найдете нужным дать заключение о возможности опубликования книги о Ю.А. Филипченко, то сделать это имеет смысл не позднее 25 декабря, поскольку вопрос о ней будет решен в конце декабря. Все прочие главы книги ни у кого не вызывали сомнений.

Ваше заключение по данному вопросу следует направить академику А.Л. Яншину (...)

Ксерокопию книги о Ю.А. Филипченко я желал бы получить от Вас лично или через Ваших секретарей – она у меня единственная.

Для связи по всем другим возможным вопросам ниже привожу свои телефоны и готов явиться к Вам по первому Вашему напоминанию.

С уважением

Н. Медведев

С А.А. Баевым Николай Николаевич был хорошо знаком и решил сам позвонить ему и спросить об отзыве, что и сделал 14 декабря.

Александр Александрович сообщил ему, что об отзыве на книгу “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” его уже просил недели 2–3 тому назад Председатель РИСО академик П.Н. Федосеев, но до сих пор он не получил официального запроса. А пока такого официального поручения нет, он как академик-секретарь и член Президиума, не вправе давать такого рода заключения. Он с удовольствием выполнит это поручение, как только получит официальный запрос.

Из разговора с А.А. Баевым выяснилось, что он окончил медицинский вуз в Казани и, когда писал свою первую статью, собранный материал обрабатывал, пользуясь книгой Ю.А. Филипченко “Изменчивость и методы ее изучения”. Эту книгу А.А. Баев считает классической. Н.Н. Медведев сообщил, что эта книга сейчас готовится к переизданию.

Позднее выяснилось, что еще 3 декабря А.Л. Яншин распорядился отправить официальные запросы на отзывы, но где-то кто-то почему-то своевременно не исполнил это его поручение. И только опять же после вмешательства находившегося в Москве самого А.Л. Яншина И.Т. Фролову и А.А. Баеву были подготовлены официальные запросы на отзывы о книге “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО”.

Александр Леонидович Яншин искренне переживал и недоумевал по поводу издательской волокиты вокруг книги и старался помочь разрешить ситуацию, созданную и нагнетаемую издательством. Его участие в этой эпопее, конечно же, было неоценимой поддержкой автору, который со стороны своих ближайших коллег, в том числе, даже учеников Ю.А. Филипченко, получал единственный совет – идти на уступки издательству по всем его претензиям. Не мог Н.Н. Медведев бесконечно идти на поводу у издательства и соглашаться с такой позицией!

20 декабря А.Л. Яншин писал Н.Н. Медведеву.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Оставляю Вам пакет с письмом на имя И.Т. Фролова. Полный комплект материалов для А.А. Баева оставляю у себя и вручу ему в четверг 23.XII на общем собрании в Доме Ученых. После общего собрания 28.XII я проведу заседание редколлегии научно-биографической литературы и сразу после этого вылету в Новосибирск.

Поэтому уже сейчас искренне поздравляю Вас с наступающим Новым Годом и горячо желаю скорейшего окончания всех мучений с Вашей книгой.

Снова прилечу в Москву около 20 января.

Ваш

А. Яншин

22 декабря Н.Н. Медведев отвечал А.Л. Яншину:

Глубокоуважаемый Александр Леонидович!

Кажется, все основные хлопоты для меня теперь позади – остается ожидать окончательного решения вопроса. В нем, я думаю, последнее слово будет сказано И.Т. Фроловым. Правда, в нашей двукратной встрече он был достаточно доброжелателен и главным условием выхода книги ставил существенное условие – написать для журнала “Вопросы философии” статью на тему книги, что я и сделал, а рукопись ее вместе со сверкой книги передал ему через секретаря 7.12.76. Но кто знает, каково будет последнее слово.

Что касается А.А. Баева, то я не сомневаюсь в том, что его заключение будет также благоприятным. Я предварительно говорил с ним по телефону от своего лица. Он сказал, что на одном заседании Президиума АН СССР академик П.Н. Федосеев обращался к нему с просьбой дать заключение на сверку моей книги, и А.А. Баев недоумевал, что она к нему до тех пор не поступила.

А.А. Баев с большим уважением относится к памяти Ю.А. Филипченко, труды которого по генетике и изменчивости он справедливо считает классическими; три из них будут переизданы “Наукой” в 1977 г.

Я приношу Вам искреннюю благодарность за Ваше участие в этом досадном деле, независимо от его исхода. Ваше доброжелательное отношение к нему и ко мне лично оставили в моей памяти самое благоприятное впечатление. Пользуюсь данной возможностью поздравить Вас и Ваших близких с наступающим Новым Годом и пожелать доброго здоровья и успеха во всех Ваших добрых начинаниях.

Искренне Ваш

Н. Медведев

25 декабря И.Т. Фролов позвонил домой Н.Н. Медведеву и сообщил, что он изучил материалы по книге и не увидел оснований не выпускать ее. Детальный разговор был отложен на несколько дней. Н.Н. Медведев поздравил его с успехом в выборах в Академию – И.Т. Фролов был избран член-корреспондентом АН СССР.

А.А. Баев передал в РИСО свой отзыв на сверку книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” 29 декабря.

Глубокоуважаемый Александр Леонидович!

Вы просили меня ознакомиться со сверкой книги Н.Н. Медведева “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО” и дать о ней отзыв. Я это сделал – с интересом прочел биографический очерк об этом замечательном ученом, а также приложенные отзывы. Сообщаю свое заключение.

Мое мнение совершенно определенное – бесспорно книгу следует печатать. Крайне печально, что рецензия безвестного анонима оказалась более веской, чем отзывы авторитетных биологов, хотя рецензия не содержала ничего, что не высказывалось бы в аналогичных ситуациях ранее.

Я думаю, что нужно придерживаться какого-то единого и конструктивного подхода к ученым прошлого, к истории нашей науки и, в частности, биологии.

Мне кажется, следует ориентироваться прежде всего на интегральную оценку личности ученого, его места в истории нашей науки, вклада в ее развитие. Опрометчиво ставить эту оценку в полную зависимость от его второстепенных заблуждений и ошибок. Иначе мы обездолим самих себя и обедним историю нашей науки.

Читая книгу Н.Н. Медведева, я лишний раз убедился, что в заблуждениях и ошибках крупных ученых (в данном случае Ю.А. Филипченко) есть глубокая закономерность – они отражают определенный этап развития научных идей и общественной жизни; их анализ поэтому поучителен в не меньшей степени, чем оценка положительных вкладов. Нам трудно, например, представить себе, что глава первой в стране кафедры генетики не разделял хромосомной теории наследственности, но это было так (стр. 28–29 книги). И Н.Н. Медведев раскрывает логику этого заблуждения Ю.А. Филипченко.

По поводу евгеники и наследственности человека, особенно в связи с ламаркизмом. По этим вопросам во времена Ю.А. Филипченко шли горячие споры, и я не сказал бы, что они закончились теперь. Именно поэтому в книге Н.Н. Медведева заслуживает внимания глава “Исследования по наследственности человека”. Она освещает взгляды крупного биолога и дискуссии прошлых времен, которые большинству известны лишь понаслышке.

О взглядах Ю.А. Филипченко на наследственность человека мы судим с высоты своего почти 50-летнего опыта (он умер в 1930 г.), кое-что нам кажется в его формулировках незрелым и неточным, и это естественно – ведь за столетие мы чему-то научились. К слабым сторонам воззрений Ю.А. Филипченко мы можем относиться сейчас спокойно – будучи естественным продуктом времени, они уравниваются положительными элементами его научного вклада, и уж во всяком случае не дают повода сомневаться в гуманности и искренности намерений этого ученого.

В книге Н.Н. Медведева содержатся все оговорки, необходимые для правильных оценок. Я не уверен поэтому, что редакционное послесловие абсолютно необходимо. Следует заметить, что Н.Н. Медведев очень объективно анализирует научную деятельность Ю.А. Филипченко и его никак нельзя заподозрить, и тем более обвинить в необоснованном восхвалении своего учителя.

В рецензии анонима говорится о том, что “... книга может превратиться в пропаганду чуждых нашей идеологии идей...” (стр. 2); поэтому, видимо, безвестный критик рекомендует воздержаться от ее издания. Кого он хочет защитить от этого вредного влияния – зрелых людей: преподавателей и ученых, историков науки и любителей биологии? Может быть, он боится идеологического растления студенческой молодежи? Я лучшего мнения о нашем читателе, даже и молодом, – думаю, что он сам в состоянии разобраться в материале книги, где к тому же представлены все, так сказать, путевые знаки.

В заключение повторяю свое мнение: книгу нужно, конечно, издавать – это хороший, полезный труд.

Академик

А. Баев

На состоявшемся 29 декабря заседании редколлегии “Научно-биографической литературы” А.Л. Яншин распорядился все официальные отзывы о сверке книги “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” отправить в издательство “Наука”. Одновременно он еще раз (после письма И.В. Штрому) дал распоряжение директору издательства “Наука” Г.Д. Комкову готовить книгу к печати, так как все отзывы о ней будут положительными.

На тот момент не был получен только отзыв И.Т. Фролова, хотя его положительное мнение о книге было известно. Появилась реальная надежда на то, что книга все же увидит свет.

Итак, заканчивался тяжелейший для Н.Н. Медведева 1976 г., в течение которого ему пришлось выдерживать многократные удары издательства не только по своей книге о Ю.А. Филипченко, но и по переиздаваемой книге самого Ю.А. Филипченко “Эволюционная идея в биологии”. Но тяжелее всего для него были даже не столько нападки издательства – это было достаточно закономерно в те годы, – сколько “подножки” своих же коллег.

1977 год

6 января 1976 г. Н.Н. Медведев неожиданно узнал, что на верстку его очерка “Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО” получен отрицательный отзыв философа И.Н. Смирнова. Ровно год спустя, 7 января 1977 г. он ознакомился с отзывом, переданным в РИСО другим философом И.Т. Фроловым.

Глубокоуважаемый Александр Леонидович!

В соответствии с Вашей просьбой я изучил присланные мне материалы – прежде всего ксерокопию набранного текста книги Ю.А. Филипченко, написанную Н.Н. Медведевым.

Я хотел бы еще раз подтвердить высказанное мной в беседе с Вами свое полное одобрение текста книги Н.Н. Медведева. Полагаю, что книга должна быть издана в самое ближайшее время, так как она соответствует, на мой взгляд, всем необходимым требованиям – в том числе по линии методологической, социально-философской.

Отрицательные замечания рецензентов по этой линии являются, на мой взгляд, необоснованными, и мне грустно, что и проводимая мной на протяжении ряда лет работа, целью которой было – объективно, без

нашивания ярлыков, но и критично исследовать историю советской генетики – наверное, мало дала результатов, по крайней мере, в среде философов. Конечно, я согласен с Н.Н. Медведевым, хорошо опровергающим рецензентов, ссылающихся на мою книгу “Генетика и диалектика”, которая утверждает совсем другое.

К сожалению, текст послесловия “От редакции” написан, мне кажется, в не совсем приемлемой форме. Многие формулировки, призванные “исправлять” Ю.А. Филипченко, сами требуют большой и основательной правки. Легче было бы, конечно, написать заново это послесловие, но я взял на себя труд отредактировать его. Не буду перечислять все несуразности, которые надо было устранить: сама стилистика послесловия не является во многих случаях научной. Такой стиль мы стараемся изживать, но, увы.

Хочу Вас уведомить, что на страницах журнала “Вопросы философии” мы начинаем публикацию серии статей по методологическим проблемам истории советской генетики (к XIV Международному генетическому конгрессу, членом Бюро Оргкомитета по подготовке которого я состою). Уже в №№ 2 и 3 за этот год будет дана статья Д.К. Беляева и П.Ф. Рокицкого, где наряду со всем прочим много хорошего говорится и о Ю.А. Филипченко.

Простите меня, что несколько затянул с ответом – я ведь делаю все это, будучи, так сказать, в отпуске.

Возвращаю все присланные мне материалы. Прошу обратить внимание на стр. 96–100 ксерокопии книги Н.Н. Медведева, которые я отредактировал²² по своему разумению (если всю правку объяснять, надо будет написать еще столько же).

Искренне уважающий Вас

Главный редактор журнала “Вопросы философии”,

Член-корреспондент АН СССР

И. Фролов

Итак, по мнению весьма уважаемых ученых, в том числе и стоящих на страже государственной идеологии, в книге не было обнаружено никакой “пропаганды чуждых нашей идеологии идей...”. Более того, по их отзывам, все акценты в оценке работ Ю.А. Филипченко, касающихся разных направлений его научной и практической деятельности, совершенно правильно были расставлены, прежде всего, автором книги, т.е. Н.Н. Медведевым.

Казалось бы, что после этих положительных оценок уже больше нет причин для торможения издания. Да и к кому можно было еще апеллировать и что еще искать в книге?

²² Н.Н. Медведев сохранил этот удивительный документ – послесловие “От редакции” с правкой И.Т. Фролова. Для иллюстрации в книге приведен только его фрагмент. – *Примечание составителя.*

В свое время А.Л. Яншин, как заместитель председателя РИСО, предупредил издательство, что если хотя бы один из отзывов, которые будут получены от назначенных им рецензентов, будет отрицательным, то он сам потребует снять с издания эту многострадальную книгу. Все отзывы о книге были не просто положительными – в них рецензенты высказывали недоумение по поводу задержки ее издания.

Отзывы А.А. Баева, И.Т. Фролова, М.С. Гилярова, В.А. Энгельгардта вместе с распоряжением заместителя Председателя РИСО А.Л. Яншина печатать книгу Н.Н. Медведева были направлены директору издательства Г.Д. Комкову.

Однако издательство хранило молчание.

Автор ждал сигнала из издательства – ждать пришлось довольно долго. Только 18 мая из издательства последовал звонок редактора книги В.Н. Вяземцевой – приглашение Н.Н. Медведева на новый раунд переговоров!

На вопрос Н.Н. Медведева, что она может сказать по поводу отправленных материалов от имени РИСО, редактор книги пыталась уверить его, что ни четырех отзывов, ни правки И.Т. Фролова в их послесловии “От редакции” она не видела. Странно, не правда ли?!

Узнав, что в данный момент в Москве находится А.Л. Яншин, Н.Н. Медведев отложил назначенный в издательстве разговор, решив сначала переговорить с ним.

Между тем всеведущая А.А. Прокофьева сообщила Н.Н. Медведеву о разговоре с И.Б. Ветровой. Та объясняла их долгое молчание переездом издательства в Беляево, и одновременно сообщила, что В.П. Лишевскому дано задание добиться от Н.Н. Медведева такой переделки сверки, чтобы книгу можно было печатать. Для этого из нее надо изъять все, “что не проходит”.

Здесь снова уместно задать не один, а множество вопросов. Кто определял, “что проходит” и “что не проходит”? Где эта граница, которая видна каким-то невидимым силам и не видна никому из крупнейших ученых? Неужели были более компетентные специалисты, чем те, которые только что одобрили эту несчастную книгу? Куда можно было еще обращаться, чтобы понять, что же именно неверно или вредно в этой книге? и т.д., и т.п.

Н.Н. Медведев не стал торопить редакцию – решил сам дожидаться от нее сигнала. И дождался.

Только 23 сентября В.П. Лишевский сообщил ему, что издательство готово печатать книгу, однако в сверке нужны еще дополнительные купюры. После девятимесячного затишья ав-

тору было предложено срочно приехать в редакцию для согласования мест, требующих исключения. Н.Н. Медведев попросил выслать ему сверку по почте с указанием “непроходящих мест”.

Через пару дней Н.Н. Медведев получил по почте сверку с новой редакционной правкой. Редакция требовала изъять примерно 12 страниц набора из двух и без того сокращенных глав “У истоков генетической дискуссии (20-е годы)” и “Исследования по наследственности у человека. Евгеника”.

Что было делать автору, измученному непрерывным давлением издательства? Николай Николаевич пошел на уступки. В результате от двух упомянутых выше глав в книге осталась только сокращенная глава “Исследования по наследственности у человека”.

Издательство добилось, что ненавистное слово “евгеника” было изъято из названия главы. Сокращение текста привело к исключению нескольких позиций из списка литературы – правку пришлось выполнять по всему тексту книги. Но это нисколько не смущало издательство.

В своем дневнике Н.Н. Медведев с горечью писал, что “приходится соглашаться хотя бы ради полного списка трудов Ю.А. Филипченко, который не тронут”. Ведь он после 1930 г. не публиковался ни разу! В приложении к переизданной “Эволюционной идее ...” по распоряжению П.Ф. Рокицкого были оставлены только основные работы Ю.А. Филипченко, а не полный перечень.

Одновременно с новым сокращением авторского текста редакции пришлось расстаться и со своим “читом” – послесловием “От редакции”, написанным И.Н. Смирновым, с тем самым философским послесловием, в котором, по словам И.Т. Фролова «многие формулировки, призванные “исправлять” Ю.А. Филипченко, сами требуют большой и основательной правки».

К началу октября все вопросы между автором и редакцией были согласованы. Последнее, что удалось автору отстоять в этом сражении, – одну фотографию участников экспедиции 1926 г. в Казахстан (с Ф.Г. Добржанским). Непонятно, что или кто заставлял редакцию так перестраховываться – до этого фотографии с “невозвращенцем” Ф.Г. Добржанским печатались в книгах издательств “Наука” и “Молодая Гвардия” еще в 1968 г.

11 октября Н.Н. Медведев передал сверку с очередной (уже которой по счету!) правкой в издательство. Все вопросы были, наконец, согласованы и была дана команда печатать книгу.

Завершался еще один год.

1978 год

В конце января редактор В.Н. Вяземцева приглашает Н.Н. Медведева срочно приехать в издательство. На вопрос: “Снова нужны купюры?”, на сей раз последовал ответ: “Нет, просто проверить правку”. Сказав, что это должны сделать корректоры, он не поехал. В 78 лет нелегко мчаться на другой конец Москвы!

23 марта Н.Н. Медведев подписал сигнал книги “на выпуск в свет без опечаток”. Но вышедшая книга вместе с радостью доставила ему и большое огорчение, когда он увидел ее тираж – 2100 экз.

На вопрос: “Почему такой малый тираж?” получил ответ В.П. Лишевского: что возможно, это ошибка, но вообще он не знает. Выяснить, почему столь значительно был уменьшен тираж книги, так и не удалось. С большим трудом Николай Николаевич по разным магазинам собрал нужную ему сотню экземпляров.

Долгие три с лишним года прошли после сдачи рукописи в издательство “Наука”, пока Н.Н. Медведев смог, наконец, взять в руки эту небольшую, но очень дорогую для него книгу “Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО. 1882–1930”, за которую так долго и упорно пришлось сражаться.

20 апреля 1978 г. Н.Н. Медведев даже получил за нее гонорар в размере 610 руб. 94 коп.

* * *

Вот и вся история издания книги о крупнейшем российском ученом и замечательном человеке Юрии Александровиче Филиппченко...

А потом Н.Н. Медведеву пошли десятки писем... В них были рассказы и воспоминания еще живых в те годы современников Ю.А. Филиппченко, которые могли бы составить отдельную повесть.

В заключение приведем письмо Ю.И. Полянского, отправленное Н.Н. Медведеву 18 мая 1978 г.:

Дорогой Николай Николаевич!

“Благодарю Вас за прекрасную книгу о Юрии Александровиче Филиппченко. Я прочел ее целиком сразу же как получил, прочел залпом. Очень хорошо переданы общий характер лаборатории и ее атмосфера, как на университетской набережной, так и в ПЕНИ. Невольно встали в памяти воспоминания о тех прекрасных днях, о молодых годах. Спасибо Вам за эту книгу... (Здесь и далее многоточия Ю.И. – *Сост.*)

Сразу стало ясным, что именно пришлось Вам “изъять” из книги...

Ни слова о той травле, которой подвергся Юрий Александрович со стороны бандита Презента и его шайки. Почему вдруг Ю.А. Филипченко, создавший первую в России кафедру генетики и лабораторию генетики ПЕНИ вздумал оставить любимое детище и перебазироваться в Академию наук? Но это для всякого мало-мальски понимающего читателя и так ясно. Можно умолчать о бандитах, но нельзя фальсифицировать историю...

Крепко жму руку старого “петергофца”

Ваш тоже старый “петергофец”

Ю. Полянский

Эпилог

Когда работа над послесловием была уже завершена, на оборотной стороне одной из бумаг Николая Николаевича были обнаружены некие записи, на которые ранее не обращали внимание. Оказалось, что это был план задуманной, но незавершенной работы, для которой он столь аккуратно оставлял все свои материалы.

Конечно, без него самого никто уже не сможет оценить, насколько нам удалось реализовать его замысел.

Можно лишь уверенно сказать, что честность ученого, целеустремленность и гражданственность Юрия Александровича Филиппченко, о которых в своей книге рассказал Н.Н. Медведев, в равной степени были присущи и ему самому. Он до конца боролся за своего учителя и сделал все, что только можно было сделать в те годы.

Сам Николай Николаевич, как бы подводя итог своей многотрудной жизни, собирался озаглавить свои записки просто и мудро: “Жизнь как она есть”.

Н.А. Медведева

Г.Н. Медведев

Именной указатель

Авруцкая Т.Б. илл.
Адрианова-Фермор К.А. 21
Айрапетьянц Э.Ш. 108, 146–154, 156,
157, 159, 162
Алиханян С.И. 163, 164, 195
Астауров Б.Л. 144, 169
Ауэрбах Ш. 137

Бабков В.В. 9, 12
Баев А.А. 7, 143, 174, 212, 216–218,
220, 222
Балакшина В.Л. 157, 158
Бароян О.В. 134
Бельговский М.Л. 16, 26, 87
Белявская К.Г. 150–152, 155
Беляев Д.К. 7, 163, 166, 180, 181–184,
187, 191, 194, 197, 221
Берг Р.Л. 16, 173
Бжелецко Л.К. 19
Блау Р.И. 19
Бляхер Л.Я. 42, 160, 170, 192
Бовери 32
Бордзио И.Ф. 21, илл.
Бочков Н.П. 161, 170
Бутарин Н.С. 16, 87, 89, 90
Бэгт 145
Бэр 93, 94
Бэтсон У. 31

Вавилов Н.И. 5, 10, 11, 15, 25, 26, 28,
29, 75, 79, 81, 84, 98, 107, 131, 136,
137, 141, 208
Васильев Б.И. 26, 77
Введенский А. 34
Веджвуд Э. 54
Вейсман А. 22, 39, 42
Вершилова П.А. 134
Ветрова И.Б. 179, 189, 195–197, 200,
201, 205, 222
Веттштейн 32
Виллинбахов В.Б. 19
Водопьянова К.И. 19

Войтяцкий Б.П. 26, 87
Волоцкой М.В. 37, 38, 54
Выгодчиков Г.В. 134
Вяземцева В.Н. 162, 163, 169, 173,
187, 209, 210, 222, 224

Гайсинович А.Е. 35, 42, 200
Галл Я.М. 204, 208
Гальтон Ф. 38, 46, 52, 57, 94, 176
Гертовиг Р. 20, 30
Гершензон С.М. 144, 163, 164, 167,
186, 191, 195
Гиляров М.С. 7, 143, 174, 195–198,
212, 214–216, 222
Гинзбург Ф. 29
Гиппократ 44
Гольдшмидт 32
Горощенко Ю.А. 16, 19, 26, 87
Гращенков Н.И. 132

Данн Л. 91, 137
Данн С. 137
Дарвин Ч. 38, 46, 54, 93–96, 103, 104,
145, 206, 208
Де Фриз Х. 164
Девенпорт 54
Дельвиг В.Ф. илл.
Денисов В.Ф. 87, 89
Денн Л. (см. Данн Л.)
Добржанская (Сиверцева) Н.П. 21,
22, илл.
Добржанский Ф.Г. 21–23, 36, 40, 87,
113, 130, 136, 137, 146, 151, 170,
202–204, 208, 223, илл.
Дриш Г. 30, 31
Дрюбина С.Л. илл.

Жуковский П.М. 18

Заварзин А.А. 19, 30, 185
Захаров И.А. 138

Зильбер Л.А. 133, 134
 Зуйтин А.И. 21, 26, 44, 87, 103, илл.
 Иванов И.И. 111
 Инге-Вечтомов С.Г. 152, 159
 Иоганнсен В. 79
 Иоллос 40
 Исаев В.М. 214, илл.
 Каммерер 40
 Канаев И.И. 19, 143, 146, 160, 170, илл.
 Карпеченко Г.Д. 98, 151
 Карпинский А.П. 101
 Карышева Т.И. 19
 Касл У. 31
 Кено Л. 31
 Кеплер 95
 Керкис Ю.Я. 16, 26, 87, 146, 163, 165, 184, 186, 193
 Кершнер Д.М. 26
 Кеттле 176
 Кирикова Н.Н. 19
 Киров С.М. 107, 108
 Киселев И.А. илл.
 Колесник Н.Н. 16, 26, 87, 88, 146
 Кольцов Н.К. 15, 41, 47–49, 53, 143–145, 169, 184
 Комков Г.Д. 220, 222
 Конашев М.Б. 204
 Конклин Е. 31, 32
 Конюхов Б.В. 138
 Коперник Н. 95
 Корренс 32
 Корявов П.Н. 19
 Косыгин А.Н. 90
 Крик Ф. 145
 Кузин Б.С. 40, 215
 Кузьминова Л.Н. 146, 167, 180–182, 184, 186, 188–190, 195, 197, 200, 201, 208
 Куртыгин М.С. 155
 Лайон М. 137
 Ламарк Ж.Б. 22, 94, 104, 164
 Лёб Дж. 30, 32
 Лебедев Д.В. 140
 Левицкий Г.А. 151
 Ленин В.И. 25, 65, 175
 Ленц 53
 Леонов Н.Д. 40
 Лепин Т.К. 16, 21, 26, 44, 77, 81, 83, 84, 110, илл.

Литтл 145
 Лихтенштейн Е.С. 185, 188
 Лишевский В.П. 162, 168, 171, 173, 174, 179, 182, 183, 187, 210, 213, 222, 224
 Лобашёв М.Е. 18, 87, 113, 142, 159
 Лотси 22
 Луначарский А.В. 34
 Лус Я.Я. 16, 21, 26, 44, 87, 88, 90, 110, 146, илл.
 Лысенко Т.Д. 90, 131, 206, 207, 210
 Любимова В.Ф. 165, 198, 199

Мазинг Р.А. 28
 Малашенко А.М. 138
 Малиновский А.А. 161, 163, 170
 Маркс К. 175
 Медведев Г.Н. 9, 12, 136, 226
 Медведев Н.Н. илл.
 Медведева Н.А. 9, 12, 226
 Медведева Т.Г. 136
 Мёллер Г.Дж. 41, 42, 71, 136, 137, 145, 164, 190, илл.
 Мендель Г. 40, 43, 46, 55, 145
 Мирек В.Ф. 19
 Мирзоян Э.Н. 9
 Митин Б.М. 206, 210
 Морган Т. 22, 31, 32, 36, 137, 145, 189
 Муромцев С.Н. 134

Наталья 21, 22
 Нейфах А. 70, 71
 Никитин В.П. 87
 Нильсон-Эле Х. 75
 Ньютон И. 95, 96, 103

Оленов Ю.М. 16, 26
 Островский К.К. 40

Павлов И.П. 100, 101, 145
 Петропавловский Р. 70, 71
 Писарев В.Е. 75, 87
 Платонов Г.В. 207
 Полюнин (Блантер) В.М. 143, 144, 145
 Полянский Ю.И. 146, 167, 170, 186, 191, 224, 225
 Презент И.И. 96, 97, 101–106, 151, 160, 162, 166, 214, 225
 Прокофьева-Бельговская (Прокофьева) А.А. 16, 26, 145, 146, 161, 163, 165, 172, 173, 180, 184, 186, 190–201, 203, 222
 Пхакадзе Г.М. илл.

Раджабли Е.П. 16, 26
Рапорт И.А. 16, 163, 165, 166, 191,
193, 198, 200
Речменский С.С. 132
Розанова М.А. 19
Рокицкий П.Ф. 47, 144, 145, 163–165,
169, 184, 189–201, 221, 223
Ру В. 30
Румянцев Б.Ф. 26, 87, 89

Савельев В.И. 87, илл.
Саврасов В.И. 156
Семнер 40
Серебров А.И. 133
Серебровский А.С. 15, 145, 184, 195
Сидоров Б.Н. 133
Синнот Э. 91
Слепков В.Н. 39
Смирнов Е.С. 40
Смирнов И.Н. 142, 168, 170–174, 179,
182, 183, 204, 209, 212, 220, 223
Смирнов Ф.А. 87
Снелл Г. 137
Соколов И.И. 23, 88
Соколовская З.К. 9, 11, 212–214
Сопляков (Юрасов) Н.А. 111
Струнников В.А. 9
Сэмнер 40

Твардовский А.Т. 174
Тихомирова М.М. 147, 152–155, 159
Толстой Л.Н. 198
Тоуэр 40

Уотсон Дж. 145
Ухтомский А.А. 29, 157, 158

Фёдорова Н.Я. 16, 19, 20, 22, 26, 80,
142, 146

Федосеев П.Н. 174, 213, 217, 218
Филипченко А.А. 19, 29
Филипченко Г.Ю. 11, илл.
Филипченко Н.П. 11, илл.
Филипченко Ю.А. илл.
Фишер 40
Фляксбергер К.А. 75
Фролов И.Т. 7, 42, 143, 171, 174, 178,
203, 206, 210, 212, 214, 216, 218,
220–223

Хвостова В.В. 163, 164, 195
Хестон В. 137
Холдейн 145

Черняк Л.Е. 187, 189
Четвериков С.С. 15, 145
Чувиков П.И. 133
Чугунов А.И. 183, 187

Шабад Л.М. 132
Швейер А.В. илл.
Шлейп В. 31
Шпеман Г. 23, 30
Штром И.В. 212, 220
Шульженко И.Ф. 87

Энгельгардт В.А. 7, 143, 204, 205, 211,
213, 222
Энгельгардт Н.В. 205
Энгельс Ф. 103, 175
Эфроимсон В.П. 145

Яблоков А.В. 200, 201
Якушкина О.В. 79
Яншин А.Л. 7, 9, 11, 174, 178, 182, 187,
205, 212–214, 216–218, 220, 222,
илл.

Содержание

От составителей	5
Предисловие ко второму изданию	10

Н.Н. Медведев

“Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО (1882–1930)”

Предисловие к первому изданию.....	15
От автора	17
Основные вехи жизни и научной деятельности	20
Исследования раннего периода по эмбриологии низших насекомых	30
У истоков генетической дискуссии (20-е годы)	34
Исследования по наследственности у человека. Евгеника	43
Исследования по генетике пшениц	72
Экспедиционные исследования	85
Педагогическая и литературная деятельность.....	91
Уход Ю.А. Филипченко из Ленинградского университета	99
Заключение	109
Основные даты жизни и научной деятельности Ю.А. Филипченко	114
Список опубликованных трудов Ю.А. Филипченко.....	116
Основные литературные источники, использованные при состав-	
лении очерка	124

Приложение

Н.Н. Медведев и его книга

“Юрий Александрович ФИЛИПЧЕНКО”

Несколько слов об авторе книги	129
Трудно быть первым	140
“Ленинградское дело”	147
1972 год	147
1973 год	148
1974 год	156
“Московская Голгофа”	159
1974 год	159
1975 год	162
1976 год	168
1977 год	220
1978 год	224
Эпилог	226
Именной указатель	227

Научное издание

Медведев Николай Николаевич
Юрий Александрович Филипченко
1882–1930

Издание второе,
исправленное и дополненное

Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Н.М. Александрова*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры
Г.В. Дубовицкая, Е.А. Желнова

Подписано к печати 09.11.2005
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 14,5 + 1,0 вкл.
Усл.кр.-отт. 16,0. Уч.-изд.л. 14,1
Тираж 300 экз. Тип. зак. 3002

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

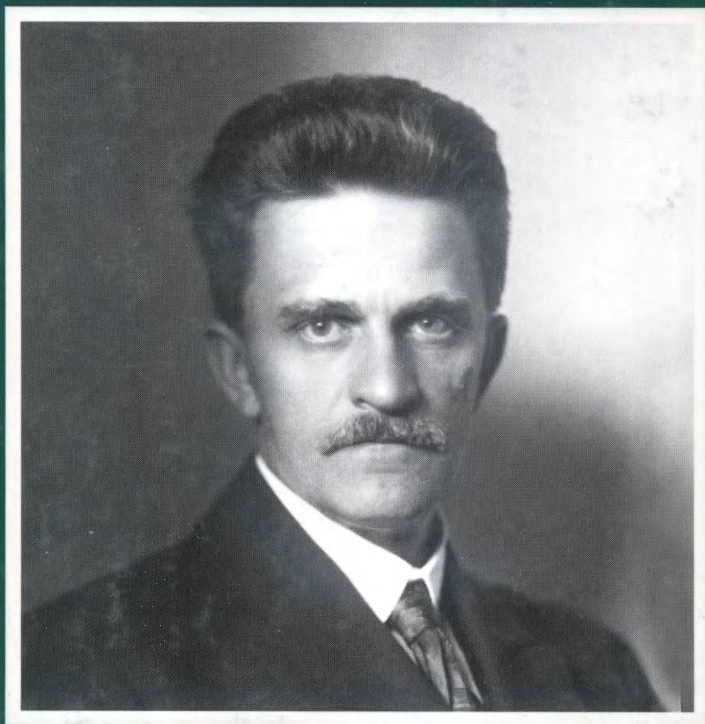
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12



Н.Н. Медведев
Юрий Александрович
ФИЛИПЧЕНКО

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА



Н.Н. Медведев
**Юрий Александрович
ФИЛИПЧЕНКО**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Автор книги доктор биологических наук Николай Николаевич МЕДВЕДЕВ (1899–1979) – выпускник, а затем сотрудник первой в нашей стране кафедры генетики, созданной ученым, профессором Ю.А. Филипченко в 1919 году в Петроградском университете. Позднее работал в Институте генетики у Н.И. Вавилова, откуда был уволен с приходом Т.Д. Лысенко. Последний продолжительный период жизни связан с Институтом эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи АМН.

В 1950-е годы Н.Н. Медведев начал заниматься исследованиями генетики рака на мышах. Под его руководством впервые в стране началось внедрение научных методов в лабораторное животноводство для обеспечения биомедицинских исследований инбредными животными. Созданная им лаборатория экспериментальных животных продолжает функционировать как самостоятельная НИЛ биомоделей (в Светлых Горах под Москвой).

Книги Н.Н. Медведева «Практическая генетика» и «Линейные мыши» были настольными для нескольких поколений генетиков. Им написаны также научно-популярные книги «От чего зависит пол ребенка» и «Беседы по биологии пола».

ISBN 5-02-033893-1

